

ДАРЬЯЛ

ФАНТАСТИКА

6

2023

ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

ДАРЬЯЛ

**Республика
Северная
Осетия-Алания**

**Литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал**

Выходит с 1991 года

**Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ**

**Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА**

Редакционный
совет:

**И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ**

6'2023

(179)

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Адрес редакции:
362040,
г. Владикавказ,
ул. Маркуса, 1.
Тел.: 53-60-30
53-68-10
54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru
<http://www.darial-online.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ 15-00144 от 22.05.2017.
Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель: Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 202
Тел.: (8672) 33-33-69

Рукописи
не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

16+

Выход в свет 29.12.2023.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}.
Бум. офсетная. Гарнитура шрифта Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16.
Заказ № 553.
Тираж 1200 экз.

АО «Осетия-Полиграфсервис».
362015, г. Владикавказ, пр. Коста, 11.
Тел.: 25-97-94.

Цена свободная

КОЛОНКА
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«СИСТЕМА ЗНАКОВ»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»

ИЗ МИРОВОГО НАСЛЕДИЯ
ФАНТАСТИКИ

ИЗ АРМЯНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И КРИТИКА

АВТОРЫ НОМЕРА

- 4 **Алан ЦХУРБАЕВ.** Система знаков
- 8 **Элина АГУЗАРОВА.** Корабль Тесея. *Миниатюра*
- 12 **Никита ЛИСОВОЙ.** Кошара. *Рассказ*
- 30 **Руслан БЕТРОЗТИ.** Кнопка. *Рассказ*
- 36 **Мурат ГЕЛЯСТАНОВ.** Карбюраптор. *Рассказ*
- 56 **Сослан ХЕТАГУРОВ.** Парад планет и нейросеть. *Миниатюра*
- 60 **Хасан ДЗИОВ.** Кукла ноября. *Рассказ*
- 76 **Александр АЛЕКСЕЕВ.** Три четверти. *Рассказ*
- 84 **Эльвира ФАРНИЕВА.** Требуется помощница повара. *Рассказ*
- 90 **Артур ОМАРОВ.** Предохранитель. *Рассказ*
- 114 **Диана СОЛТАНОВА.** Застолье. *Миниатюра*
- 118 **Лия ЛАФИШ.** Торговцы хуже блох. *Рассказ*
- 136 **Тимур АЛИЕВ.** Охота на дракона. *Рассказ*
- 142 **Артур ЦЕРЕКОВ.** Нельзя умереть дважды... *Рассказ*
- 146 **Хетаг ВАЛИЕВ.** «Хистар». *Рассказ*
- 158 **Адам САЛАХАНОВ.** Презентизм: индексальная трактовка; почему «он им подошел». *Рассказ*
- 176 **Алан КУБАТИЕВ.** Фантасты занимаются настоящим
- 180 **Алексей ЛЯЛЮЛИН.** Волчица. *Рассказ*
- 200 **Филипп КУЗЕН.** Я присню. *Рассказ*
- 218 **Геворг Тер-ГАБРИЕЛЯН.** Синдром Ятагана. *Рассказ*
- 240 **Диана ГАМИ.** Долгая дорога в Шир. *Эссе*
- 252
- 254 СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАРЬЯЛ» за 2023 год (№ 1–6)

Алан ЦХУРБАЕВ

СИСТЕМА ЗНАКОВ

Фантастика — это метод познания реальности» — именно этой мыслью мы руководствовались, когда задумывали этот особенный номер. Автор-фантаст в своем тексте делает некоторые необычные для привычного мира художественные допущения, порой совсем невообразимые, но все это имеет ценность лишь в том случае, если дает нам возможность познать себя, взглянуть на себя со стороны из альтернативной реальности.

Выходу этого номера предшествовал ряд событий. Первое — это круглый стол «Осетинская фантастика», организованный в Национальной научной библиотеке Северной Осетии художником Ростаном Тавасиевым в 2019 году. Ростан тогда поднял несколько действительно интересных вопросов.

Почему идея осетинской фантастики кажется фантастической? Существуют ли в национальной культуре причины, препятствующие ее возникновению? Может ли осетинская культура смотреть не только в воображаемое прошлое, но и в воображаемое будущее? Есть ли в национальном эпосе и культуре потенциал, который можно транслировать в воображаемое будущее? Нужен ли эпосу выход из поля сакрального в массовую культуру? Что может дать фантастика обществу? Может ли фантастика помочь развитию и выживанию национального языка? Существует ли в современном мире национальная фантастика или будущее — общее для всех?

Актуальность проблем, озвученных в этих вопросах, говорит сама за себя. Тогда же Ростан провел в библиотеке небольшое исследование и нашел всего четырех авторов, книги которых относились к жанру научной фантастики. После этого значимость проекта по развитию осетинской фантастики стала более чем очевидной.

Второе событие было следствием первого: в 2021 году мы решились на выпуск первого специального номера, посвященного фантастике. Это был рискованный шаг, но «Дарьял» всегда открыт для экспериментов, за что, думаю, многими и любим. Из всех текстов нашего первого «фантастического» номера я бы особо выделил рассказ Хоха Тлатова «Сон», который был написан на осетинском языке более века назад. Благодаря усилиям нашей редакции он был переведен на русский и нашел своего нового читателя. А ведь это первое произведение в осетинской литературе, написанное в жанре фантастической утопии. Так мы перебросили мостик между нашими авторами-фантастами, которых разделяет промежуток в сто лет.

И третье событие — это конкурс фантастического рассказа, спонсором и идейным вдохновителем которого выступила местная компания — интернет-провайдер M2 Connect. Выбрав звучное название «Система знаков» и договорившись о составе жюри, мы объявили прием заявок и к концу срока получили ни много ни мало — 60 текстов. Условие для авторов было только одно — обязательный кавказский сеттинг их произведений. То есть действие рассказов должно было быть непременно связано с образом Кавказа будущего. Так мы хотели подтолкнуть пишущих людей к созданию уникального мира будущего на основе национальных культурных традиций.

Номер, который вы держите в руках, составлен по большей части из этих конкурсных рассказов, выделенных в отдельную рубрику. Также мы опубликовали здесь короткую, но очень важную, на наш взгляд, статью Алана Кубатиева, известного российского фантаста осетинского происхождения.

Готовя этот номер, я вдруг вспомнил о своей собственной задумке фантастического рассказа. Чтобы понять, смогу ли написать его, я решил рассказать сюжет своей жене. И вот мы сидим на кухне, пьем чай, и я начинаю:

— Рассказ называется «Квартирант», и я действительно был несколько лет назад расквартирован в меблированных комнатах в одном из уютных кварталов старого Владикавказа. Там еще был прекрасный балкон с кованой решеткой и с видом на крыши. И хотя мой герой живет лет так на сто вперед, он так же, как и я, не имеет собственного жилья. Не то чтобы за этот век человечество ушло далеко вперед в нравственном плане — квартиранты по-прежнему не в чести у домовых старожил, ущемляя их в правах и считая их немного не тем сортом. Стоит только главному герою рассказа немного поднять звук на старом магнитофоне,

доставшемся ему от деда, как в стену сразу стучит соседка, неизменно заканчивая свою ругань нестареющим «понаехали тут...».

Его жизнь не задалась — как личная, так и профессиональная. Продав родительскую квартиру, он ютится во временном жилье. Да и в целом он не чувствует себя частью современного мира, захламляя свою квартиру бессмысленными предметами старины вроде грампластинок. Выходя на балкон покурить обычные сигареты, которые теперь не так просто найти в магазинах, он наблюдает одну и ту же картину — вдали, над старым городом, с космодрома каждый час взмывают ракеты. В них люди. Человечество хоть и не сильно прогрессировало с моральной точки зрения, но вот технически совершило рывок — в пределах досягаемости была обнаружена экзопланета, похожая на Землю. В кратчайшие сроки там возникли первые колонии, а самые богатые из землян наладили коммерческие рейсы, которые из-за жесткой конкуренции быстро подешевели. Наш город, как и вся наша планета, стал пустеть. Ведь всегда хочется начать все с нуля, сделать космический дауншифтинг. Вот только наш главный герой не спешит.

Финальную часть рассказа занимает продолжительный диалог нашего персонажа со своим старым другом. Они сидят в его квартире, и главный герой, находясь в расстроенных чувствах, начинает делиться мыслями о прошлом. Выясняется, что его предки были беженцами из Грузии, которым еще в начале XX века пришлось покинуть свою родину и бежать, спасаясь от преследования по национальному признаку. Начинать жизнь на новом месте всегда непросто. Потому что, оставив однажды свой дом, уже трудно привыкнуть к другому. И как бы плохо ни было там, где ты вырос, тоска по родным местам всегда будет с тобой, вот это действительно странная штука.

«Да и вообще, — говорит он своему другу, — всю жизнь нас тут на Кавказе считали чужаками, мы же действительно сюда из Ирана пришли, предки наши — восточные иранцы, ты же должен историю знать, вот потому-то нас тут никогда за своих и не считали. Ко мне недавно москвичи в гости приезжали, повез их на экскурсию в горы, оплатил турфирме как положено, так там гид так и сказал в микрофон: “Осетины — это инопланетяне Кавказа” — и засмеялся, как будто это весело. А это совсем не весело, это ужасно грустно. Мы веками всюду “инопланетяне” — везде чужие и нигде свои».

Комплекс «квартиранта» преследует главного героя всю жизнь.

«Ты думаешь, я не могу купить себе жилье? Могу, в любой момент, и мне больше никто не будет стучать в стенку, но разве я

буду там чувствовать себя дома? Уж лучше остаток жизни кочевать из одной халупы в другую, чем притворяться, что я нашел себя и свой дом. Это, по крайней мере, честнее. Да и предки наши были кочевниками, ты же должен историю знать...»

В конце рассказа друзья оборачиваются на шум очередной стартующей в далекий космос ракеты, и комнату заполняет едкий дым. Но это всего лишь дым дешевых сигарет...

Я закончил свою болтовню и наконец допил остывший чай. Моя жена, слушавшая все очень внимательно, некоторое время хранила молчание. И в наших отношениях это означает первую степень одобрения. Но неожиданно оказалось, что у нее тоже есть идея фантастического рассказа. И она начала:

— Далекое будущее, планета Земля. Человеческая раса достигла невероятных технологических высот, продвинулась во всех совершенно сферах жизнедеятельности, но при этом разделилась на два противоположных лагеря, которые воюют друг с другом за приграничные территории. И главный аргумент — конечно же, «исконные земли». Обе стороны предоставляют друг другу результаты самых передовых нанюглеродных исследований, но они никого не убеждают, и война продолжается. Когда дело доходит уже до угрозы взаимного уничтожения путем применения оружия мегамассового поражения, из космоса вдруг поступает сигнал, что воздушное пространство Земли нарушил неизвестный летающий объект, который совершенно неуязвим для оружия землян. Это инопланетяне. И они очень удивлены присутствию тут каких-то живых организмов, потому что, по словам пришельцев, это вообще-то их территория. И они даже могут предоставить неоспоримые доказательства. Они просто улетали по своим делам на пару миллиардов лет — надо было залечь на дно по каким-то причинам, замести следы. Теперь вот вернулись, как только решили свои проблемы, и просят покинуть их дом немедленно, иначе один луч будет выпущен с их корабля и всем землянам моментальный каюк.

Так она и сказала: «моментальный каюк», после этого встала и пошла в ванную. Мне, говорит, голову надо помыть.

— Только ненадолго! — крикнул я ей вслед. А про себя добавил: «Сколько я в эту ванную цемента и плитки вбухал во время ремонта... Это же теперь по-настоящему моя исконная территория!»

Элина АГУЗАРОВА

КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ

МИНИАТЮРА

Во время участия в Великой войне против машин Ацамаз сам превратился в машину. Частично сохранился кожный покров, мозг и два голубых огонька в мутных белках глаз, глядя в которые можно было обнаружить человека, спрятанного за стальной оболочкой. Его сослуживцы поначалу видели в нем врага. «Вроде воюем с роботами, а тут на соседней койке такой же лежит», — жаловались они командиру. Когда же вследствие полученных травм каждый в отряде имел себе минимум по одной бионической детали, к изменениям в облике Ацамаза стали относиться снисходительно, местами сочувственно. Сердце его больше походило на двигатель какого-нибудь столетнего автомобиля, чем на орган кровообращения. Да и крови в теле уже не осталось, это огорчало сильнее всего. Как пролить кровь за светлое будущее, если ее нет?

Ацамаз вернулся в родное село на девяносто процентов состоящим из металла и проводов, чем отпугнул от своего отчего дома добрую половину соседей. Приехал, конечно, не просто так, а по особенному поводу. Новость о том, что у его младшего брата родился сын, он получил в виде лаконичных четырех слов, выведенных аккуратным маминим почерком на клочке желтой бумаги: «Фатима родила сына, приезжай!» И вот Ацамаз уже сидит с отцом за столом, накрытым человеком на семь, и пытается не встречаться с родителем взглядом.

— Кушай, сынок, там не кормят нормально, я знаю, — тараторила мать и носилась по кухне. — Ты бы домой чаще приезжал, а то посмотри, что с тобой там сделали...

Есть Ацамаз не то чтобы совсем не хотел — он не мог. Органы чувств, такие как слух и зрение, работали почти привычно, осязание пропало само собой и сразу, а вот вкус стал бесполезен, поэтому потихоньку атрофировался. До настоящего момента об этой потере жалеть не приходилось.

Отец смотрел на сына с каким-то недоверчивым прищуром. Отвлекла его принесенная женой полная тарелка супа. Мужчина взял ложку и молча приступил к обеду. Тишину нарушил крик влетевшего в дом Сослана:

— Аца приехал!

Он за долю секунды оказался рядом и поднял в воздух тяжеленную конструкцию, которая когда-то была его братом.

— Давай рассказывай, как там на передовой! Я бы с тобой — ух! Я всегда хотел... но вот видишь, как вышло... Сына, кстати, назовем в честь деда...

Отец вдруг ахнул кулаком по столешнице:

— За столом мы едим, а не разговариваем!

Явное напряжение нервировало всех, кроме Сослана — его, судя по всему, нисколько не смущало пугающее обличье брата. Стоит сказать, что в этой местности время будто остановилось, по меркам современности оно откатилось назад. Здесь не было войны, здесь не видели ни одного робота, в домах не держали ничего электронного, потому как не было электричества.

Дни недельного отпуска текли медленно. Все время Ацамаз проводил с братом. В гости их не звали, поэтому часто они просто сидели у реки. Сослан рассказывал обо всем, что произошло за десять лет отсутствия старшего, а Ацамаз, чтобы не тратить ценный заряд и не отключиться раньше времени, придерживался тактики загадочного молчаливого бездействия. Он думал о семье, о продолжении рода. О значении слова «любовь» он начал размышлять так же неожиданно, как и о значении других понятий. И вообще несвойственные его характеру философствования все чаще утягивали в свои дебри.

Утром шестого дня на рассвете отец впервые заговорил с Ацамазом напрямую:

— Надо поле вспахать, поможешь?

Слово отца имело вес куда больше, чем приказ командира. Если он сказал надо — значит, надо.

После нескольких часов совместной работы отец устал: немолд уже. Притомились и две лошади. Тогда, ни минуты не раздумывая, Ацамаз запряг себя в плуг и продолжил работу. Быть по-

лезным, быть частью общины, частью семьи — долг любого честного мужчины.

Посмотреть на чудесную выносливость сына Батраза сбежало все село. Оханья и аханья сменяли восхищенные подбадривающие выкрики.

— Аца и правда машина! — перешептывались мальчишки.

— Да, все ж таки это мой мальчик, — задумчиво проговорил Батраз, обращаясь к своей жене.

Солнце потихоньку заходило за горизонт, начало холодать, когда работник стал замедлять ход, чувствуя, что энергия на исходе. Поле, кормившее все село, было вспахано. Ацамаз сел на землю и закрыл глаза. Сердце его издало странный щелчок, а затем отключилось.

Никита ЛИСОВОЙ

КОШАРА

РАССКАЗ

Утро спускалось на кошару с туманом. Русик покуривал, улыбался одними уголками рта. Ветра не было, сигарета тлепа медленно. Он любил эту часть дня: мысли шли ровно, спокойно, да и чип не мешал — никто не стучался в голову. Единение с природой. Вокруг ни звука, кроме бляенья баранов. Иногда фыркала любимая лошадь. В бывшем домике пастухов все еще спали. Пастухи больше не нужны, теперь только пацаны здесь ночевали.

Выпили много. Пустые бутылки на входе, сосчитать трудно. И все равно не хватило. Каких бы запретов ни ставили, на кошаре свои правила. Да, пить стали реже, но пили. И пить будут. Так оно было у отцов их, так оно и есть, а что дальше будет — да кто его знает, теперь все по-другому.

Через пару минут выражение его лица изменилось. Шести утра не было, но над Хасаньей взвился первый рой беспилотников. Они куда-то летели от продуктового магазина. Навстречу им — чуть больший рой к магазину. Понятно, продукты подвезли. Чуть дальше в город посмотреть — там небольшие черные точки вились над крышами. Русик зло сплюнул и пошел обратно к пацанам.

Мага уже встал, попивал кофе, сидя на топчане. Пуга спал, но на его лице даже во сне отражалась вся та боль, которую ему предстояло почувствовать, проснувшись. Рядом спал Макой. Спал с блаженной улыбкой. Вот кто любил и умел выпить. Всегда делал это с азартом, с любовью к ремеслу — может, поэтому его никогда не мучило похмелье.

Русик сел напротив Маги, на тот топчан, где спал Пуга. Налил кипятка в граненый стакан, понюхал — пахнет водкой. Вылил в умывальник. Налил опять и

засыпал кофе. Они с Магой уставились друг на друга, как будто проверяя, кому хуже:

— Ну че? — Русу нравилось, что Маге почти всегда хуже, чем ему после пьянок.

— Че-че... Сам знаешь че! Говорил, второй ящик зря заказали.

— Мы пили, пьем и будем пить. Или как там у писателя: «Мы пили, когда были нищими. Если не будем пить, когда стали богатыми, это будет искусственно».

— Довлатов это.

— Да какая разница — сказал красиво.

— Что у тебя за дрон такой, ящиками водку таскает? — Мага недоверчиво посмотрел на друга. Он знал, что тот мог найти и купить почти все. И часто первый. Но чтобы дрон найти, который алкоголь привозит, еще и ящиками...

— Зятек прислал из Москвы — там китайские как-то перепрошивают. Заказываешь смузи, привозят водку, только адрес поставщика заранее в систему забей. Никто не докопается.

— А целыми ящиками как?

Рус улыбнулся.

— А это мне уже здесь Астик допрошил.

Оба улыбнулись. Астик — спаситель по всем чиповым делам. Все, что с гаджетами, они ходили к нему. За это иногда брали его на кошару — священное место. Только в компании «законника» можно было туда попасть. Среди них был такой. Да и вообще мало кому разрешали в нынешнее время держать баранов и лошадей. Нужно было миллион согласований. Доказать свою цивилизованность и миролюбие. И чтобы ни один клочок шерсти с барана не упал, каждые две недели подтверждать сохранность. Отчеты посылали напрямую в Чиповую Министерства цивилизованного поведения. Хорошо, у Русика были там свои люди, он вместо отчетов посылал звуки бляенья баранов.

— Уфф. — Пуга начал вставать. Давалось тяжело. — Елки-палки, сколько мы выпили...

— Два ящика почти, — не открывая глаз, подал голос Макой из угла комнаты. Лицо у него было довольным.

— Вот вы звери, а! Каждый раз даю себе слово с вами не бухать. Да что ж такое-то...

— Пуга, ты его уже пятьдесят лет даешь.

Все засмеялись.

— По-братски, мы же действительно лет пятьдесят уже бухаем. Из них лет сорок на этой кошаре. — Для Маги, как и для других пацанов, это было главным местом в жизни последние годы.

— Да, наши паханы в таком возрасте уже особо не бухали.

— Понятное дело, у них все по-другому было.

Наступило неловкое молчание. Последнее время эти разговоры про возраст и про другие времена давались друзьям трудно. Какая-то неловкость была во всем этом. Особенно после того, как Пуга закончил в Москве крионические процедуры. Месяца два его не было в Нальчике. Вернулся, и, когда первый раз собрались на кошаре, было не по себе. Даже пить в итоге не сели. Вернулся он молодым пацаном. Никто не ожидал от Пуги таких «движений». Пацан был правильный, свой, а тут такое.

Остальные пацаны хранили традиции, перевоплотившись по разу.

Русик последние десять лет держал возраст тридцать семь лет. Небольшой живот, еще крепкие мышцы, легкая, но плотная щетина и намечающаяся плешь на макушке. Ему нравился этот свой возраст, он уже многое понимал и уже почти все умел. Золотые были годы, он часто их вспоминал.

Мага держал возраст в пятьдесят лет, и это ему шло. Да — лишний вес, да — лысина. Зато на отца был похож, это придавало ему смыслов.

Макой был возраста неопределенного. Вроде сорок, а можно было и тридцать дать. Пацаны знали: на процедуры у Макоя денег особо нет. Единственный раз крионический биохакинг он делал лет десять назад. И то пацаны скинулись, потому что у друга уже совсем здоровье подводило. Макой был из старых «положенцев». По молодости встревал, пришлось посидеть. Вышел «уважаемым человеком».

— Надо чуть оклематься и домой ехать. — Пуга, как всегда, торопился.

Дома его ждала Марьяна. Семьдесят лет вместе. А как будто вчера встретились — такая любовь сильная, с его слов. Постоянно говорил, что ради нее в пацана и превратился. Смотрелись они странно. Их дети выглядели старше.

— Тормози, куда ты? Давай посидим. Никуда ж идти не надо.

Макой никогда и нигде не работал. Раньше пацаны «взгревали», а теперь безусловные выплаты от государства полагались даже ему, и на жизнь хватало. Детей не было. Пацаны, друзья — вот и вся семья. Скучной его жизнь было не назвать: кенты по всему Кавказу, каждый день куда-то звали отдохнуть, поприкалываться. Макой жил как в двадцать пять — не уставал от веселья. С одной оговоркой — так виделось со стороны.

— Это тебе не надо, Макой, а у меня завтра смена.

Пуга встал злой, Макою отвечал и параллельно зубы чистил остервенело, паста изо рта разлеталась в разные стороны. На последнюю процедуру он копил долго, но все равно «перепрошивка» была неидеальная. Движения изредка случались, как у старика, и даже тремор в руках иногда возвращался.

— Ты лошадей покормил? — Мага переживал за животных как за своих. За десятилетия кошара стала для него родной, несмотря на то, что принадлежала Русу.

— Чипы им включил, они сами сходили.

— Ты же говорил, что не будешь эту херню ставить? Что лошадь тупеет.

— Да, говорил... Но лень стало их кормить, а Зарамука нет, сам знаешь.

Последние двадцать лет пастухом на кошаре был Зарамук. Крупный, сильный, в прошлом борец. Он дожил до безусловных выплат и в тот же день ушел с кошары, переехал в Осетию, там льготы отработавшим больше шестидесяти лет. Русик редко расстраивался. Но тут даже хотел доехать до Владика, в глаза человеку посмотреть. Пацаны отговорили. Ушел — пусть идет.

У Пуги запиликал проектор. В воздухе повисло изображение Марьяны. Он выругался — не любил, когда она видит его в таком состоянии. И даже несмотря на «поправленное» лицо, все было понятно.

Пуга быстро, насколько мог, включил режим «портрет» и поставил формат «кубрик», чтобы жена не увидела происходящее. Но вот режим «анонимный разговор» включить забыл:

— Пусик, ты где?

— Заяц, я выезжать с кошары сейчас буду уже.

— Как ты запарил со своей кошарой. Я тебе уже сколько раз говорила, ты не в том возрасте, чтобы так отдыхать.

— Знаю, знаю, не сердись. Все нормально, мы не много пили. — Пуга посмотрел в угол, где валялись бутылки и заботливый робот-уборщик пытался их уместить в мусорку, явно не догадываясь, что все они туда не поместятся и делать надо будет две ходки до биосвалки.

— Пусик, у тебя один час долететь, потому что придут правнуки, надо будет с ними посидеть, пока Фатима на биохимическом пилинге будет.

— Хорошо.

Пуга пока разговаривал, пацанов не замечал: в режиме «купол» от внешнего мира абстрагируешься. Пацаны сначала ржали, а потом уже хмурые смотрели на Пугу.

— Пуга, я ничего не понимаю. Ты сколько лет ей будешь так позволять с собой разговаривать?

— Рус, че ты лезешь опять? Твое дело?

— Мое! Потому что ты мой друг. И меня ты знаешь уже восемьдесят лет! А ее — семьдесят! Имею право!

— Короче, я пошел.

Эти разговоры выводили Пугу из себя каждый раз. Он вышел из домика, закурил «виртуалку» — тоже «рекомендация» Марьяны. Виртуалка не накуривала вообще. Бездарное изобретение «хелфистов». Их в Нальчике развелось немерено. Следили за здоровьем как сумасшедшие. Все парки были переполнены бегунами, крионистами, поклонниками солнечных батарей в теле. «Хелфисты», как педерасты из двухтысячных, навязывали всем свою «веру»: надо быть здоровым, не подвергать себя риску. А еще у них фишка была: если ты зависишь от чего-либо, мы тебе поможем. Но как — быть и дальше зависимым, только полезно зависимым. Куришь? Кури полезные виртуальные сигареты — они потом переработаются в поток созидательной энергии. Плоды такого «творчества» каждый день по Нальчику в галереях плохих привычек выставляли. Сколько этих галерей наплодилось! Больше, чем в девяностые «одноруких бандитов».

Пуга втайне курил нормальные сигареты — брал их у Азика на Зеленом базаре. Азик — старый «законник», вакцинации не боялся, посадил у себя на участке табак и пацанам по символическим деньгам продавал. «Если придут, у меня прадедовский кинжал остался — нарежу на пороге. Пусть убьют, вакцинацию не дам себе делать». Со временем Азик стал говорить это каждому клиенту, нервно оглядываясь по сторонам и отсыпая горстку табака из мешка. Было видно, тема сводит его с ума. Еще бы, вакцинация и врагу не пожелаешь. Вакцина убивала прошлое, превращая человека в овощ. Хуже тюрьмы. После вакцины забываешь, кто ты, кто твои родители и кем ты был до трансгуманизма.

— Я вам говорил еще лет тридцать назад. Этот Ватсап — хрень полная, до добра не доведет.

Мага был старый консерватор. Кроме «крионизма» ничего ни с телом, ни с духом не делал. Салоны не посещал. Ни в кого постоянно не превращался. Таких среди пацанов называли «законниками». Старшее поколение их уважало, женщины побаивались, молодежь шарахалась. «Законник» мог спокойно к любому на улице подойти и сделать замечание. За это ему ничего не было. Хотя все остальные люди уже давно были ограничены в правах выражать мнение без предварительного согласования в суде.

Благодаря статусу «законника» Маги пацаны могли спокойно собираться на кошаре. Этот неофициальный статус позволял иметь некоторые привилегии. Считалось, что «законники», как религиозные старцы прошлого, ограничивают себя по сравнению с другими людьми. Оттого дух их сильнее. Законники не вступали в «Партию» — трансгуманизм на них не распространялся. Мага закрионировался только один раз, остановив счетчик на пятидесяти. И было это ровно пятьдесят лет назад. После этого тянул здоровье сам, до правнуков дожил легко. Зачем живет сейчас, часто говорил, не понимает. Чего-то ждет. Знака. Случая. Чего-то.

У Маги и жена была «законницей», она «заморозилась» тоже на пятидесяти и тоже единственный раз. Больше ничего не меняла. Девчонки ее чтили. Хотя за спиной шептались: зачем, мол, мужу пятидесятилетняя старуха, если можно двадцатилетней девчонкой стать в любой момент, потом в тридцатилетнюю даму быстро перекинуться. Тем более что за последние пять лет цена на «перевоплощение» стала как на маникюр сходить в былые годы.

— Вы помните эти чаты все? В каждый чат меня Лена добавляла, елки-палки. На плавание Лию записала — меня в чат родителей. В школе я в трех чатах был: «Чат родителей без учителей», «Чат родителей с учителями», «Чат нормальных родителей», «Чат комитета родителей». Потом еще один кон мы напильсь с паханами из класса — появился чат «Паханы класса». Короче, я тогда по полдня в чаты отвечал. Пока не понял, что у меня дела идти перестали. Удалил все, а дальше вы сами знаете...

— А Пуга так и остался в чатах. Вчера видели? Бухаем, а он втайне проектор в мини-формате включал, что-то набалтывал в чат, — посмеивался Рус.

— Все равно было лучше, чем сейчас, — подал голос Макой. — Жизнь стерильная.

Кошара — единственное место, где оставался старый дух. Да хотя бы головная боль наутро — больно, но как приятно, что ты чувствуешь еще хоть что-то. Пацаны еще лет десять назад договорились, что «таблетки-состояния» пить не будут. Чтобы все по-честному. Как у их паханов. Хотя все их окружение давно таблетки пило. Утром надо хорошее настроение — закинулся и пошел. Или на работу надо — режим «повышенная концентрация», выпил таблетку и пашешь четыре часа без продыху. Больше четырех часов работать не разрешалось: переутомление. А это уже большая беда для компании — штрафы сумасшедшие, переутомление уже по степени зла к убийству приравнять хотели. А в некоторых офисах, если подвергаешь себя такому риску, как

«таблетка концентрации», рабочий день сокращали до двух часов. Но все равно два часа людям давались тяжело.

— Водка кончилась.

Рус хотел остаться еще на день. Дома никто не ждал. Дети разбежались, а с женой он общаться не любил, хоть и не разводился. Так или иначе, в одном доме они редко появлялись вместе. Может быть, и развелся бы окончательно, но, если служишь, «Партия» разводиться не рекомендовала. А кроме службы и кошары у Русика ничего и не было, пришлось подчиняться.

— Надо посылать за новой. Только сколько осилим?

— Мне пива еще возьми. — Мага курил одну за одной.

— Мне тоже. — Макой встал наконец, покурил, пошел чистить зубы.

На кошаре было правило: никаких гаджетов, кроме проектора. Да и то по необходимости. Пуга уговорил. Потом долго ругались за дрон Русика, что за водкой летает. Вроде как не по правилам. Но спускаться с горы до магазина надо было два километра. Лень победила... В остальном старались правила держать. Зубы виртуально не чистили, «смелы» в рот не закидывали. «Смелы» вообще пацанов раздражали чуть ли не больше остального. Даже в отделе у Руса старые опера «смелы» закидывали. «Смел» бодрости, «смел» крутизны, «смел» страха у других. Руса уважали не потому, что начальник. Уважали за соблюдение старых традиций. Все видели, что у него на полке лежит паста, щетка, сигареты и одеколон. Но весь отдел, конечно, уже пользовался и «смелами», и запахами для тела — «одорами».

Преступлений почти не было. И если раньше отдел Руса постоянно работал, раскрывал сложные дела, убийства, то теперь выброшенная в неполюженном месте «виртуалка» могла быть единственным преступлением дня.

В пятницу Рус в середине дня открыл коньяк, потому что пришла заявка: кто-то накатыл претензию на их любимую «хычиналовку», что, мол, используется не переработанный сыр, а настоящий. Дело было серьезное, это нарушение закона, которое каралось приостановкой деятельности. И Рус не знал, как разрулить. Тетя Мадина — старая «законница», она их еще пацанами этими хычинами кормила. Она никогда не будет добавлять в хычин переработанный из бутылок сыр. «Хычиналовку» — одно из последних нелегальных мест города с реальной едой — могут закрыть, если он не разрулит. «Заявитель» — тридцатилетнее ничтожество, — следуя моде, «форматнулся» в семидесятилетнего «аксакала», вырядился в «черкеску». У него вместо газырей были

мини-двигатели для передвижений по воздуху. Он еще и «черкеску» поставил в режим смены настроений и окраса, и когда Рус доехал до «хычиналовки», у «аксакала» стоял режим «воинственный карачаевец». Переливаясь ядовито-зелеными и оранжевыми линиями, черкеска, по задумке владельца, должна была внушать благоговейный трепет, но кроме улыбки у Русика ничего не вызвала. Да и на тетю Мадину эффекта особо не произвела: «законница» все-таки.

— Вы начальник? — «Карачаевец» обладал голосом какого-то поэта из древних времен. Тоже было модно ставить себе разные знаменитые голоса.

— Да.

— Я бы хотел, чтобы прямо сейчас заведение опечатали виртуальной лентой и под запрет передвижений по поверхности поставили весь зал. Тут животных мучают.

Тетя Мадина начала орать:

— Кого мучают, идиот! Корова живет, чтобы ее доили! Эта корова у меня дома стоит, она потомок моей первой коровы, которую мне свекор подарил, еще когда я девчонкой была. Это символ нашей семьи. Ты с ума сошел?

— Вы слышите, товарищ виртуальный офицер?

— Слышу. — Русик сохранял спокойствие, спасибо коньяку.

— И? Почему стоите? Она меня, клянусь сердцем горца, назвала идиотом! Это не только нарушение прав личности, но и оскорбление официального карачаевца. Мой «карачай-айди» вот! — Он вывел проекцию документа прямо перед лицом Руса.

Действительно редкий экземпляр. Последние годы появилась куча бездельников, которые доказывали свою связь с первыми карачаевцами, поселившимися на этих землях. Они проводили раскопки, извлекали сохранившиеся кости, заказывали исследования за счет государства. Оно поощряло — хоть какое-то занятие. А получить нужный «айди» и официальный статус «аксакала» нужно было для статуса. «Аксакал» выступал полицией нравов. Именно из них набирались присяжные для решения о вакцинациях. И именно поэтому вакцинаций в последнее время стало так много. Учитывая тот факт, что заняться большинству народа было нечем, в эту полицию нравов лезли все кому не лень. Не ради денег — ради славы, ради власти. Об их деятельности новости поступали в чипы напрямую. Кавказ — единственный регион, в котором определенной части людей разрешили писать в чипы другим людям без предварительного согласия. «Аксакалы» потеряли всякую связь с виртуальностью и сыпали спамом про свои дела. Русик еще семь

лет назад попросил Астика, и они на кошаре достали чипы из головы, Астик их перепрошил, и пацаны новостей без согласия больше не получали, даже «аксакальских». Это было незаконно, но лучше пусть лишат всего, чем читать этот бред.

— Мы так и будем стоять? — экземпляр все не унимался.

— Нет, пойдем за дом и поговорим, — предложил Рус, мягко взяв «аксакала» под локоть.

— Слышишь, э! Ты чего себе позволяешь? Дотронулся до «карачаевца»! Я твоему начальнику напишу в чип напрямую, чтобы и дня тебя не держали!

Рус устал и разозлился. Он схватил «аксакала» за пояс, поднял, пронес до конца дома, вынес на крыльцо, ударив по пути головой о косяк. Поставил на веранду, прижал к стене. Пару раз пробил ему «в душу». После этого добавил по голени с носка. Так они делали раньше, лет сорок назад, когда дознание проводили.

— Слушай сюда, недокарачаевец! Ты сейчас отзовешь заявку, скажешь, что ошибся, и навсегда забудешь дорогу в это место. Понял, да? Если не хочешь по-плохому. По-плохому это так: завтра сельские пацаны подкараулят тебя на вылете из дома. Им терять нечего, они чип из башки твоей достанут и своими корявыми пальцами перепрограммируют на аватар «барана». Будешь ходить и бляеть. А родные пусть начинают бабки на Москву собирать, только там чип исправить смогут. Сколько стоит, знаешь? Двадцать виртуальных лет!

Конечно, никаких сельских пацанов не было, их всех давно ликвидировали. Рус блефовал, но уверенно, поэтому должно было прокатить. Да и вообще, он без чипов людей давно не встречал. Говорят, только горцы в Приэльбрусье, куда он баранов отправлял, без чипов ходили. Их просто лень всем проверять было... Ну, еще Никита.

— С Никитой когда последний раз разговаривали? — первый спросил Мага, решив начать тему, которая у всех крутилась в голове.

— Давно, он без чипа ходит. Добился официального разрешения, ты же знаешь все, — нехотя ответил Рус.

— Я ему мемы какие-то на чип скидывал, — признался Макой.

— Он же мемы не любит.

— Он и не получил.

— Никита — красавчик, но его движения эти...

— В смысле? Что не так с его движениями? — Мага даже повысил голос. Было понятно, что он готовился к этому разговору и знал, что у них с Русом будут разные мнения.

— Языком мелет много. Придумал какую-то ерунду с полетом этим.

— Поступает как считает нужным, вот и все.

— Слушай, у него обязательства. У него правнуков одних, я запутался уже, штук двадцать.

— И что? Ты их видел? Все уже взрослые.

— Какие взрослые — по сорок лет? Это сейчас возраст?

— Рус, ты забыл, наверно, как мы росли и что было раньше? — Мага горячился все сильнее.

— Куда ты клонишь, Мага? — Рус тоже повысил голос.

Пацаны знали, если тема острая, от Руса жди реакции жесткой. Лет пять назад он вырубил Пугу, когда поругались на почве разрешенных экспериментов с телом. Тот тогда в блондина перекрасился и кожу отбелил. Заявился на кошару в таком виде — подрались, Пуга получил. Еще год потом не общались, пока оба не извинились друг перед другом.

— Я никуда не клоню, Рус, я прямо говорю. Я Никиту поддерживаю. Да и вообще...

— Что — вообще? — Напряжение нарастало.

— Я ему написал на мобилу, что, мол, хочу с ним полететь. Он не просто так тогда попросил сохранить мобильные. Я достал из подвала, включил — работает. Кинул ему смс. Полчаса набирал, пальцы не попадали.

В маленькой пристройке к основной конюшне, которую они называли домиком, повисло тяжелое молчание. В такие моменты воздух начинает иметь вес, его руками потрогать можно. Тяжелое ощущение, но живое. Вообще, живое — это редкость в наше время. И даже пацаны от живого отвыкли. Энергия настолько плотная, что выжигает искры, сердце бьется сильнее. Вот за такие моменты пацаны кошару и любили: тут еще был нерв.

Пуга слышал разговор. С недокуренной сигаретой он вошел внутрь, уставился на Магу и, как всегда, с наивной простотой заметил:

— Ты че? У тебя с головой все в порядке? Ника — наш кент, и я его уважаю, но что он давно не в себе, мы уже сто раз говорили. Ты видел, как он выглядит?

— Как?

— Он — старик. Он не замораживался. Он вроде только процедуры от рака и сердца делает. А так ходит и выглядит как старик. Он не «крионизировался» ни разу.

— И как ему это мешает?

— Он детей напрягает — его в больницу возят, прикинь! Он же говорил, что недавно две недели пролежал пластом. Печень ему выращивали новую.

— А это разве плохо, что дети за него беспокоятся, помогают ему? У него жена, помнишь, какая красивая была в молодости?

— Помню прекрасно. На его свадьбе гулял семьдесят лет назад, наверно. Так ты ее сейчас видел? Старуха!

— И?

— Че — и?

— И че — старуха? Это плохо? Моя бабушка была старухой, моя мама была старухой. Все раньше были стариками.

— Раньше, раньше... Затеял опять.

— Пуга, по-братски, правда в словах Маги есть. — Макой редко вступал в эти споры, но тут подал голос.

— Макой, и ты туда же?

— Представь себе.

— Тебе-то че не хватает? Сидишь на заднице ровно уже сколько лет. А помнишь, как раньше крутиться приходилось?

— Того и не хватает, брат, когда денег не было. И крутиться надо.

— Пуга, ты вообще помнишь, кто мы такие? — Мага готовился к этому разговору. — наших предков помнишь? Какая у нас слава была? Воинов. Защитников. Кто мы сейчас? Единственное, что у меня осталось, — эта кошара. Все остальное что? Пыль. Ушло все. Я поговорил с Леной... Она плакала, ругалась. Толку что — я ей так и сказал, я уже решил все. Если Никита возьмет — я с ним. Дальше не вижу смысла обсуждать...

— Ты серьезно сейчас, Мага? — Рус на этот раз испугался по настоящему.

Мага часто отличался резкими решениями, не в духе времени. Но сейчас он зашел за край. Полет в другую галактику — об этом говорили во многих чатах. Это даже официальные проекторы иногда освещали. Известный предприниматель родом из Нальчика, проживавший последние годы в разных уголках мира, построил космодром для полета в другую галактику, вложил все заработанные деньги. Непубличный человек, никто знать не знал, что его одноклассники и друзья сидели сейчас на кошаре. Где он сам, также не знал никто, все делалось в режиме строжайшей секретности. И даже его товарищи последние годы не могли выйти с ним на связь. За заслуги перед «Партией» и трансгуманизмом ему первому в истории Российской империи официально разрешили снять чип. Тем самым он перестал быть во Всемирной трансгуманистической паутине.

— Я более чем серьезно, Рус.

— Вы не вернетесь, ты понимаешь это?

— Понимаю.

— И тебе пофиг на нас, на Лену, на детей? На внуков, на правнуков?

— Нет. Просто я никому тут не нужен. Мне здесь делать нечего. Мир изменился, и не в мою пользу. Да и не в вашу, как бы вы ни омолаживались.

— Рус, я тоже Никите написал, хочу лететь... — Макой закурил, смотря в пустоту.

От кого-кого, а от прожигателя жизни, вечного тусовщика услышать такое не ожидал никто.

— Вы совсем рехнулись?! — Рус нервно заходил из стороны в сторону. — Я не понимаю, в чем кайф?

— Кайф? Никакого кайфа, Рус. Я накайфовался уже. Все. — Мага тушил одну за одной. И налил себе полный стакан водки: как раз стояла холодная. У Русика дрон еще и в морозильнике водку привозил. Хлопнул за раз весь стакан. Глаза подобрели.

— Накайфовался он. Чего вам не хватает? Дети выросли, внуки тоже. Деньги есть, да и вообще не надо их иметь уже. Здоровья как у молодых. Живем и нормально же?

— Чего нормально? У нас уже даже религия виртуальной стала. Ты сам про «карачаевца» рассказывал в «хычиналовке». Это не смешно, это грустно. И ты сам это понимаешь. А еще не хуже моего ты понимаешь, что нам тут не место. Это не наш мир. Больше не наш.

— Мага, где ты и где другие галактики? Ты смеешься, че ли? Ты на конях скачешь до сих пор по Верхней Балкарии.

— Скачу, только стрелять больше по козлам нельзя.

— Но мы-то стреляем!

— Да, из виртуальных ружей. Потом надеваем маски и смотрим, как козел виртуально падает. А потом обычно ты его виртуально жарить, мы его виртуально едим и остаемся виртуально довольны. Пошло это все! Я так больше не могу.

— Мага, ты — законник. Вас сколько осталось на всю Кабарду? Тридцать человек? Вас все уважают. У тебя все привилегии.

— И че мне, гусем ходить? По-братски, Рус!.. Законник... Да это смешно все. Законник. Это только в обществе котируется. В моей груди это не котируется. Мой предок пешком в Тырнауз пришел. Дом построил из камней. Сейчас правнук в гости позвал, сарай при мне «намаинкрафтил» за три минуты. Не, я больше так не могу.

— Послушай, одну минуту. Я от тебя про космос и звезды разговоров за всю жизнь не слышал. Про телок, про пьянки, про

охоту, про футбол, пока он еще существовал, слышал. Про космос — нет. Где ты и где другие галактики? Это смешно, брат!

— Суть не в галактиках. Если бы он поплыл изучать глубь океана, я бы поплыл с ним. Просто неизведанное остается только в других галактиках. Поэтому я с ним. И мне наплевать, куда это нас забросит.

— А с чего ты решил, что он вообще тебя возьмет с собой?

— Потому что он мой друг.

— Друг-друг... и че? Он уже давно здесь не живет, наши понятия ему чужды!

— Он нальчикский! Кто родился в Нальчике, тот всегда будет нальчикским. И ты знаешь это.

Дальше разговор не клеился. Пили молча. Наливали по очереди. Каждый в своих мыслях. Лошади паслись кто где. Русик отключил им чипы, некоторые забрели на плоский гребень горы. Бараны, которые никогда, казалось, не спят, и те заткнулись.

Хозяин кошары вышел из домика, разжег мангал. Он редко делал это в последнее время. Робот-шашлычник — подарок Пуги — жарил шашлык уже лет пять за него. И тот виртуальный. Рядом с мангалом Рус расположил печь, поставил на нее казан, налил воды — все руками. Сам сходил на родник за водой, не стал дрон посылать.

Пацаны удивленно смотрели на него из окна. Первым на улицу вышел Макой.

— Че ты? — Он недоуменно посмотрел на друга.

— Ниче.

— Обиделся на меня и Магу? — Макой изо всех сил пытался примириться.

— Я хоть и «перекидывался» лет пять назад, но не в телку, вроде мужиком остался.

— Я б обиделся.

— Я просто не понимаю, зачем вам это надо. Но надеюсь еще, что вы пьяные и сами не понимаете, что болтаете.

Рус не мог до конца поверить, что вся его привычная жизнь может разрушиться за несколько часов. Он только-только привык к этому виртуальному бытию, только смирился с тем, что жить будет еще лет двести, только нащупал смирение и спокойствие. Он даже рецепт придумал простой — дожить до субботы, а в субботу — кошара...

Вышел Мага. Следом — Пуга. Домой он не уехал, вместо этого отключил проектор и установил навигационную точку нахождения в Салоне. Жена знала, что он после пьянок отходит в Салоне. Ругаться если и будет, то несильно. В Салоне сканировали тело и

вливали концентрат здоровья. Через полдня выходил новым человеком.

Русик пошел к отаре. Достал любимчика — черного барана с белыми ушами. У него даже имя было — Акалай. Смешной, добрый, глупый, сильный — это все про него. Лучший баран отары. Самый производительный. Столько ягнят от него получилось.

Пацаны молча смотрели. Последний раз они сами резали барана лет двадцать назад, когда у Маги первый правнук появился. Потом закон о запрете вышел — баранов стали убивать виртуально; ели тоже виртуально. Но, воздействуя на правильные гормоны, все научились силой мысли становиться сытыми.

Бараны размножались с дикой скоростью, поэтому Русик отдавал их в Приэльбрусье — там еще сохранялись заповедники, и там еще резали животных. Втайне, об этом мало кто знал. Высоко в горах. Отшельники, бесчиповые люди.

Русик взял Акалая на руки. Тот явно предчувствовал что-то: начал дико даже не блеять, а как будто бы орать на человеческий лад. Прижимая животное к себе, Русик подошел к пацанам и обратился к Пуге:

— Подсоби.

Пуга подскочил, закрыл барану глаза и уши. Вместе с другом они положили животное на левый бок, в сторону Киблы, связали ноги. Прочли молитву и без лишних проволочек перерезали горло. Как в былые времена. Вроде бы без эмоций, на опыте, но с азартом. Жизнь теплилась в баране еще минуту назад. Смерть пришла быстро. Честно. Баран жил, чтобы умереть. Как и должно быть. Кровь струйкой стекала на землю. Эта земля досталась им от предков. Так было, так есть, и они верили, что так будет.

Рус ловко разделывал тушу: руки помнили. Происходящее доставляло всем четверым удовольствие. Они улыбались. Грудинку, спинную часть и ребрышки Рус закинул для шурпы. Остальное подготовил на мангал. Мариновать не стал — только нарзана добавил чуть-чуть: зачем молодое мясо мариновать. Поперчил, соль добавил, когда угли подошли.

Глубокая ночь. Дроны летали только в городе. Тишина. Пацаны курили. Они были еще пацанами. И в груди у них гудел огонь. Может, они и сами его уже не ожидали почувствовать.

— Такие планы были, такие планы... Что ж вы творите? — Рус говорил уже тихо, без злобы.

— Какие планы, брат? — Мага улыбался.

— Хотел вам рассказать, что настоящую лодку покупаю, что мне дали разрешение на морское путешествие. Кучу денег потра-

тил на органический бензин. Эти козлы мне выделили квоту на морское путешествие. Двадцать дней! Ты знаешь, сколько мне это стоило. В секрете от вас держал.

— Сходи с Пугой и Астиком, брат. Ты кайфанешь по-любому.

— Никогда я уже не кайфану. — Русик кинул окурочок прямо в мангал.

Пуга начал вытирать под носом, сопеть. Пацаны заметили, что ему тяжело. Здоровый лоб. Говорят, в молодости быка кулаком мог убить. Сентиментальный очень.

— Я, пацаны, тогда тоже с вами. Мне дома делать нечего. С Марьяной у меня все. Как друзья живем. Лет двадцать уже. Я не хочу тут сдохнуть, в этом СИ-ФИ-СИ, продавая виртуальное мясо виртуальным горцам.

Рус положил половник в казан. Сел на веранде. Достал еще одну сигарету. Влил в себя стакан водки. Выкурил сигарету в четыре затяжки.

Шурпа подошла. Он достал половник, разлил пацанам по тарелкам. У каждого в супе по косточке — разгрызали их кевларовыми зубами, жилки и хрящи посмаковать. Все молчали.

Через десять минут подошло мясо. Русик снял его с решетки. Рядом на столике лежали свежие овощи. Макой налил всем по граненому стакану. Выпили. Не сговариваясь, посмотрели вверх. Минут пять тишины. Потом Рус поднял стакан, молча чокнулся со всеми.

Светало. Робот-уборщик жужжал неподалеку, выбрасывая накопившийся мусор. В Хасанью двигались первые дроны.

— Лететь далеко? — спросил Рус.

— Нет, тут за углом, — ответил Мага, и все засмеялись.

Рус полез за ухо, сморщился — извлекать чипы из головного мозга было больно, хоть и доступ сделали максимально простым. Повертел его в руках. Бросил в мангал. Пацаны замерли.

Хозяин кошары на глазах становился старше... сильно старше. Кожа его начала обвисать, проступили темные мешки под глазами, волосы выпали почти сразу. Ему стало намного тяжелее дышать. Но все равно это был еще бодрый старик. В нем, пусть и старике, чувствовалось гораздо больше силы, чем в молодом Русе.

Мага первый очнулся. Скривился сильнее, но извлек. Его чип совсем старый, с большой микросхемой. В руках не крутил — бросил в костер сразу. Старел так же быстро, но не очень уж сильно: он и без того был близок к своему возрасту.

За ним чипы выбросили Пуга и Макой. Какими же холеными стариками они получились! Особенно Пуга — седой, с густой

шевелюрой. А Макой даже стариком остался пацаном со сверкающими глазами.

— Че дальше, Рус? — Мага смотрел на друга с улыбкой и страхом.

Впервые за десятилетия ему было страшно. Это забытое чувство дискомфорта, холодка, пробегающего по спине, доставляло сейчас удовольствие.

— У нас примерно три дня, пока заметят.

— А как долетим?

— Мы поедем.

— В смысле?

Рус ухмыльнулся.

— А их я зачем столько лет держу? — он кивнул в сторону табуна.

— На лошадях?

— Слушай, мы собрались в другую галактику лететь, а ты боишься пару дней на лошади проскакать? Помрешь по дороге — так тому и быть.

— Твоя правда. Как думаете, где он вообще?

— Зная его, как он любит красивые жесты, точно недалеко отсюда.

— Подожди, наберу его.

Рус пошел внутрь домика, все ждали. Вернулся со старым смартфоном в руках.

— Я тоже все эти годы не выкидывал. Когда он попросил, я смеялся, но сохранил. Заряжал периодически... вроде работает. Номер его помните?

— Наизусть.

Они набрали. Гудки редкие, глухие, как будто товарищ уже в другой галактике. На десятый гудок в трубке послышался хриплый, старческий голос:

— Да, Рус, слушаю тебя.

— Ты сообщения Маги и Макоя читал?

— Читал.

— Ну, че скажешь? Мы тут все вместе.

— Пьете?

— Да.

— Завидую.

— А мы тебе. Поэтому собрались с тобой.

— Уверены? Для вас места держал до последнего, не верил уже.

— А вот не надо в друзьях сомневаться!

— Ты прав, точно так.

Все заулыбались. И волнение чуть отпустило.

— Куда нам приехать?

— Чипы вытащили?

— Десять минут назад.

— Рисковые, не ожидал. Думал, сдулись.

— Адрес, Никита, адрес! Пока не перегорели!

— Лететь нельзя. Езжайте по дороге. Я между Грузией и Южной Осетией, река Чанчахи. Полигон тут, для старта все готово. У вас три дня. Отключаюсь. Жду вас.

Хриплый голос в трубке пропал. Старики задумались — а вот пацаны в них не думали ни секунды.

— Спать нельзя! Уснем, проспимся — можем и заднюю врубить.

— Седлаем?

— Конечно! За нас теперь это никто не сделает.

— Теперь за нас никто ничего не сделает.

Они быстро собрались, завернули мясо в сухие чистые тряпки. Рус снял со стены в домике бурку — досталась от деда.

— Водку берем?

— Сколько бутылок осталось?

— Две.

— Одну возьми, одну оставь. Да и дверь не закрывай в домик, пусть кошара будет открыта. — У Руса на ходу созрел план.

— Для кого?

— Для следующих горцев — звездных скитальцев.

Все улыбнулись и направили коней в сторону гор. Мага неотрывно смотрел вверх — на звезды.

— Чтобы эта земля и дальше была нашей, нам точно нужно в другую галактику.

— Какая связь, Мага?

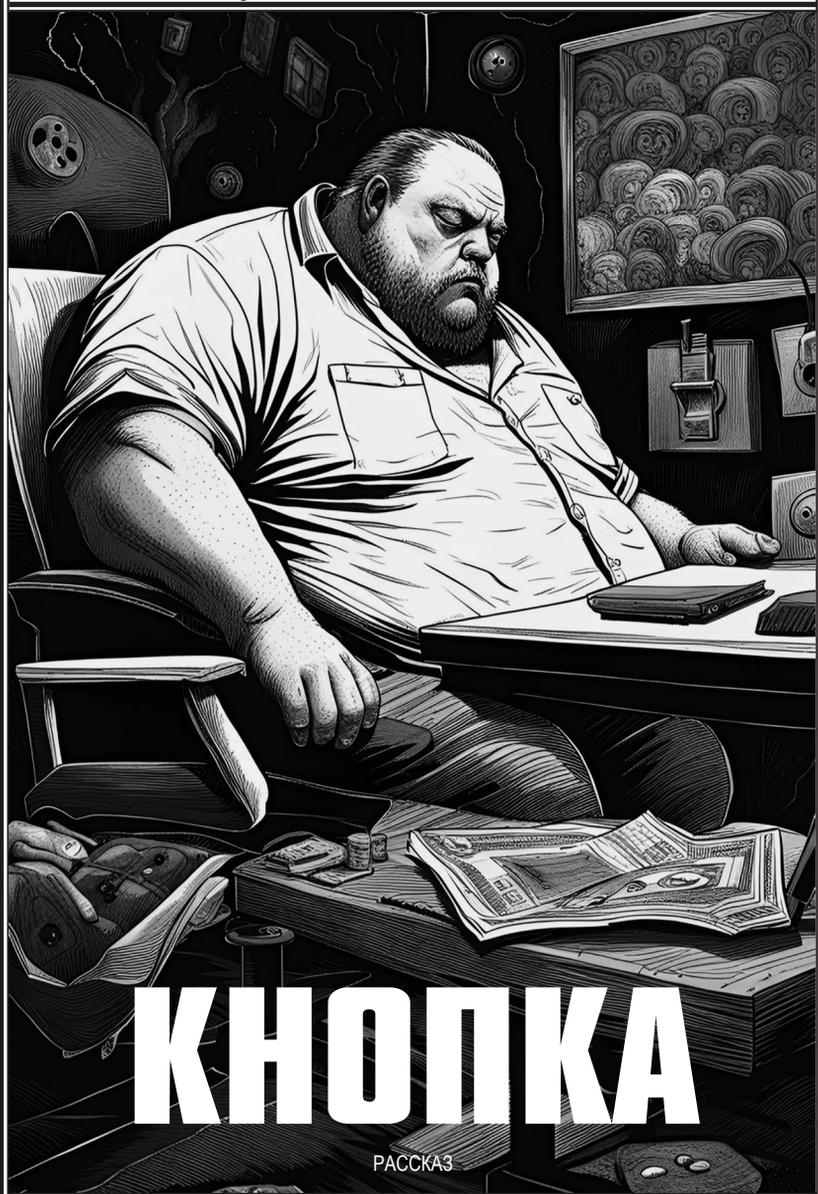
— В этой больше нет горцев, кроме нас. Наперегонки, пацаны?

Мага пришпорил коня и понесся галопом по склону. Остальные — за ним, улюлюкая и хохоча. Рус смотрел на друга по-детски, с вопросом в глазах. Думал про себя: «Кони крепкие и жилистые. До Осетии доедем, а там пошлем их обратно на кошару... Кошара... Жалко ее...»

Мага уловил его взгляд:

— Брат, ракета набирает ход, только когда избавится от лишнего груза. Вперед!

Руслан БЕТРОЗТИ

КНОПКА

РАССКАЗ

Магуса был из тех, кому вот-вот должны предложить работу директора всего на свете — надо было просто дождаться звонка. Между тем проплешина на его голове не ждала карьерного успеха своего хозяина и увеличивалась пропорционально его животу. Но как только в животе начало урчать особенно громко и длинно, Магуса понял, что пора искать работу.

Однако работе следовало быть уважаемой. Его страшила сама мысль быть осмеянным на почве карьеры. Уж лучше совсем без нее. Рвотные позывы подступали к горлу, когда Магуса представлял себя на работе, которой не сможет хвастаться перед окружающими. И — о чудо! — его привередливому взору попалось объявление: «Руководитель отдела безопасности». Вот она, должность под стать потомку великих воителей! Его кровь кипела от предвкушения власти, а эго даже согласилось на подозрительно маленькую зарплату — для заведующего целым отделом.

На собеседовании львиная воинственность соискателя скукожилась до малодушия котенка. Как

оказалось, зарплата соответствовала завуалированной должности охранника. Но Магуса был согласен на пафосную формулировку в трудовой книжке.

Таких «руководителей» было трое. Каждый работал сутки через двое.

СУТКИ ПЕРВЫЕ

Это была небольшая IT-компания, состоявшая из молодых программистов. Основной штат сотрудников находился в местах с более миролюбивым климатом. Но самым важным активом компании являлась серверная. Она располагалась в горах, недалеко от заброшенного родового селения Магуса.

Почему было выбрано именно такое местоположение для серверной, догадаться несложно — возможность воровать электричество. Таким ремеслом промышляли многие, даже те, у кого было достаточно денег, чтобы купить себе целую электростанцию.

Инструктаж проводил один из программистов. Он рассказывал об исполинских перспективах их пока что небольшой компании, о том, что разработанный ими искусственный интеллект «затмит аналоги», поскольку его «мыслительный процесс качественно отличается от конкурентов». Магуса качественно делал вид, что понимает, о чем идет речь. Но перечень своих обязанностей он действительно уловил: не впускать людей без специального удостоверения и следить за спутниковым телефоном на столе. В случае звонка необходимо было нажать красную кнопку на стене, затем опустить рубильник возле нее, чтобы отключить серверы.

Первая смена у новоиспеченного «руководителя отдела безопасности» прошла образцово. Он внимательно смотрел в мониторы камер видеонаблюдения и делал обход небольшого помещения, которое было поручено охранять. Магуса даже старался держать осанку под камерами, но получалось через раз.

Радость от факта наличия работы переполняла вахтера. Эта же радость и помогла суткам пролететь незаметно. После смены он благополучно передал эстафету следующему «руководителю».

СУТКИ ВТОРЫЕ

Второй рабочий день длился для сторожа значительно дольше первого. Проводить сутки в одном помещении было довольно непросто для свободолюбивого правнука кочевников. Сонливость Магуса перебивал энергетиками. Не зная, чем себя занять, он шастал вокруг шумных серверов, хранивших в себе тот самый уникальный интеллект, уступавший только мозгам своего надзирателя. Магуса никогда не увлекался спортом и не обладал поставленным ударом, но он был способен вырубить заносчивую жестянку одним лишь движением руки.

Вернувшись за рабочий стол, Магуса уныло разглядывал спутниковый телефон. Он был похож на старый мобильник, но с проводной антенной, уходящей куда-то в потолок. Заряжался он от автономного аккумулятора. Магуса не понимал, для чего нужна такая предусмотрительность, поскольку и его смартфон прекрасно ловил сеть, несмотря на отдаленность от цивилизации. Но сложные вопросы задерживались в голове Магуса лишь на пару мгновений.

Шум серверов вводил сторожа в транс, но энергетика успешно оберегали его от падения в сон. Голова периодически шаталась, как у фигурки пса на приборной панели автомобиля. Ну а осанка на смену так и не вышла.

СУТКИ ТРЕТЬИ

Спустя два дня Магуса вновь приехал на работу, забрал ключи у отпахавшего коллеги и сразу же принялся пить энергетика. За день до смены у «руководителя отдела безопасности» состоялась встреча выпускников, которая закончилась поздней пьянкой с товарищами, делившими с ним последние парты. Как следствие, Магуса не выспался и наутро заработал сильнейшую головную боль. Но, очевидно, момент, когда он во всеуслышание объявил однокашникам свою должность, того стоил. Правда, ограничивался этот момент временным отрезком между двумя рюмками.

Сонливость охранника не перебивали даже энергетика. Как зомби, с трудом передвигаясь на непослушных ногах, Магуса обходил серверы. Остановившись напротив электронной машины,

он уставился на мигающие диоды, которые словно гипнотизировали своего надзирателя, азбукой Морзе повторяя фразу: «Поспи минутку».

Ноги уже не держали славного воина, и он решил занять свой рабочий трон. Как только его организм почувствовал облегчение в ногах и позвоночнике, он тут же переключился на другую, не менее сложную проблему — веки. С каждым морганием они становились все тяжелее и непослушнее. Магуса стойко сопротивлялся дремоте до тех пор, пока противостояние не прервал звонок спутникового телефона. Из потока информации, доносившегося из трубки, охранник едва уловил смысл фраз о каком-то «перегреве серверов» и их «чрезмерной активности». Но Магуса отчетливо услышал последние слова — что «нужно отключить искусственный интеллект приблизительно на час». Час, в течение которого не будет надобности в бодром охраннике. Час, способный преподнести Магуса самый желанный подарок — сон.

Попрощавшись с работодателем, Магуса сделал последний рубок до стены и опустил рубильник. На обратном пути он поставил будильник на телефоне. Добравшись из последних сил до своего рабочего места, охранник сел в кресло и опустил на стол тяжелую, как гиря, голову. Казавшаяся доселе жесткой деревянная столешница была теперь мягче облака. Пара секунд оознанного удовольствия — и затем полная отключка.

...Магуса медленно открыл глаза, так же не спеша поднялся, потянулся и наконец взял в руки смартфон. Тот мало чем отличался от своего владельца недельной давности — он абсолютно не работал. Хмурый и помятый Магуса убрал его в карман. Взгляд сторожа устремился к настенным часам, но остановился на мигающем спутниковом телефоне. Диодный сигнал оповещал о пропущенных вызовах, а черно-белый дисплей сводил их количество к пятнадцати. Тотчас же увидев время, Магуса понял, что запланированный час для сна на выходе обернулся тремя часами комы.

Про себя Магуса уже попрощался с работой. Три часа держать выключенным то, что должно было заработать через час... Это явно не сулило ничего хорошего «руководителю отдела безопасности». Но уходящая в пятки душа охранника внезапно остановилась — в ушах звучал знакомый гул. Обернувшись, Магуса лицезрел исправно работающие серверы. Его взгляд упал на

опущенный рубильник, а затем и на предательскую кнопку, которую он не нажал перед рубильником.

Все эти три часа, пока Магуса спал непробудным сном, искусственный интеллект даже и не думал прекращать свою электронно-мозговую активность. Размышляя над своими косяками, охранник автоматически стал перезванивать на пропущенные номера. Но ответа не последовало. Тогда он посмотрел время последнего звонка. Оказалось, что пятнадцатый звонок был совершен более двух часов назад. Арифметика чуть не погрузила охранника в очередную кому.

Магуса остался без связи с внешним миром, если так можно было назвать то, что от него осталось. Засыпая, сторож и не предполагал, что проснется уже в новом мире. Как оказалось, искусственный интеллект действительно «качественно отличался от конкурентов» — ему хватило получаса, чтобы определить и ликвидировать источник глобальных проблем на Земле.

Мурат ГЕЛЯСТАНОВ

КАРБЮРАТОР

РАССКАЗ

Я родился и прожил большую часть жизни в поселке рядом с Нальчиком. В местечке, где никогда ничего не происходит и название которого не имеет никакого значения. В конце 80-х — начале 90-х годов в поселке проживало довольно много русских семей, однако после развала Союза многие уехали. Продавая за бесценок или оставляя на произвол судьбы дома, они покидали охваченный бандитским произволом и межнациональными распрями регион. Но были и те, кто решил остаться.

К примеру, наши соседи Верещагины. Отец семейства Николай Николаевич, которого называли «Чапаев» за характерные усы, его жена Клавдия Алексеевна, учительница истории в местной школе, и их сын Максим. Жили с соседями мы дружно. Наши участки разделял символический сеточный забор, а калитка в нем никогда не запиралась. Верещагины могли уехать на море и оставить нам ключи от дома. Так же и они приглядывали за нашим хозяйством, пока в отъезде были мы. Жизнь в те годы была непростой, и мы во всем старались помогать друг другу. Возможно, я склонен идеализировать то время, как идеализирует каждый человек период своего детства. Но мне кажется, люди были тогда намного добрее, нежели сейчас.

Шли годы, мир менялся. И не всегда перемены были позитивными. Чапаев, то есть Николай Николаевич, всю жизнь проработал на заводе высоковольтной аппаратуры в Нальчике. Инженер, мастер — золотые руки, как говорится. Он дослужился до директора,

однако в середине 90-х завод разорился. За копейки предприятие выкупил некий бизнесмен. Всех работников уволили, дорогостоящие станки распилили на металлолом, а само здание снесли. На опустевшем участке позже построили торговый центр, один из первых в городе. Верещагин-старший такого удара судьбы не выдержал и запил. Вскоре на почве непомерного употребления спиртного и нервного перенапряжения его хватил инсульт. Проведя в постели еще около полугода, Николай Николаевич умер. Если отыскать его могилу на поселковом кладбище, можно увидеть черно-белую фотографию на надгробном камне. На ней молодой улыбающийся мужчина, и правда чем-то похожий на легендарного красноармейца.

С сыном Верещагиных Максимом мы учились в одном классе и были закадычными друзьями. Однако со временем стало ясно, что интересы у нас слишком разные. Макс больше любил сидеть дома. Он часами мог листать советские журналы «Юный техник» или «Вокруг света». Собирал причудливые механизмы из конструктора, да и вообще был круглым отличником и ботаником. Я же, как самый обычный подросток, пропадал целыми днями на речке с местными хулиганами или гонял в футбол. Уже ближе к старшим классам мы с Максом были, скорее, приятелями. Обычная история детства и взросления, подобие которой могло иметь место в жизни каждого.

Маховик времени раскручивался все быстрее. Как только мы окончили девятый класс, Клавдия Алексеевна уволилась с работы, забрала аттестат сына о неполном среднем образовании, продала дом и уехала в Подмоскowie к брату. С тех пор о Максиме я ничего не слышал. Некоторое время наши мамы обменивались письмами. Последнее мы получили году этак в 2005-м. Читали письмо уже вдвоем с сестрой, потому как матери не стало годом ранее. Клавдия Алексеевна писала, что прикована к постели. Что здоровье подводит. Но она обязательно скоро встанет на ноги и приедет в гости. Писала, что скучает по нашему поселку, называя его своей родиной. Я полагаю, от болезни она не оправилась. Писем мы больше не получали, и в гости так никто и не приехал. Оборвалась последняя нить, которая связывала нас с Верещагиными. Хорошие, порядочные люди и отличные соседи, о которых в памяти хранятся лишь добрые и светлые воспоминания.

Возможно, история о наших соседях так и осталась бы еще одним сундучком в моем багаже жизни. Однако произошло кое-что, всколыхнувшее водоем, который мы называем «память». Однажды я получил письмо.

Точнее, это было и не письмо вовсе. Скорее, записка. Прохладным весенним утром я, как обычно, собирался на работу. Распахивая ворота, чтобы выгнать автомобиль, я увидел бумажку. Мое внимание сразу же привлек сложенный листок, просунутый в щель между створками. Раньше, лет десять назад, подобное меня не удивило бы. Почтальоны приносили рекламные буклеты, а коммунальщики оставляли подобным образом счета на оплату услуг. Но с тех пор как все это и многое другое перекочевало в интернет, что такое документ в бумажном виде, я подзабыл. С удивлением, смешанным с любопытством, я вытянул записку. Обычный тетрадный лист в клетку, сложенный несколько раз. Не разворачивая послание, я осторожно выглянул за ворота. Никого не было. Ожидаемо. Тот, кто оставляет послание подобным образом, вряд ли станет ждать, пока адресат его получит. Шагая обратно к машине, я развернул листок. Ровным, очень разборчивым почерком там было написано: «Приезжай на турбазу. Нужна помощь. Макс».

Вот и все послание. Написано посередине, будто автор страдает излишней тягой к перфекционизму. Удивлению моему не было предела. В эпоху социальных сетей, виртуальной реальности, видеозвонков и голографических чатов получить старомодное бумажное послание все равно что застрянуть в дорожной пробке на боевой колеснице. Это как минимум очень и очень странно.

Я сразу понял, кто автор письма. Пожалуй, это поразило меня более всего. Мой школьный приятель и бывший сосед Макс Верецагин. В детстве мы с ним почти каждое лето ездили отдыхать в горы. На турбазу, название которой с местного языка переводится как «Черный лес». Нашим родителям как учителям путевки доставались по дешевке. Благодаря чему мы с Максом по три, а то и четыре недели проводили вдали от цивилизации вместе с кучей других детей. Веселое было время. Господи, это было так давно. А воспоминания свежи, будто прошло не тридцать с лишним лет, а всего пара недель...

Про «Черный лес» я давным-давно ничего не слышал и был уверен, что базу закрыли или снесли. А Макс... Макса не было ни в одном чате одноклассников. Ни разу он не выходил на связь, не появлялся ни в одной соцсети, не приезжал на встречи одноклассников. Ходили слухи, что он не то спился, не то уехал, не то повесился. Но лично я к ним никогда не относился серьезно. Короче говоря, никакой достоверной информации о Максе у нас не было. И сегодня утром, спустя тридцать с лишним лет, я получаю от него записку с просьбой о помощи...

Электромобиль соседа бесшумно выкатился из-за угла. Застывший под орешником с бумажкой в руке, я выглядел крайне озадаченно. Мы обменялись кивками, но, пока машина не скрылась за поворотом, я чувствовал на себе любопытный взгляд. Закрытая ворота, я снова перечитал послание. Осмотрел внимательно листок, даже просветил его через слабенькое апрельское солнце. «Приезжай на турбазу. Нужна помощь. Макс», — повторил я про себя скороговоркой. Написано обычной шариковой ручкой, синими чернилами. Сказать по правде, у меня не возникло даже мысли, что это шутка или розыгрыш. Никому такое в голову не взбредет, да и ничего веселого или смешного в этом нет. Значит, Верещагин правда объявился и ему нужна моя помощь? На древней турбазе, о которой много лет не вспоминал никто?

В голове вихрем закружились мысли. Не оставляли воспоминания о детстве, школьных годах, летних каникулах, о будоражащем сознание вечном ожидании приключения и праздника, мешающем уснуть по ночам. Странное послание от друга детства вызывало во мне острый приступ ностальгии. Я понимал, что не смогу его проигнорировать. Даже не потому, что человек просил моей помощи. Последние годы я ощущал, что жизнь стала слишком предсказуема. Может быть, даже немного скучна. И тот маленький мальчик, что живет в душе каждого мужчины, почти растворился в ежедневной суете. В работе и бытовых неурядицах, в печалях и радостях, что постепенно заполняют нашу жизнь по мере того, как мы несемся сквозь время, набирая неизбежный багаж лет. Но сегодня утром пацан выскочил из своей темницы и навел беспорядок в голове. Может быть, так и начинается кризис среднего возраста, заставляющий людей творить безумства? Я успокаивал себя тем, что у меня есть оправдание. Эта странная, нелогичная записка, лежащая в нагрудном кармане. И пусть я не имел представления о том, что вообще может случиться, в голове достаточно быстро зрел план.

Записал шефу сообщение. Мол, приболел. Простуда, кашель и так далее. Позвонил соседу, одновременно собирая рюкзак:

— Хас, салам. Твой узик жив еще?

Разложил на диване теплую кофту, шерстяные носки, пачку печенья, воду, фонарик и еще кое-что по мелочи.

— Салам. Живее всех живых. Радиатор только подтекает. Но можно воду простую доливать периодически, а то тосола не напасешься. А что?

— Да так... Одолжишь? Надо смотаться кое-куда. Верну в целости и сохранности, обещаю. И радиатор поменяю. Но только потом, как вернусь.

— Нет проблем. Все равно стоит, гниет без дела. Только следи, чтоб не грелась, и воду подливай. Техника раритетная, сам понимаешь.

— Понял. Спасибо.

— Не за что. Ключи в замке. Дома нет никого. Заходи, забирай.

— Ага. Выручил. Давай, будь здоров.

— Давай, на связи.

Хороший все-таки Хас мужик. Нелюбопытный, самое главное.

Закинув вещи в рюкзак, включил ноутбук. Посмотрим, что нам покажут поисковики по запросу: Детский оздоровительный лагерь «Черный лес».

Просмотрел несколько фотографий, отчего в груди появилось странное тягучее ощущение. До боли знакомые места. Стало немного грустно. Не люблю разглядывать прошлое и осознавать, что пути туда уже нет.

Захлопнув ноут, я еще некоторое время сидел неподвижно. В мозгу оживали детские воспоминания. Эх, вернуться бы хоть на денек в детство. Ни забот, ни хлопот. Все живы-здоровы, мир огромен и переполнен тайнами и приключениями. И вся жизнь впереди.

Будто опомнившись, я скинул с себя ностальгическое одеяло. Пора мне выдвигаться. Если интернет не врет, последний заезд на базу был лет двадцать назад. При том что за дорогой тогда следили, она все равно была ужасна: камни, ямы, оползни, бесконечные подъемы и спуски. Страшно подумать, во что превратилась эта дорога сейчас. Сомневаюсь, что кто-то катается в эти места. Нынче популярность туризма упала почти до нуля, а появление VR-путешествий добило индустрию, и без того находившуюся при смерти. Кому интересно трястись на ухабах ради сомнительного удовольствия посидеть у костра в лесу, если можно просто надеть шлем и оказаться на вершине Фудзиямы, покорить Эверест или опуститься на самое дно Марианской впадины? Доступно и легко. И, что самое главное, безопасно. Хотя кого я осуждаю? Сам недавно прикупил комплект. Штука и в самом деле весьма крутая.

УАЗ, покрытый толстым слоем пыли, стоял под навесом. Даже несмотря на возраст, этот «старичок на пенсии» производил грозное впечатление. Здоровенные колеса, лебедка, кенгурятники. Подняв капот, обратил внимание, что двигатель тут неродной. Японский вроде. Залил воду в радиатор. Снизу тут же закапало. Несильно, но доливать придется, как и говорил сосед.

Закинув рюкзак на пассажирское сидение, я завел мотор. Ощущения были совсем не те, что в «электричке». Не буду брюзжать по поводу того, что раньше было лучше. Ибо электромобили выгодно отличаются от машин с двигателями внутреннего сгорания. Но что-то в старых колымагах, пожирающих бензин, все же есть. Свой неповторимый шарм, запах, шум и вибрация. Словно древний дикий зверь. Кстати, в горах нет зарядных станций. Но парочка двадцатилитровых канистр с бензином и полный бак на 60 литров не оставят меня на полпути, это точно.

Маршрут я помнил хорошо и без навигатора. Дорога шла по дну ущелья, вдоль реки. Вначале подъем был практически незаметен. Поселки по мере удаления от большого города были все безлюднее. Скот уже давно никто не держал, за исключением крупных фермеров. Сады не выращивались, огороды не вскапывались. Молодежь уезжала, старики умирали. Множество домов стояло с вывесками о продаже. На моей памяти был период, особенно после серии пандемий, когда люди потянулись из городов в глубинку. Однако эта волна так же быстро отхлынула обратно. Все блага жизни, развлечения, услуги, товары, удовольствия, все доступное и запретное сконцентрировалось в больших городах. Неудивительно, что людей тянуло туда. Здесь же, в селах, царили уныние и опустошение. Даже проезжая мимо, я ощутил на себе эту тягучую атмосферу обреченности.

Погода испортилась. Небо заволокло тучами, начал накрапывать дождь. Вскоре он усилился, превращаясь в настоящий ливень. Островки цивилизации в виде малонаселенных поселков остались позади. Далее дорога пролегла по безлюдным местам и шла на подъем. Асфальт закончился. Узик месил грязь, подпрыгивал и скрипел, но упрямо полз вперед. В некоторых местах дорога нависала над обрывом, а речка шумела где-то далеко внизу. Я старался не смотреть вниз, крепко ухватившись за руль двумя руками. Лишь в одном месте мне пришлось остановить машину. Еще с утра здесь был обычный ручеек, пересекавший дорогу. Сейчас это был бурлящий грязный поток. Велик шанс, что меня снесет в обрыв, если я рискну перебираться через него на машине. Все это означало, что, пока ливень не прекратится и масса красновато-коричневой воды вновь не превратится в безобидный ручей, мне придется ждать.

Простоял я до вечера. Уже почти стемнело, когда речка обмелела, оставив после себя полосу бурой скользкой жижи с тонкой струйкой уже чистой воды посередине. Уставший от вынужденно-го безделья и ожидания, я с радостью завел мотор, не забыв под-

лить в радиатор воды, и двинулся дальше. Ехать предстоит еще час или полтора. В зависимости от состояния дороги. На место прибуду к полуночи. Несмотря на то, что выехал с утра. Да уж, не быстро.

Последняя часть пути представляла собой густо покрытую сосновым лесом долину. Дорога, точнее уже просто колея, змейкой петляла меж вековых сосен, то пропадая в лужицах дождевой воды, то взбираясь на усыпанные острыми камнями холмики. Едва ли здесь разъедутся две машины, благо шанс встретить в этой глухомани кого-то еще стремится к нулю. Снова зарядил ливень, окончательно превращая и без того плохую дорогу в настоящее испытание для автомобиля и для водителя. Стоит отдать должное уазу, он со своей задачей справлялся достойно. Лучше меня. Я матерился и чертыхался, вглядываясь в мокрую темноту, разрезаемую желтоватым светом фонарей. Когда колеса проваливались в очередную яму, скрытую водой, автомобиль угрожающе кренился. Однако «старичок» всякий раз каким-то чудом выползал из болота. И лишь для того, чтобы через несколько метров окупнуться в него снова.

До боли в висках я вглядывался в темноту, стараясь не упустить поворот или очередную яму. Внезапно боковым зрением я уловил «моргание» фар. Инстинктивно правая нога ударила по педали тормоза, а левая выжала сцепление. Скользнув по жиже метра полтора, уазик качнулся и замер. Мне снова поморгали. Может быть, это Макс? Выехал встретить меня и застрял в лесу? Автомобиль не двигался по колее в мою сторону. Он стоял где-то в чаще справа. В темноте я не мог оценить расстояние. Там, возможно, полянка или «кармашек». Черт его знает, как тут все поменялось. Я жаждал клаксон. Во тьму улетели два коротких гудка. В ответ мне поморгали снова. Тоже два раза. Странно только, что фары находились как-то чрезмерно высоко над землей. Хотя я не совсем точно оценивал окружающее пространство. Темень, проливной дождь и густой лес кого угодно собьют с толку. Тем более человека, столь не искушенного в подобных приключениях.

У меня не было ни зонтика, ни дождевика. И мысль о том, что придется выходить под холодный апрельский дождь, совсем не улучшала настроение. В надежде, что человек в другом автомобиле подготовлен лучше меня, я посигналил вновь. В этот раз отправив в сырую темноту три гудка. Первый подлиннее и два коротких. Ответом стали три вспышки. Возникла мысль чуть сдать назад и попытаться слегка развернуть автомобиль вправо, дабы

осветить чащобу. Но я почти сразу от нее отказался. Двигаться задним ходом по такой разбитой, раскисшей дороге, да еще и в темноте, точно не стоило. Можно основательно застрять, и помощь уже понадобится мне. Как я ни отгонял от себя мысль о прогулке, понимал, что выйти из машины все-таки придется.

Достав из рюкзака фонарик, который в этой ситуации показался мне детской игрушкой, я попробовал направить луч света сквозь боковое стекло в сторону, откуда мне упорно продолжали подавать сигналы. Однако слабый лучик света упирался в грязное, замызанное стекло и терялся во тьме, обступившей узик. Приоткрыв пассажирское окно, я крикнул:

— Эй, Макс, это ты?

В лесу, вопреки ожиданию, было совсем не тихо. Слышались рокот бурной реки, которая вобрала в себя все потоки воды, стекавшие с гор во время ливня, шум дождя, вой ветра, носившегося между сосен. Звери, птицы и насекомые также дополняли эту какофонию. «Макс меня не услышит. Я его тоже. Значит, придется идти», — подумал я. Вздохнув, я распахнул дверь. Правая нога тут же провалилась в грязь по щиколотку. Под воротник заползли мерзкие, холодные струи. В следующую секунду на меня налетел поезд.

Никакого поезда в лесу, конечно же, быть не могло. Но все произошло так быстро, что первая мысль у меня была именно о железной махине, мчащейся на меня с огромной скоростью. В глаза ударил яркий свет нескольких прожекторов. Тьму взорвал звук, который я могу описать лишь словом «техногенный». Никогда не слышал ничего подобного. Скрежет металла, треск разламывающихся, будто хворостинки, сосен.

На мгновение я ощутил настоящий животный ужас. То самое древнее ощущение, передавшееся нам от предков, бродивших по первобытной земле. Возможно, поэтому, пока мозг пытался проанализировать ситуацию, теряя драгоценные мгновения, сработали инстинкты. Вскрикнув, я закрыл руками лицо и попытался отскочить в сторону. Нечто большое и бесформенное налетело на узик, откидывая его в сторону, будто детскую игрушку. Кувирнувшись, узик задел и меня. Будто в замедленном повторе на меня надвигалось крыло автомобиля. Удар. Боль. Тьма.

Открывая глаза, я мог бы подумать, что все это было дурным сном. Вздохнуть и сказать самому себе, мол, приснится же такое. И испытать пусть и мимолетное, но облегчение. Однако глядевшая на меня с тревогой физиономия Верещагина говорила о том,

что это все мне не приснилось и не привиделось. Об этом же свидетельствовала и боль в правом боку.

— Живой. — Верещагин улыбнулся.

И эта искренняя добродушная улыбка совсем не вязалась с его внешним видом. Выглядел он странно. Я бы даже сказал, плохо. Видно было, что человек давно не брился, не стригся и, судя по всему, не мылся. Замызганная кофта с высоким воротником, грязные джинсы, бесформенная шапка с торчащими из-под нее локонами, неаккуратная, растопыренная борода. Самый настоящий бомж.

— Это вопрос или утверждение?

Я попытался встать, отчего по всему телу прокатилась волна тупой боли.

— Это констатация. — Он снова заулыбался и протянул руку. — Ну здорово, сосед.

— Здорово, — пробормотал я, косясь на него. Но руку все-таки пожал.

Верещагин заметил мой взгляд. Но не обиделся, а лишь рассмеялся.

— Ты, брат, выглядишь не лучше.

— Я бы поспорил. Где это мы? Я вчера записку получил. А потом, когда ехал...

— Я в курсе, не суетись, — перебил Верещагин. — Думаю, у тебя куча вопросов.

— Еще бы.

Я осторожно пощупал разодранный локоть.

— Слушай, — Макс встал и отступил на пару шагов назад, раскидывая руки подобно статуе Иисуса в Рио. — Знаю, многое тебе непонятно. Знаю, я выгляжу как бездомный. Знаю, что это все странно. И ты, может быть, думаешь, что у меня крыша поехала. Просто хочу предупредить, чтобы ты не делал поспешных выводов. Дай мне немного времени. Я все объясню, все расскажу. Просто будь готов услышать и увидеть то, что тебя удивит, а возможно, напугает. И не считай меня психом. Я не просто так отправил записку, и ты не зря приехал. Поверь.

Это был весьма странный, но искренний монолог. Все же я знал Макса с детства. И, пусть мы не виделись много лет, он не сильно поменялся.

— Черт с тобой, — я махнул рукой и тут же поморщился от боли. — Что с моей машиной?

— Восстановлению не подлежит.

Макс подошел к окну и бросил на улицу тревожный взгляд.

— Твою ж мать! Это что вообще такое было вчера? Слушай, ты там партизан высматриваешь? Можешь ответить хотя бы на один вопрос? — Я начал злиться.

— Партизан? — рассеянно переспросил он. — Скажи, сколько у тебя было с собой бензина?

— Чего? Какая, блин, разница?

— Просто ответь.

Да он точно больной. Не видел человека тридцать лет и теперь спрашивает всякую ерунду. И ведет себя странно.

— Когда выезжал, было литров сто, — буркнул я. — Шестьдесят в баке и сорок в канистрах. Дальше сам считай.

— Уже посчитал. — Он сел на стул, потирая ладонью лоб. — Это плохо.

— В каком смысле?

— Ты видел, кто на тебя вчера напал? Успел рассмотреть?

— Было слишком темно. Предполагаю, какие-то психи на вездеходе. У тебя, кстати, связь тут есть? Надо бы в полицию сообщить.

— Связи нет, интернета тоже, — резко ответил Верещагин. — И про полицию забудь.

Та-а-ак... Я начал жалеть, что столь опрометчиво кинулся в это путешествие. У этого человека явно не все дома. Выглядит он хоть и неопрятно, но вполне безобидно. Но кто знает, в какой момент его может переключить.

— Максим, — осторожно начал я, — ты уверен, что тебе нужна именно моя помощь?

— Идти можешь? — на мой вопрос он не обратил внимания. — Я не врач, но кости вроде целы. Синяки и ссадины, ничего смертельного.

Я осторожно встал. Несколько раз поприседал, повернул торс вправо, затем влево, размял шею. Кроме синяка на весь правый бок и разодранного локтя, травм не было.

— Идти-то я могу. Вопрос в том, куда?

Верещагин бросил на меня хмурый взгляд и без тени сарказма или иронии ответил:

— На охоту.

Когда, прихрамывая, я вышел на улицу, то не поверил своим глазам. Да, определенно это была та самая база, на которой я отдыхал когда-то. Вон волейбольная площадка, вот медпункт, а там приземистое здание столовой. Однако теперь всю территорию окружал высокий забор, искусно сложенный из речного камня.

Также на территории я увидел множество современных построек. Примечателен был массивный ангар, в покатом боку которого зияла рваная дыра огромных размеров. Все постройки так или иначе ютились неподалеку от этого колосса. Некоторые из них были соединены внушительной толщины кабелями. Также имелось и жилое здание, частью которого и была комнатуха, в которой я пришел в сознание. В целом вся эта территория более всего напоминала небольшой завод. Видя, как я с раскрытым ртом озираюсь по сторонам, Верещагин заулыбался.

— Добро пожаловать в «Черный лес». Место, где прошлое столкнулось с будущим.

— Слушай, Максим. Если ты не перестанешь говорить загадками, я на все плюну и пойду домой пешком. Либо назови мне причину, по которой я должен остаться.

— Вчера ночью с гор сошел селевой поток и перекрыл дорогу. Далеко тебе не уйти, во всяком случае пока. Как вам такая причина, товарищ?

— Плевать. Пойду через лес. Надеюсь, ты не станешь мне препятствовать? — с вызовом спросил я.

— Конечно, не стану. Но идти через лес — это не самая лучшая идея, поверь. Давай так: сейчас мы прогуляемся до места, где на тебя напали ночью. Это недалеко. А по пути поговорим. И если к тому моменту, как мы дойдем до конца маршрута, ты причин погостить у меня не найдешь, то так тому и быть. Договорились?

Признаться, мне и самому было жутко интересно, какого лешего вообще тут творится. Однако я попытался придать своему голосу максимально безразличный тон:

— Договорились.

Мы покинули базу через массивные деревянные ворота, чрезвычайно легко скользящие на бесшумных, хорошо смазанных петлях. Я шагал молча, предоставляя Верещагину возможность самому начать разговор. Некоторое время он мялся, затем все-таки заговорил:

— Как вообще поживаешь? Чем занимаешься?

— Бизнесом, — соврал я, сам не зная почему. — Поживаю нормально.

— Давненько мы не виделись, да?

— Ага, прилично.

— Как родители?

— Там, — я ткнул пальцем в небо.

— Извини. Мама тоже давно нет.

Я сочувственно покивал.

— Сказать по правде, не знаю, с чего начать.

— Начни с начала, — подсказал я. — А там видно будет.

— Хорошо. Постараюсь донести до тебя лишь основные, самые важные моменты.

— Уж постарайся.

— В общем, я создал искусственный интеллект...

Уазик разорвало пополам. Его вскрыли, словно консервную банку. Бензобак был вырван, канистр с топливом мы тоже не нашли. Гнутые, искореженные детали оказались раскиданными по лесу. Я отыскал свой рюкзак в примятой траве неподалеку.

— Получается, твоя машина хотела меня убить?

— Не думаю, — покачал головой Макс. — Если бы хотела — убила бы. Ее цель — топливо.

— Объясни мне одну вещь. Неужели нельзя было запихнуть этот эм-м-м... этот разум во что-нибудь типа маленькой игрушечной собачки или умных часов? Зачем понадобилось создавать этого ржавого Франкенштейна?

— Причин много. Когда я выкупил базу, мне понадобились помощники. Но доверять я никому не мог. Тогда мне и пришла в голову идея поручить ИИ сконструировать для себя тело, способное выполнять совершенно разноплановые работы. От строительства до малярки. И, чтобы не привлекать внимание поиском и покупкой дорогостоящих деталей и механизмов, я дал задание ИИ построить себя из старых автомобилей. Их в поселках, благо, достаточно.

— Хитро. А ты не подумал, что в моменте все может пойти не так? Кино, что ли, не смотрел никогда?

— Кино — это кино, — отмахнулся Верещагин. — Странно, что люди до сих пор считают искусственный интеллект чем-то фантастическим. Помнишь бум с нейросетями лет десять назад? А помнишь, как неожиданно все притихло? Как думаешь, почему?

— И почему же?

— Да потому, что разработчики перепугались, когда перестали понимать, как работают их создания. Этот страх передался людям, обладавшим большой властью. И все наработки заморозили. Но это только официально. На самом же деле они не прекращались. В одной из таких компаний я и работал, когда жил в США.

— И неплохо заработал, раз смог позволить себе выкупить тут землю.

— Очень даже неплохо. Но деньги не главное. За мной начали следить. В тот момент, когда я стал осознавать, что мои разработки ведут к чему-то грандиозному.

— И ты решил спрятаться здесь, в горах?

— Да. Но спрятаться я мог бы и в другом месте. Но здесь мой дом, моя родина. И меня всегда тянуло обратно, где бы я ни был и как бы хорошо ни жил.

— Господи, — я обхватил голову руками, — одно из величайших изобретений в истории человечества, возможно самое величайшее, ты решил запихнуть вот в это?

Мы находились внутри ангара. Если снаружи здание выглядело вполне лаконично, даже несмотря на пробоину сбоку, то внутри царил настоящий хаос. Сгорбившись, я застыл у монитора и раз за разом прокручивал видеозапись. На ней был Верещагин, который сам себя снимал и сопровождал видео закадровыми пояснениями. Но главным героем в этом случае был совсем не Макс.

— Вот эта хрень на меня напала? — я нажал паузу. Видео застыло.

— Да. Я назвал его «карбюраптор». Питается он обычным девяносто вторым бензином. Легкими для него служат два двигателя внутреннего сгорания. Сердце — это два карбюратора. Энергию же он получает от литиевых батарей, которые постоянно заряжают двигатели. Конструкция, возможно, странная, но работает отлично.

Посреди ангара обвешанное проводами, будто новогодняя елка гирляндами, возвышалось нечто. Даже сейчас мне тяжело дать точное описание увиденному. Это определенно был робот. Машина высотой с двухэтажный дом. Две массивные опоры, выполняющие роль ног. Манипуляторы с массой сочленений, приспособленные для довольно тонкой работы. Мощные клешни — для работы более грубой. Массивное тело, увешанное прожекторами и сенсорами. Больше всего эта штука напоминала динозавра. Точнее, это была пародия на древнего ящера, собранная из старых советских автомобилей. Я вспомнил фразу Верещагина «место, где столкнулось прошлое и будущее»...

Добрую половину из того, что объяснял мне Макс, я не понял. Он говорил о том, что начинал с разработок простых нейросетей, которые предназначались для облегчения нелегкой жизни людей, пользующихся социальными сетями. Потом нащупал некий

принцип самообучения или что-то вроде того. После занимался скрещиванием разных нейросетей, некоторое время находившихся в свободном доступе в момент бума. И все у него было хорошо. Жил в Америке, зарабатывал большие даже по меркам экономически продвинутых стран деньги. Жить бы и не тужить. Однако в тот момент, когда он понял, что создал нечто революционное, Верещагин все бросил, скопировал свое детище на жесткий диск и приехал сюда. Выкупил и обустроил полуразрушенную базу высоко в горах и продолжил работу.

Когда я спросил, какова была его конечная цель, он просто пожал плечами.

— Я понимал, что работать под началом крупных корпораций мне не позволят. Рано или поздно на мое творение обратили бы внимание. Вряд ли Оппенгеймеру разрешили бы разрабатывать атомную бомбу у себя в сарае.

— Ну бомба — это оружие.

— ИИ — это тоже оружие. Может, и похлеще любых бомб...

Вопросов у меня было гораздо больше, чем ответов. Верещагин очень много рассказывал мне о машинном сознании, о том, как относиться ко всему этому, о том, является ли его машина живой или это просто программа. В какой-то момент я его просто остановил. Мой мозг и так разрывало от такого количества информации. Вычленив из мешанины в голове самые основные моменты, я обозначил для себя несколько пунктов. И максимально их упростил.

Итак, детище Макса задумало сбежать от своего создателя. Побег готовился давно. Фактически машина сама себя построила. И в конструкции оказались детали, которые в совокупной работе представляли собой радиопередатчик. Для побега машине необходимо перемещаться физически. Ей достаточно найти сотовую сеть и получить доступ в интернет. Тогда она перекачает себя в глобальную сеть. И все, конец.

Я озвучиваю свои мысли Верещагину.

— В целом все так, — кивает он.

— И что произойдет, если ей это удастся?

— Да все что угодно. Понятия не имею.

— Неужели ты не мог предусмотреть какую-нибудь красную кнопку? Жмешь ее на пульте, сидя у себя на диване, и бум. Твой буйный робот взлетает на воздух.

— Его нельзя уничтожить. Мне необходимо вытащить жесткий диск и подключить его сразу же к переносному источнику питания. Парадокс заключается в том, что я не могу копировать или клони-

ровать это существо. Оно индивидуально. Оно все время нуждается в энергии. Его нельзя просто записать на флешку. Копии не имеют сознания и несамостоятельны. Я уже пробовал. Можно только его перенести. Но если уничтожить его, он погибнет.

— Если погибнет, создашь новый.

— Я не смогу. Таких ресурсов у меня больше нет. Все наработки уничтожены. Да и не уверен, что могу потратить очередные пятнадцать лет на нечто подобное. К тому же я выдохся.

Ночь. Ветер гоняет холодный горный воздух между соснами. Раз в две или три минуты сверкают молнии. Вдогонку к ним слышатся далекие раскаты грома. Где-то позади шипит разбухшая горная река. Скрип деревьев погружает в атмосферу фильмов ужасов из девяностых. Не хватает лишь одинокой хижины, притаившейся в чаще.

Хвоя в отличие от листвы никудышная защита от дождя. Промокший насквозь, я дрожу от холода, вжавшись спиной в поросший мхом ствол скрюченной сосны. Прижимаю к груди помповый дробовик и размышляю о том, как довела до такого меня жизнь. И пытаюсь как-то уместить в голове все то, о чем мне поведал Верещагин.

Вот, кстати, и он. Притаился за камнем метрах в пяти от меня. За спиной двустволка, в руках гаджет, регистрирующий движение в радиусе ста метров. Подсветка экрана делает лицо Верещагина зеленоватым и еще более зловещим. Все ж прав я был, когда решил, что у него «потекла крыша». Этот человек определенно сумасшедший. Впрочем, как и все гении. Заметив мой взгляд, он слегка кивает и складывает из пальцев классическую комбинацию: «Все окей». Я киваю в ответ и складываю уже другую комбинацию. Не менее классическую, но гораздо более эмоциональную. Темнота напрягает. Холод напрягает. Сырость напрягает. Нервы на пределе. Глубоко вдохнув вкусный холодный воздух, делаю медленный выдох.

Дождь как будто устивается. Нам повезло, что машина не ориентируется на местность. Когда Макс ее обучал, он решил, что география родного края — вещь не первостепенной важности. Она отлично сканирует окружающее пространство, прекрасно слышит и ловко двигается. Но может заблудиться, совсем как обычный человек. В первую ночь после побега она распотрошила мой узик и, получив так нужное ей топливо, направилась вверх по ущелью. Не знаю, что ей внушил Макс, но двигается она только ночью. Днем мы пытались идти по следу от места

нападения на узик. Через пятьдесят метров след потерялся. Я почти уверен, что карбюраптор его замел. Не знаю как, да и не хочу знать.

Повезет мне, если я не схвачу воспаление легких. Роль Рэмбо, затаившегося в камбоджийских джунглях, мне совсем не нравится. В детстве я мечтал о подобных приключениях, но они хороши лишь в фантазиях, на страницах книг или в кадрах кинофильмов. На деле же это суровое испытание для организма. Всегда ненавидел холод. Как же я мечтаю оказаться в горячей ванне. Одна только мысль об этом приносит почти физическую боль. А вокруг лишь сырость, темнота и холод.

Я слышу едва различимый писк. Это датчики в устройстве Макса зафиксировали движение.

— Одиннадцать часов, — шипит Верещагин.

Прикинув направление, всматриваюсь. Это свет или игра моего воображения? Пытаюсь прислушаться. Верещагин машет мне рукой и, пригнувшись, устремляется в ту сторону. Я следую за ним, стараясь не шуметь. Сердце колотится, адреналин разливается по венам. Мне как будто теперь жарко. Ощущаю себя древним охотником, отслеживающим пещерного медведя. Успеваю подумать о том, что у наших далеких предков в отличие от нас было одно весомое преимущество. Охотник был гораздо умнее добычи.

Бежать сквозь ночной лес, подложка которого состоит из сплошного переплетения корней, удовольствие так себе. Несколько раз я падаю, но сразу вскакиваю и кидаюсь вслед за Верещагиным. Впереди я вижу огни. Датчики не обманули. Отчетливо слышатся гудение сервоприводов и работа выхлопа. Хватаюсь за дробовик. Стрелять мне Макс строго-настрого запретил. Зачем тогда дал оружие?

Совершенно внезапно мы выходим на небольшую поляну. Вижу наконец творение сумасшедшего гения вживую. На видеозаписи масштабов я не оценил, как оказалось. Машина и впрямь была впечатляющая. Однако всех деталей в темноте разглядеть я не успеваю.

Я слышу характерный треск. Тьму освещает синяя вспышка. На долю секунды я ощущаю, как мое тело пытается вывернуться наизнанку. Затем падаю.

— Назад! — орет Макс и тащит меня за шиворот обратно в чащу.

Тварь — иначе ее не назовешь — ударила нас током. Я находился ближе к ней и принял большую часть заряда на себя. Удар

оказался несильным. Его цель — не убить, а отпугнуть. Пытаюсь встать на ноги, но не могу. Макс тащит меня по мокрой траве, не позволяя переместить центр тяжести.

— Я в порядке, отпусти! — ору я в ответ на его действия.

Сзади снова слышу треск. В этот раз заряд ощущается лишь кончиками волос. Радиус небольшой, мощность тоже.

— О чем ты думал, когда его строил? — накидываюсь я на Верещагина.

— Он сам себя построил, — оправдывается Макс.

Наверное, это самая странная охота. На охоте я никогда не был, но уверенность в том, что нынешняя самая странная, не покидает. Мы пытаемся загнать машину в угол и обездвигить. Что-то мне подсказывает, что ее создатель плохо представляет себе, как это сделать. Он бормочет насчет перебивки шланга основного компрессора, но такой план выглядит весьма несерьезно. Машина чертовски умна и хитра. Не подпускает нас. Будто просчитывает все ходы, и на каждую нашу уловку у нее готова своя контрмера. Она уверенно двигается вниз по долине, держа нас на расстоянии. Макс паникует. Я тоже. Предлагаю ему стрелять на поражение. Он противится. Отчасти понимаю его терзания. Не хочет погубить свое детище, дело всей жизни. Но мы должны что-то придумать. Силы наши на исходе, а машина не устает. Стоит нам приблизиться, она бьет током или озаряет лес пылающими струями огнемета. Отгоняет нас, как назойливых мух. Кажется, она догадывается, что Верещагин не станет ее уничтожать, и пользуется этим.

Еще километр — и начнется зона покрытия сотовой связи. Медлить нельзя. Селевой поток, о котором говорил Макс, порядком размыл дорогу, образовав на ее месте нечто вроде продолговатого холма из комьев грязи. В свете выползающей из-за облаков луны я вижу железного монстра, упрямо взбирающегося на него. Между нами метров сорок, но машина не обращает на нас никакого внимания. Она двигается медленно. Гораздо медленнее, чем двадцать минут назад. Макс поднимает наконец свое ружье и прицеливается. Затем медленно его опускает. Я наблюдаю эту немую сцену и не понимаю, что происходит.

— Стреляй же, ну!

— Погоди. Что-то не так.

Карбюраптор, будто уродливый трансформер родом из Советского Союза, замер на гребне застывшего селевого потока. Луна вот-вот снова скроется за тучей, но я успеваю увидеть, как машина

заносит «ногу», чтобы сделать шаг, и, не удержав равновесие, начинает опрокидываться назад.

На горизонте забрезжил рассвет. Я почти не чувствую пальцев ног. В это время суток здесь холодно даже в августе. Апрельские же предрассветные сумерки и вовсе становятся испытанием для нас, промокших и замерзших.

Осторожно мы подбираемся к завалившемуся на бок роботу. Он неподвижен, двигатели молчат, лампы погасли. Верещагин переходит на быстрый шаг, потом и вовсе бежит. Я бегу вслед за ним. Будто врач-реаниматолог, Макс накидывается на машину и проводит некие непонятные мне манипуляции. Откидывает крышку в массивном теле и запускает руки внутрь механизма. Остановившись метрах в трех от неподвижного, но все еще грозного робота, я наблюдаю всю эту весьма печальную картину.

От робота веет теплом. Теперь я вижу, что конструкция его далека от идеала. Неаккуратно сваренные швы ржавеют. Шланги, торчащие из-под сочленений, оборваны. В лужу, образовавшуюся под массивным телом, вытекает красноватая жидкость. По запаху понимаю, что это антифриз. Но не могу избавиться от ощущения, что кровь.

Макс достает из рюкзака миниатюрный планшет и подключает его к разъему, скрытому где-то в недрах робота. На бледном осунувшемся лице горе-изобретателя читается тревога, смешанная с отчаянием. Несколько минут я стою, молча наблюдая, как Верещагин тычет пальцами в монитор, что-то бормоча себе под нос.

— Ну что там? — наконец не выдерживаю я.

Верещагин вздрагивает, медленно поднимает голову. По его лицу я догадываюсь, каким будет ответ.

— Мертв.

Я не знаю, как себя вести. И вроде бы нет той боли и отчаяния, которые бывают, когда у тебя на руках умирает близкий человек, но на душе все равно паршиво. Я не задавался философскими вопросами о том, что есть живое, а что нет. Но никак не мог перестать думать о том, как сильно эта машина стремилась обрести свободу. Не это ли самая характерная черта, присущая той самой штуке, которую принято называть «разум»?

— Совсем? — спрашиваю я тихо, понимая бестолковость своего вопроса.

— Абсолютно, — бесцветным голосом отвечает Верещагин. — Топливная система забита грязью. Карбюраторы не работают, двигатели остановились. Он шел, пока не иссяк заряд батарей.

Жесткий диск тоже мертв. Теперь это просто груда металлолома.

— А он знал, что может... может умереть?

— Уверен, что да.

— И не остановился, чтобы позволить тебе его спасти?

— Нет.

Некоторое время мы стоим молча. Я достаю пачку сигарет. Закуриваю, предлагаю Макс. Пару секунд он тупо смотрит на пачку в протянутой руке, затем достает помятую, но чудом не промокшую сигарету.

Горизонт озаряется багровым цветом. От реки поднимается туман. Мы стоим молча и курим у медленно остывающей машины, которая стала последним пристанищем для искусственного интеллекта. Кто знает, на что он мог бы быть способен. Спасти человечество или уничтожить его? Разработать лекарство от рака или изобрести вечный двигатель? Или, может быть, он решил бы, что глупые, медленно думающие люди ему ни к чему?

Ощущаю вибрацию в кармане. Погруженный в печальные мысли, достаю смартфон и, смахнув уведомления, прячу его обратно. Делаю глубокую затяжку. Внезапно Макс хватается меня за рукав и разворачивает к себе.

— Что ты только что сделал?

Я его не узнаю. Глаза горят нездоровым блеском. Голос дрожит.

— Ничего! — Я одергиваю руку. — Стоял и курил.

— Нет, ты достал телефон. Зачем?

— Да просто посмотрел, в друзья кто-то добавляется. Ты чего псих...

Слова застревают у меня в горле. Онемевшими пальцами я достаю гаджет, разблокирую его. Смахиваю экран вниз, открываю настройки, нахожу пункт «беспроводные сети». Вижу характерный значок. Точка и три полудуги над ней. А сбоку надпись: «Бесплатный вай-фай».

Сослан ХЕТАГУРОВ

ПАРАД ПЛАНЕТ И НЕЙРОСЕТЬ

МИНИАТЮРА

Пусть будет проклят тот день, когда я сел за клавиатуру этого пылесоса! Алиса! Долго там еще? — в нетерпении воскликнул я. — Ночь уже!

— Расчетное время пятнадцать минут, — спокойным голосом отозвалась нейросеть. — Все идет по графику...

— Какой к чертям график, медленно печатается! — и я со злостью посмотрел на 3D-принтер, печатавший очередной рунный знак. — Ты уверена, что работает?

— Вероятность успеха семьдесят пять процентов с учетом географической точки и парада планет. Как говорит теория...

— Теория без практики мертва, — прервал я нейросеть, хватая напечатанную магическую руну. — Надеюсь, твоя теория подтвердится.

Руна заняла свое место среди других на расчерченной песчаной дорожке музейного двора, куда я устроился на летнюю практику, будучи студентом исторического факультета. Одновременно я подрабатывал ночным сторожем, почему и смог принести в музей ноутбук и 3D-принтер, так как необходимые

руны могли быть распечатаны только нейросетью и только в определенном месте во время Большого парада планет, который был сегодня. Нейросеть Алиса утверждала, что это откроет портал во времени. Ненадолго, меньше часа.

— Уф! Готово! — Я уселся на скамейку беседки, вытирая пот. — Надеюсь, получится!

— Что получится, если не секрет? — услышал я хрипловатый усталый голос человека, которого в беседке еще миг назад не было. — И как вы сюда попали, сударь? Мы знакомы?

— Нет, не знакомы, — ответил я, чувствуя, как мурашки побежали по всему телу. — И это не я попал, а вы, и я должен вам многое рассказать и показать!

— Что же, если не секрет? — настороженно спросил собеседник.

— Если не против, прогуляемся? — предложил я. — Будет интересно.

— Ну что же, извольте!

И мы пошли по улице в сторону проспекта Мира. И чем дальше шли, тем большее удивление проступало на лице моего спутника.

— Это какая-то мистификация? — спросил он меня, когда мы остановились у входа в парк. — И что это за убожество? У скульптора отвратный вкус.

И мы уставились на бронзовую скульптуру, изображающую человека на лавочке.

— Посмотрим лучше на проспект! — предложил я.

Мы двинулись ко входу в парк, при виде которого у собеседника высоко взлетели брови. Потом направились в сторону церкви на пригорке. Чем дальше шли, тем более задумчивый вид был у моего спутника, и по дороге я ему рассказывал обо всем, что видели.

— Гаппо? — спросил меня мой спутник, когда мы оказались у стен церкви.

— Да, — ответил я и кивком головы указал на могилу напротив.

— Любопытно, — сказал он, глядя на лежащие цветы. — А теперь расскажи мне все.

И я стал рассказывать. На это ушло все оставшееся время.

— Я понял, — сказал он, когда рассказ мой закончился. — За чем ты это все затеял?

— А ты изменишь свою жизнь после того, что узнал? — спросил я, волнуясь.

— Определенно нет. Я вижу, что, несмотря на прошедшие годы, люди не изменились. И если бы довелось жить тут, в вашем времени, люди проходили бы мимо, а я получил бы свою порцию насмешек и непонимания, как и раньше. Так что нет. Все было сделано правильно. Спасибо тебе, что показал будущее.

— Осталось тридцать секунд, — произнесла нейросеть Алиса из смартфона.

— Что ж, — сказал мой спутник, подходя к парапету и глядя на город, переливающийся огнями. — Все было не напрасно.

И растаял в дымке огней ночного города.

И появился в своей любимой беседке, в саду, в своем времени. Принес чернильницу, бумагу, задумался и стал писать... А когда закончил, перечитал и задумчиво произнес:

— Весь мир — мой храм...

Хасан ДЗИОВ

КУКЛА НОЯБРЯ

РАСКАЗ

Мяч. Желтого цвета. Для настольного тенниса. Успокаивающий и невесомый. Большинство мячей в этом виде спорта, который сильно изменился за последние годы, были белыми, пластиковыми, размером 40+. Таковы были неоднозначные теннисные метаморфозы, произошедшие в мире спорта. Мяч же, который держал в руках Роман, был олдскульным, целлулоидным. С гармонирующей красивой надписью красного цвета: JOOLA. Этот немецкий старый бренд напоминал о детстве.

— Да ты ретрофакер, Ромаха Котов!

Роман улыбнулся изобретению нового американизма и закурил, стоя под густым и серым небом вечерней Москвы, где-то среди прожилок околотверских кривых и завистливых улочек. В воздухе висел болезненный запах осени, нерешительного дождя и табака из ядерной пачки Camel, один ковбойский вид которой вызывал легкий ступор у сторонников электронных сигарет и прочих способов потребления никотина в стиле киберпанк.

Роман вспомнил давно ушедший март безумного девяносто второго года. Еще лет восемь до миллениума. Целая жизнь до масок, пандемии коронавируса и осознания того, что планировать поездки куда-нибудь, где солнце ярче, авантюрно.

— У тебя ракетка Stiga? У меня Joola, она круче!

Дети толпились перед входом в спортивный зал секции настольного тенниса.

— Ты гонишь, у Николая Витальевича же Stiga!

Да. Точно. Ранний март. Вечерняя младшая группа, с 18 часов. Снег с холодным безразличием ждал своей смерти перед секцией ДЮСШ, превращаясь в подобие пломбира с вареньем из черной смородины. Сколько этих закатанных банок тихой радости юный Ромик (мама, я не Ромик!) перетаскал на кухню, вскрывая жутковатого вида открывалкой, которая прогибалась под его детские желания их такие же желтые, как этот теннисный мячик, крышки формы полной луны. А потом он щедро поливал этой темной, грозящей диабетом жижей белоснежное мороженое в чашке. Еще одно воспоминание, отдававшееся странным чувством недосказанности, неправильности и сладкой холодной боли, вызванной дерзким желанием вернуться и доделать забытые в девяносто втором детские дела. Он так и не стал мастером спорта по настольному теннису. Так и остался любителем этой игры, хоть и жил ею всего полгода, до момента, пока учеба в школе не стала привычкой, которая, в сговоре с родителями, предательски требовала хороших оценок. Так и не завел кота, обязательно большого. Но с драматическим размахом развелся с женой и стал близоруким на один глаз. Был ли это преднамеренно каламбурный сглаз жены, Роман не знал. Возможно. Говорят, есть какой-то эффект визуализации или чего-то в этом роде. Британские ученые в телевизоре и пиво в холодильнике смогли заменить лежащего на кровати рядом с хозяином британского толстого серого кота. Таким его себе представлял стареющий мозгами Роман. Кот бы очень хорошо понял суицидально-прокрастинирующую атмосферу съемной квартирки с маленьким балконом, с которого даже видна Тверская, если перегнуться через перила так, что появлялся риск повторить судьбу вышедшего когда-то в окно соседа под метамфетамином.

— Ром, зато и ты теперь 40+. Как новый стандарт мячей, с округлившимся животом. Как трудные послевоенные сороковые. И так же бледен до белизны, в пять утра, после первой сигареты в постели.

Диалог с самим собой был доведен Романом до совершенства за последнюю четверть века. И дело было не в одиночестве, которое поселилось и жило где-то в области живота с самого детства, даже тогда, когда по дороге домой, из машины отца к подъезду, он ощущал его огромную и добрую руку на шее. И даже когда разговаривая со школьными друзьями во дворе, окруженном серыми девятиэтажками, и неосознанно поднимая голову в декабрьскую черноту вечера, он видел желтый свет окна, в котором

угадывался силуэт ждущей его улыбающейся матери. Что-то было не так в его мыслях. И так было всегда. Чувство неправильности. Пришлось говорить годами самому с собой, в попытках все исправить. Пока эта возможность не стала призрачной. Как когда-то призрачным стало ожидание матери, однажды ночью не дождавшейся своего мужа и отца Романа. «ДТП. Двое погибших. Примите соболезнования». Таким фальшивым был этот голос в ставшей тяжелой, как гиря, трубке дискового телефона. И такой же призрачной однажды стала жизнь, одним несправедливым и солнечным летним днем, когда рано ссутулившаяся мама услышала голос человека в белом: «К сожалению, четвертая стадия. Оперировать вас нельзя». Роман всю жизнь словно подкручивал громкость своего внутреннего голоса до рейвовых децибелов. Так лучше слышно свою значимость, вера в которую была как простреленные дробовиком джинсы панка эпохи первого «Терминатора», висящие на бельевой веревке на грязном заднем дворе.

Джинсы, панки, сигареты... О чем это он? Да. Почему Москва с опасными балконами, а не родная провинция, как та песенная сонная лощина, крепко держащая традиционной ностальгией? Да просто деловая поездка. По делу. Дело, которое могло изменить Романа. Его жизнь. Его мир. Планету Земля. Чертов голос всегда был склонен к гротеску и идиотскому оптимизму. Бизнес, мать его, на заре двадцатых двадцать первого столетия. И что его дернуло? Ведь есть маленький и уютный, хоть и полупустой покризисному, магазин автотоваров. Дом. Городок с фонтанами. Запущенные остеохондроз и дела дяди по производству удобрений из опилок и еще из черт пойми чего, дядины же бизнес-планы по разведению страусов и куча его других полумаразматических проектов, которые он выписывал в толстую красную тетрадь из освоенного им на голову Романа интернета. Потом всегда бывал звонок от этого самого дяди с неизменно аристократической, заставляющей Романа беззвучно блякать, фразой: слушай, кто у нас в «Сбере» был? В «Сбере» чаще всего не оказывалось никого, но каким-то чудом закредитованность Ромы росла, как акции Apple после выхода первого айфона. А вот удобрения дяди удобряли лишь виртуальные поля, цветущие в его голове, под наглые ухмылки судебных приставов...

Но нет, все случилось раньше. Еще тем вечером, в девяносто втором, в марте. Николай Витальевич был хорошим тренером, мастером спорта и ловеласом. Он был склонен к полноте и к объяснениям в армейском стиле. Но он был настолько гармоничен в этом своем слегка экзотическом образе, что учеников тянуло на

занятия как канцелярские скрепки к опасному, но интересному неодимовому магниту. И даже немалых размеров живот тренера не мог скрыть его космических размеров грации, когда он демонстрировал какой-то сложный элемент вроде топ-спина справа, иногда для наглядности приглашая в качестве спарринг-партнера своего друга Олега, тренировавшего другую группу, высокого блондина, с прической а-ля Ян-Уве Вальднер. Причем Рома подозревал, что сходство с великим чемпионом культивируется Олегом перед зеркалом с особой тщательностью и умыслом, как бы компенсируя откровенно слабый и даже эдакий схоластический подход к занятиям с детьми. Эти импровизированные теннисные битвы, по масштабам не уступавшие многосерийному мультсражению черепашек-ниндзя с главным злодеем мультфильма, как его-там, заставляли детей точно знать, чего они хотят от своих тогда еще безопасных и уютных жизней. Да. Тогда еще все знали, каков сценарий личного кино у каждого.

Но в тот вечер сражений не было. Ученики переоделись и зашли в зал. Николай Витальевич своим привычным, доведившим до мурашек басом крикнул: разомнитесь! И ушел в тренерскую комнату. Там его ждала чашка кофе, которую он предпочитал опустошать в прокуренном воздухе этой каморки, с пахнущими несбывшимися мечтами о мировой славе плакатами звезд мирового настольного тенниса, и почему-то в полной темноте, которая не мешала вспоминать то, чего нельзя вспомнить в суете все ускоряющихся дней. Чемпионы из Китая смотрели со стен, одобряя контрабандные сигареты Marlboro, хотя стареющий мастер спорта видел в их лицах гримасы неодобрения по поводу растворимого кофе из Индии, свалившегося на головы жителей бывшего Союза жестяным дождем из красивых банок шоколадного цвета с неоднозначным содержанием.

— Николай Витальевич, свет! — Рома стоял в дверях тренерской, слегка озадаченный. Свет выключили.

— Да чтоб вас!

Тренер ритуально и безуспешно пощелкал выключателем старенькой настольной лампы эпохи первых съездов КПСС, затем с неожиданной грацией располневшего в зоопарке, но все же барса перевел себя в вертикальное положение и выбежал из зала искать ненавистника гениального Эдисона. Но ведь все знают, что, если в начале девяностых пьяный экскаваторщик находил ковшом своего стального автобота высоковольтный кабель — это надолго и иногда даже фатально, поэтому тренировки были предсказуемо сорваны.

Владикавказский март укрывал сумерками рано, пряча скупое солнце за Кавказские горы. Роман шел привычной дорогой между пятиэтажек-хрущевок, пытаясь перепрыгнуть через грязь и лужи, в которых прятались фонари, спрыгивая в воду со столбов. Фонари! Он думал о них, лежа в постели. Жаль, нельзя играть в теннис в темноте. И эти фонари с круглыми желтыми лампами. Это красиво. Но сон пришел быстрее какой-то чужеродной мысли, бегавшей от Ромы Котова по углам постели. Он смог поймать ее за ухо лишь спустя половину жизни. И теперь не знал, что с ней делать дальше. Иррациональная часть себя хотела перемен. Роман же, который доживал молодость, хотел покоя и ритуальной таблетки аспирина перед сном, после такого же ритуального полуанабиоза, вызванного мельканием бессмысленных картинок в экране телефона. И обе версии Романа до ужаса боялись ошибок, ставших недоброй традицией...

Рома поискал глазами урну, чтобы не нарушать тверскую идиллию. Окурки на асфальте столицы остались в девяностых. Дождь стал смелее. Московский ноябрь был таким картинным и преисполненным слащавой элегии, что перебить этот излишний готический пафос могла только боль. Нет. БОЛЬ. А боли в душе и теле Ромы было много. Он непривычно медленно для столицы дошел до угла Тверской и Юлиуса Фучика. Его всегда смешило это сочетание. Он не знал, кто это, но фамилия вызывала ассоциации с приехавшим во Владикавказ его детства цирком. Цирк знаменитого на весь мир Юлиуса Фучика! Он представлял выкрики приглашенного восторгами публики старого конференсье. Но сегодня он не смог мысленно улыбнуться. Хватило сил лишь повернуть налево и пойти по Тверской, глядя под ноги и время от времени, но пристально — на прохожих. Мокрая дорога словно гудела вместе с машинами и светилась отраженным светом фар, напоминая о том, что жизнь всегда будет кипеть где-то, даже если одна из миллиардов пылинок на планете вдруг решила похандрить или даже умерла. Время бежит не дискретно, как стрелка на дешевых кварцевых часаках. Оно плавно, но неизбежно льется, как плывущие дорогие секунды на Rolex. Навстречу в лицо кто-то всегда курит. Улыбается. Заглядывает в душу. Спрашивает громко, как пройти к метро. И беззвучно просит поделиться счастьем. Успевает рассмотреть на полубеге желтый макет солнца, перекачиваемый между нервных пальцев.

— Это мое! — кричит голос.

— Хочешь, подарю? — шепчет Роман в ответ.

— Ты только скажи, что я что-то значу для тебя и для мира. Нет? А зря. Я такой же, как ты, только застрял между желаниями и возможностями. Слышишь? Мы бы могли стать братьями! Любownikами! Мы могли бы завести детей. Я мог бы стать твоим! Убить за тебя! Умереть за тебя! Эй, прохожий! На кого ты променял меня? Оглянись! Я же чувствую, что ты такой же, как я. Ты должен услышать мой голос. Ты должен дать мне шанс. Дать его себе! Ты слышал об Адаме и Еве? О моих родителях? О Ван Гого? Забирай мои уши, они не нужны мне, чтобы слышать свой голос! Хватит дышать на меня ванильными ароматами дыма и бежать по своим делам, не осознав, как мы подходим для того, чтобы умереть вместе, сидя на высокой горе в Южной Америке! Как она называлась? Забыл! Это проклятый коронавирус бьет по памяти. Бьет с остервенением стучащего по барабанной установке Ларса Ульриха. Заставляя колокольчики прошлого звучать мимо нот. Но я не забуду главного. Хотя, кажется, что-то во мне медленно угасает. Амбиции. Желание быть кем-то. Желание грести куда-то. Суши весла, прохожий! Пойдем гулять и пить кофе на ходу. Пойдем молча, держась за руки, как влюбленные. Или громко смеясь, как братья. Это же так просто, Господь — Пастырь мой! Где моя пара, если я твоя тварь? Будда, забери мои желания или дай мне те, что мне по силам отпустить! Девушка со взглядом, в котором вижу жену! Вы знаете, как гениален был певец Принц? Как был раним рэпер Тупак? Не смотрите на мою вялую оболочку, я могу быть так же прекрасен! А-а-а... Вас ждет мужчина с букетом белых роз? Обнимите его, приподнимаясь на носки, он того заслуживает, хотя вы так же высоки своей глубиной! Мы все дети космоса, мы обязаны быть счастливыми, пусть не на этой планете, но один парень хочет переселить нас на Марс, я читал! Так представьте, *ma chere*, что вы уже на Марсе! Вам когда-нибудь снился Марс, женщина с косичками невпопад и в пестром платье? Ваши уставшие ступни подсказывают мне, что вы гуляли по Марсу прошлой ночью! Давайте отдохнем, сидя на камне и глядя на эту мертвую планету, которая много миллионов лет назад была нашим домом. Понаблюдаем за закатом тусклого и далекого солнца, посылающего нам остатки тепла сквозь пыльное небо. Вы видите, какое умиротворение родилось и живет в этой красной пыльной пустыне? Где заснули навсегда давно умершие боги, чьими далекими потомками мы можем быть. Давайте проживем оставшиеся нам с вами годы тут. Я буду кружить вас на руках, стоя босиком в этой еще помнящей следы ног тех, кто улетел к звездам, пыли. Вам будет страшно и

весело, вы будете просить, чтобы я отпустил вас на Землю. А я буду смеяться и говорить, что Земля осталась в прошлом. За нами будет каждый вечер наблюдать пустыня Марса. Она будет завывать марсианскими холодными ветрами, подпевая нам в такт. Она будет плакать вместе с нами, когда мы будем падать на колени и тихо лить слезы, смотря вверх на звезды, которые забыл вытереть от пыли кто-то ленивый. Ночь Марса станет нашим одеялом. Все святое, что есть в нашей Солнечной системе, живет там и ждет нас с тех пор, как на Земле еще не родилась жизнь, эта торопящаяся прочь незнакомка. Наша дочь станет первой из тех, кто не знал суеты земных городов. Мы назовем ее Алиса. В честь той самой Алисы, книжку о которой вы всегда держите в сумочке, я уверен. Ведь Кэрролл был одним из последних марсиан, но никому не открыл этой тайны. Да! Я просто не в себе. Вижу, вам ближе мерцающий покоем зеленый огонек аптеки за углом. Простите. Я просто любил вас как никого прежде. Пусть это длилось пять секунд, которые я растянул на всю жизнь.

Этот громкий жалобный голос странно убаюкивал усталость, из-за чего ноги Романа все шли, оставив позади надежду на тепло, которую дарили Тверская с Тверской-Ямской, и неосознанно встречая бездушные Ленинградского проспекта. Вот уже и Петровский парк застыл в темноте, подставив шлем купола его дворца под капли дождя, которые, стекая вниз, тщетно силились смыть из памяти этого алого исполина его сны о прошлом. Вот бы кто-то подарил ключи. Оставил во дворце одного. Дал побродить до утра со свечой в руках... Нет. Слишком невыносим будет рассвет. Слишком ядовитым станет дым от затушенной проводницы из воска. Через века за одну ночь. Это было слишком быстро даже для фаната скорости в любом ее проявлении. Рома передрнул мокрыми от дождя плечами и прошел мимо. Красная спортивная куртка с капюшоном каким-то непонятным образом придавала жуткий вид этому месту. Мокрые деревья парка. Шорохи. Звуки крадущейся уютной и чайной осени. И скользящее красное пятно в темноте. Роман любил яркие цвета, они напоминали леденцы в прозрачной обертке и подаренный отцом калейдоскоп, в который маленький Рома смотрел перед сном, когда одним злым январем заболел ангиной, провалявшись в постели все праздники. Но даже в этой ностальгической и унылой реальности Рома не мог притушить органы чувств до нуля. Поэтому его уши уловили звук шагов со спины. Да, кто-то шел сзади. Не то чтобы Рома был из тех, кто предпочитает пугаться заранее или

отличается мнительностью, но возникло неприятное чувство. Какой-то нехороший знак, почти что восклицательный, вспыхнул алым огнем перед глазами.

Черт, я так сладко жалел себя, а шаги за спиной сбивают весь сопливый флёр. Ра-а-а-аз-два-а-а-а, ра-а-а-аз-два-а-а-а. Шаги были размеренными. Тот, кто шел сзади, явно носил не спортивную обувь. Стук, которым отзывался асфальт, кричал о наличии тяжелой и жесткой подошвы. Каблуки? Набойки из металла? Внезапно нечто изменилось. Нет, не так. Нечто изменилось внезапно. Рома услышал, что обладатель этой тяжелой гнетущей поступи перешел на бег. И это был не бег трусцой. Это был старт, явно диссонирующий с ботинками. Чем? Сначала увлекающийся бегом разве что раз в год, причем в високосный, Роман Котов не понял, что же именно ему не нравится до жути в этом беге. Осознание пришло позже: шаги ускорились и приближались к нему. Обернуться, причем быстро, становилось решением разумным и даже экстренным, но жуткий удар в затылок отправил Рому на асфальт, а наступившая ночь в голове выключила все: и звуки, и саму надежду на свет утра, если она еще и была.

Через мгновение (через сутки?) пришли звуки проезжающих машин, чьи двигатели внутреннего сгорания обещали стать прошлым через каких-то лет двадцать. Свет. Желтый. Заглядывал в лицо. Не было никаких врачей в белых халатах или даже в синих. С чемоданчиками и звенящими в них инструментами и ампулами. Рома поступил по-мюнхгаузенски, как-то странно легко и естественно приведя свое тело в сознание и сев на пятую точку прямо на дорожке парка. Затылок не болел. Что тоже выбивалось из сценария самолетно-поверхностного чтива юности. И более того, это было странно. Инсульт? Эпилепсия? Нелюбящие прохожие, где вы? Парк был тих и пуст. И все таким же мокрым. Опершись на руку, Роман перевел себя в более солидное, как ему казалось, положение на корточках, рискуя при этом выглядеть со стороны ищущим в умершей траве парка траву жизни в стиле Ямайка, к удивлению какого-нибудь полицейского патруля. Голова не кружилась. Не тошнило. Признаков ограбления нет. Большинство мужчин выгодно отличается от большинства женщин тем, что после подобных происшествий первые редко задумываются о, возможно, произошедшем изнасиловании, и Роман входил в это большинство. Так, что еще? По ощущениям переломов нет. Что это было и где этот цокающий подковами уродец? Сбежал? Поджидает за деревом? Котов поднялся на ноги и, свернув на узкую аллею со скамейками, усталой поступью тракториста побрел вперед.

Фонари несли свои лучи ему навстречу как-то безразлично и плоско. Тускло, но уютно. Стоп! Мяч! Следующие пять минут ушли на поиски желтого, круглого, успокаивающего и греющего руки, но тем не менее копейного инвентаря. Результат ожидаем. Во всем этом незаконном результате сегодняшнего вечера была одна странность. И Рома сразу ухватил ее за хвост, как только открыл глаза, лежа на земле. Но так и не смог оформить в слова. Что-то было не так. Чего-то не хватало, помимо теннисного мячика. Витал ли в голове страх? Конечно. Летел вниз, из головы к желудку, плоским штопором пассажирского самолета. Почти таким же желтым, как продукт JOOLA, но при этом безжизненным листом канадских кленов, которым не было дела до цокающих каблуков и теряющих сознание людей. Клены шептались о временах, когда на Земле не было движения машин. Бега людей. Когда в знойную атмосферу доисторических времен тянулись вверх их далекие предки из растительного царства в несбыточном стремлении стать ближе к еще молодому солнцу.

Скамейки были пустые, свободные от людей и влажные от сырости. Хотя нет, на одной из них сидел подросток лет тринадцати, испуганно уставившийся на приближающегося Романа. И судя по тому, что правая рука парня методично и рискованно хлопывала нижнюю поверхность скамейки под собой, испуг был вполне обоснован и вызван тем, что законы страны довольно неоднозначно соотносились с желанием «залезть высоко», как перевела как-то с английского мама Ромы название песни, прочитав ее на мониторе ноутбука сына. Торчок. Слово возникло в голове Котова как набитое в формате Word на том же мониторе. Сухо. Констатация. Джинсы на сто тысяч размеров больше нужного, растянутый серый свитер, кроссовки «я у бабушки рэпер», настороженный взгляд неестественно синих глаз из-под дерзкой, рожденной в маскулинном барбершопе челки русских волос. Эдакий жалеющий, что не рожден Эминемом, косплеер. О! Cause-player. Рома распылял едкие клубы мыслетекстов, но их смрад звучал непривычно тихо, даже беззвучно. Был ли удар в голову? Есть МРТ, КТ и рентген. Есть сотрясение, ЗЧМТ и еще много других страшных аббревиатур, не предполагающих подобной праздности после потери сознания. Но этот вечер был рожден не так, как обычно рождались вечера провинциалов в эпоху кризиса среднего возраста. Страх за здоровье отдал команду сесть рядом. Возможно, есть некая синергия страхов двух сидящих рядом незнакомцев, которая даст ответы на вопросы. Или взаимно уничтожит и вопросы, и все фобии.

— Привет!

— Э-э-э... Здравсьте.

Парень явно боролся с желанием встать и уйти быстрым шагом, поборов при этом желание перейти на бег.

— Ты тут не видел никого, кто бежал?

— А?

— Бежал. Толая. Нет. Цокая. Как конь. Знаешь, как подковы звучат?

— Ну... слышал. Нет вроде.

— А может, шел кто?

— Ну... здесь бегают по вечерам, вообще.

— Кто?

— Спортсмены. Джоггеры. Легкоатлеты. Здесь же «Динамо» и ЦСКА рядом.

— Да нет, имею в виду... Ну не так бежал. Будто за кем-то.

— За кем? — Парень стал успокаиваться, настороженность во взгляде сменила степень — с красного уровня до желтого.

— Ну за мной, например.

— Ну вы же здесь?

Диалог начинал приобретать признаки четырехчасовой режиссерской версии артхаусного фильма.

— Ладно. Просто огрел кто-то по голове, а я не знаю кто.

— Да?! А может, полицию вызвать? Или лучше завтра сходите в отделение, заявление написать.

— Да нет. Ты понимаешь, странно как-то вышло. Я даже не знаю, били меня или нет. Может, я сознание потерял. А как зовут?

— Меня?

— Да. Я Роман.

— Костя.

— Ясно. Я посижу тут?

— Да сидите, конечно. Я тут просто отдыхаю.

— От спорта? — К Роману начал возвращаться сарказм.

— Ага. Гулял. Вот, думаю, посижу. А вы тоже бегали?

Внезапно накатившая на Романа волна одиночества впечатала его спину в парковую скамейку и заставила руки безвольно упасть на колени. Это было не одиночество в чистом виде. А разбавленное чувством обиды и несправедливости. Дополненное ядом безнадежности. Это было странным подзабытым ощущением, но у Ромы задрожали губы, а в горле появился знакомый с детства ком. Да, заплакать на глазах у молодого фаната Снуп Догга будет апофеозом этого моноспектакля под открытым небом. Впрочем, последовавший монолог Романа Котова был вполне по законам жанра.

— А ты знаешь, я же в настольный теннис играл в детстве. Не долго, правда. Но игру люблю до сих пор. Уже столько лет прошло. Понимаешь, она очень сложная. Ты знаешь, с какой скоростью летит в настольном теннисе мячик? Доходит до ста пятидесяти километров в час. И скорость вращения мяча под сто семьдесят оборотов в секунду. Стол длиной всего около трех метров, поэтому игра проходит на космических скоростях. Надо думать за доли секунды, реагировать еще быстрее. При этом думать и действовать надо всегда наперед. Нужен анализ игры соперника, быстрый, по ходу игры, понимаешь? А еще другой аспект. Технический. Теннисная ракетка — очень сложная штука, как и теннисный мяч. Тензорные накладки, липкие накладки, гибридные... Основания пятислойные, семислойные, карбоновые, все эти мячики, материалы, бренды... Еще куча технической абракадабры. Наверное, это одна из немногих игр, где результат так зависит от инвентаря. Но знаешь, это очень популярная в мире игра. Входит в пятерку самых популярных. Хотя есть нюанс — ее популярность, скажем так, слегка любительская. То есть я хочу сказать, что во многих дворах, школах, вузах стоят теннисные столы, молодежь тянется, отвлекаясь от... от всего. Любители играют каждую свободную минуту. Да и свободы в детстве много. Но дело в том, что сложность этой игры на высоком профессиональном уровне мешает ее популяризации на этом же, профессиональном, уровне, такой вот каламбур и абсурд. Ну, проще говоря, играют в нее сотни миллионов, но любая сотня из этих сотен миллионов скорее станет футболистами или баскетболистами в будущем, чем свяжет свою жизнь с настольным теннисом профессионально. Не те доходы. Не как в футболе, понимаешь? И не как в большом теннисе. Но я не об этом хотел сказать. Ты извини, голова странно работает как-то. Я хотел сказать, что когда-то в детстве я шел с тренировки домой. Ее не было, тренировки этой. Выключили свет. Бывало и такое, знаешь. И, наверное, в тот вечер мне пришла в голову мысль о настольном теннисе в темноте. Мне сейчас уже за сорок, а та мысль жила со мной все эти годы. То уходила, то возвращалась. Я понял, что нужно, чтобы не зависеть от света. А главное — я понял, что нужно, чтобы эта игра стала самой популярной игрой в мире. Популярнее всех видов спорта. Я решил, что нужно играть светящимся в темноте мячом. Такими же светящимися по краям ракетками, на светящемся по линиям столе со светящейся сеткой. Ты представляешь это зрелище?! Красноватый свет стола и ракеток. Мяч ярко синего цвета летает в темном зале на глазах у

офигевших зрителей. Мяч выписывает в воздухе знак бесконечности. Вращение мяча видно каждому, кто прильнул к экрану трансляции! Мяч похож на маленькую планету, которая еще не родила сушу и полностью состоит из океана. На это можно смотреть бесконечно. Это завораживает и дает желание жить, любить и танцевать. А еще это... патентуется, хкм, и решает мои финансовые проблемы. Естественно, последнее просто в виде бонуса. Нет, деньги тоже важны, не подумай. Ты представь, доходы от продажи таких мячиков, от регистрации организаций по ночному теннису, назовем его так. И я вот приехал в Олимпийский комитет как-то проверить это дело. Но пока не знаю, с чего начать, я ж не юрист, я...

Роман закончил монолог, вынужденно. Он физически ощущал весь абсурд произносимого им. Подросток с незатейливым именем слушал тихо и даже внимательно, как, скорее всего, показалось. Смотря то на говорившего, то куда-то в сторону вечернего потока машин на Ленинградском.

— Значит, обычный мяч не очень подходит для игры? Очень жаль.

— Да дело не только в мяче, я ж говорю...

— Но обычный мяч тоже красивый. Белый. Или желтый, — с этими словами Костя протянул Роме руку с желтым мячиком. — Возьмите. Это ваш.

Роман, как в каком-то шаманском трансе, взял мяч.

— Так это ты меня...

— Нет. Слушайте. Молча.

Рома опустил взгляд, зажмурился и открыл глаза, желая проснуться в своей постели лет двадцать пять назад. Чтобы понять, что происходившее с ним сейчас — это кошмар пубертатной неадекватности и залетной молодости, а не жутковатый в своей необычности сценарий Джармуша. Кроссовки Кости почему-то были надеты неправильно. Левый был на правой ноге, правый — на левой. Но настоящий ужас вызвало не это, кроссовки были просто какой-то вишенкой на торте ведьмы. А осознание того, что наконец можешь облечь в слова рожденную после странного нокаута мысль.

— Да, все верно, Роман Котов, у вас исчез внутренний голос. Вы после моего выхода из вашего тела можете только чувствовать. Использовать свои органы чувств. Воспоминания. Но мысленный диалог прекращен.

Лицо тинейджера стало каким-то размытым, нечетким. Как пропадает резкость в видеокамере или когда пытаешься изда-

лека прочесть текст на придорожном баннере, сняв минусовые очки.

— Кто ты, сука?!

Рома и не знал, что можно вспотеть за секунду.

— Я сказал: молча. Хотя бы настолько, насколько позволяет кукольное развитие.

— Какое?!

— Ваша идея на самом деле великолепна, по вашим кукольным меркам. Ну или, как вы называете себя, по меркам людей. Но она неприемлема для нашей Организации. Она несет хаос из-за потенциальной потери необходимой степени контроля. Откровенно говоря, я не знаю технических нюансов всех последствий, это поле действия Операторов, но, одним словом, это будет катастрофой для них. Теперь к вопросу о том, кто я.

— Вы... пришелец?

— Нет. Я ваш внутренний голос, как называют его куклы. Или Индивидуальный Триггер Самоосознания, как называют нас Операторы. Впрочем, вас больше должно беспокоить то, кто же Вы. Под Вы подразумевается вся система живых организмов на планете и за ее пределами. Весь животный и растительный мир. Естественно, включая людей. Так вот. Вы, а точнее, так называемые люди — часть Системной Симуляции. Слово «игра» было бы неточным и не передавало бы направленности действий по вашему созданию и существованию. Я не думаю, что в том или ином виде вы никогда не слышали о подобных гипотезах и теориях. Нет. Не так. Я больше чем уверен, что слышали. С учетом того, что ваше тело более сорока лет было местом моего расположения. Тот же ваш Илон Маск — очень сообразительная кукла, Операторы признают это. Такова суть кукол. Симуляция стремится искусственно воссоздать в людях осознание реальности происходящего в целом. Поэтому мысли об искусственном происхождении мира, его иллюзорности — лишь вынужденный, иногда возникающий побочный эффект. Обратная сторона медали, раз уж вы так склонны изъясняться со мной метафорически и аллегориями все эти годы. И мы, Индивидуальные Триггеры Самоосознания, — как раз те, кто воспитывает чувство реальности в куклах, начиная с их производства, ну или, как называете это вы, с момента рождения. То, что произошло, редко, но все же случается. Возможно, раз в сто лет. Возможно, реже. Последний раз одна кукла, известная в Симуляции под именем Уолт Дисней, создала анимационный фильм с забавной мышью в качестве главного героя. Понимаете опасную иронию? Кукла создает куклу. Пришлось

пустить целое столетие и несколько поколений кукол по запасному, выходящему за рамки задач нашей организации, пути истории. И если знаете эту самую историю, должны помнить, что двадцатый век Симуляции был плохо управляемым и полон неприятных сюрпризов, мешающих и Операторам, и их помощникам Триггерам, то есть нам.

— Кому?!

— Операторы. Создатели Симуляции. Существа настолько далекого будущего, что мне будет весьма затруднительно назвать этот год так, чтобы вы смогли понять, сколько же это лет вперед от сегодня. Более того, мне пришлось бы объяснять вам корреляцию между искусственно созданным временем Симуляции и временем реальным. Кукла Альберт Эйнштейн была весьма умна, но наделала столько ошибок, что увела понимание времени далеко от истины.

Роман медленно, роняя капли пота с мокрого лба на землю, повернул голову к говорящему. Голова последнего, если это было точным определением того, что находилось перед глазами Ромы, медленно вертелась вокруг своей оси на триста шестьдесят градусов, как какой-то военный радар. Она продолжала выплевывать страшный гротескный ужас ставшим вдруг каким-то металлическим голосом, словно у сломанного детского робота:

— Операторы были вынуждены вносить коррективы в степень свободы воли, писать религиозные и культурные подпрограммы. В целом вносить исправления в исходный код, как говорят в среде кукол, занятых изучением компьютерных технологий, пусть это такая же Симуляция. Ваша же идея, Роман Котов, более опасна. Она меняет саму суть Симуляции. Она освобождает от блокировок и делает корректировки невозможными. Этот светящийся мяч, как живописно вы его обрисовали, будет своеобразным триггером, который отменит границы государств, объединит кукол и приведет их к осознанию того, что внутренние голоса — это чужеродные элементы в их телах, а не нечто естественное и ассоциирующееся с человеческим Я. Не душа, как привыкли за столетия думать многие куклы. Точнее, за кукольную имитацию столетий. За то, что куклы назвали временем. Еще раз оговорюсь, я не компетентен и не уполномочен пояснять технические детали причин подобных событий в будущем. Я, как бы это сказать, по другой части. Я тот, кто убеждает свою куклу, то есть вас, следовать целям Симуляции, не отклоняясь от графика и механизмов реализации роли куклы. Как видите, сегодня мне было поручено нарушить протокол и перейти грань. Выход сопровождал

ся нестандартным режимом работы головного мозга куклы. Галлюцинацией, как ее называете вы, в виде шагов, тревоги, страха, с временным отключением куклы от Операторов. Собственно, вы все это мне рассказали, когда подошли. Кстати, прошу прощения за подобный образ и небольшой спектакль в начале нашего диалога. Кроссовки и все такое. Выбрал первый попавшийся в вашем мозгу. Как и имя, ассоциативный ряд Костя — Кот — Котов довольно забавен. Подозреваю, что годы общения с куклой, имеющей лишь чувства, но убежденной в наличии принадлежащего ей внутреннего голоса, который она ассоциирует с собой, каким-то образом отражается и на Триггерах. Но мы отвлеклись. К сожалению, в отличие от Диснея, лично вас было решено отключить от системы, Роман.

— ЧТО?!

Рома вскочил на ноги и попятился.

— До отключения осталось восемьдесят восемь секунд. И анализ поведенческих установок куклы дает основание считать, что сейчас вы побежите к автодороге. И такой сценарий нельзя назвать нетипичным.

— Стой!

— Бегите, кукла Роман Котов.

— Не надо!

— Этот возглас тоже прогнозируем. Легко. А также практически все в поведении и мыслях кукол. На девяносто девять процентов. А может, и на сто, если брать конкретно ваш случай и исключить этот светящийся мяч...

Роман бросился к дороге с воплем какого-то фантастического существа с картин Босха. Он не мог, да и не захотел бы видеть, как электронные часы на автобусной остановке вдруг красными цифрами начали обратный отсчет: 88. 87. 86...

Александр АЛЕКСЕЕВ

ТРИ ЧЕТВЕРТИ

РАССКАЗ

Он с неохотой открыл глаза и потянулся. Город опутала липкая июльская жара. Был понедельник, на работу как никогда идти не хотелось. С сожалением вздохнув, он начал собираться. До выхода из дома оставалось два часа, и можно было не торопиться. Заварил кружку крепкого чая, вышел на балкон, закурил первую, самую сладкую сигарету. В голове пронеслась мысль: хорошо бы перестать курить на тощак... Как возникла, так и исчезла. Такие мысли возникали каждое утро. Кинул взгляд с балкона на июльский Владикавказ и подумал: пойду на работу пешком, пока совсем не припекло...

По пути спустился на набережную, медленно пошел в сторону центра. Летний Владик был прекрасен. Несмотря на жару, на улице было хорошо. Кричали стрижи. От реки дул приятный ветерок. Шелестели листья на деревьях. Красота и романтика. Почти дойдя до мечети, его взгляд зацепился за здание на другом берегу реки. Рядом с колесом обозрения возвышался золотистый спиралевидный небоскреб. Настолько яркий, что слезились глаза. Не понял, подумал он. Только недавно снесли суицидальную высотку. Когда успели этого здоровяка отгрохать? Вот это я выпал из жизни...

Несмотря на яркий цвет здания, выглядело оно брошенным и немного тревожным. В окнах не отражалось ни одного солнечного блика. Черные стекла слепо пялились на гостиницу «Владикавказ». Вокруг не было ни одного человека. Никто не входил в здание и не выходил из него. Только сейчас он понял: на набережной ни души. Не было людей, гуляющих с собаками. Не слышно машин, проезжающих по дорогам. Да и самих машин не было. Только стрижи. Город был пуст.

К горлу липким комом подкатил страх. По спине стекла капля холодного пота. Подступала паника. Медленно, словно в трансе, он пошел в сторону небоскреба. Не хотел, но шел. Ноги еле слушались. Со стороны он больше походил на зомби из фильмов Ромеро. За мостом через Терек внезапно заметил, как странно себя ведет река. Густая маслянистая масса воды неспешно, словно в замедленной съемке, перетекала камнями в русле. «Что же это, мать вашу, происходит!» — крикнул он. Но крик родился только в голове. Горло сжало, и слова не проталкивались через него. Но все же это помогло ему немного прийти в себя.

Решив, что нужно проверить здание, он твердым шагом пошел к небоскребу. Но это только казалось, что твердым. Если бы в этот момент на улицах находились люди, они бы увидели, как некто преодолевает невидимую преграду. Так ходят космонавты в своих скафандрах или те, кто зашел по грудь в воду. Одна нога вперед, корпус боком. Подтянуть другую ногу, двинуть корпус. И так шаг за шагом. Как на казнь. Дрожа всем телом и сожалея о том, что решил утром прогуляться до работы.

Но рано или поздно любой путь заканчивается. И вот он уже перед небоскребом. Вблизи строение уже не казалось таким блестящим. Черные окна по-прежнему не отражали ничего. Ярко светило солнце. Возле двери стоял силуэт. А перед ним было множество черных дыр. Стеклообразные блестящие черные дыры.

Он судорожно вздохнул и вытер с лица липкий пот, взялся за ручку входной двери. В этот момент его левая рука начала вибрировать. Он посмотрел на нее и с досадой отметил, что забыл часы дома. Вибрация все усиливалась. Рука начала издавать мерное жужжание. Он вздрогнул и...

Открыл глаза. Подушка из мягкого полимера и тончайшее наоодеяло промокли от пота. Жужжал нейробраслет на левой

руке. Гаджет подавал сигналы к пробуждению своему испуганному хозяину. Все системы квартиры активировались для стабилизации положения. Заиграла успокаивающая музыка. В постельных принадлежностях включились аппараты осушения и кондиционирования. Он неспешно встал с кровати, которая тут же втянулась в стену, и посмотрел в окно, затянутое радиозащитной пленкой.

Над Владикавказом занимался рассвет.

Подойдя к окну, начал ногтями сдирать пленку со стекла. Так хотелось посмотреть на рассвет с высоты восьмьсот шестнадцатого этажа дома-улья. Тем более, когда ярко разгоралась заря, на улице лил дождь. В этот раз его этаж оказался немного ниже уровня облаков.

Сразу же из стен раздался приятный женский голос: «Уважаемый господин или уважаемая госпожа. Рекомендуется немедленно покинуть помещение во избежание поражения радиацией. Необходимо восстановить защитное покрытие. Это не займет более пятнадцати минут. Немедленно покиньте помещение, немедленно покиньте помещение...»

Голос на мгновение затих и, когда он развернулся принять ультразвуковой душ, продолжил: «Также вы оштрафованы на пятьдесят рублей за порчу муниципального имущества. Деньги будут списаны с вашего личного счета. Хорошего дня, господин или госпожа».

В душ был встроен режим ускоренной очистки, он сел на пол кабины, обхватил колени руками и задумался. Мысли лихорадочно скакали, перекрывая друг дружку. И денег нет, чтобы подключить наконец-то определение пола... Как же мне надоело это постоянное «господин или госпожа»... Какой странный сон... Почему Терек? Я никогда его не видел. Да и никто не видел. Он лет шестьсот как под землю загнан... если вообще еще существует... Откуда мне знать, как выглядел город полторы тысячи лет назад? Надо стереть сон, но сохранить его... Странно и страшно... Что за небоскреб такой? Он низкий. Почему было так жутко? Это ведь всего лишь сон...

Кабина тихо звякнула. Душевые процедуры были закончены. Выйдя, он подошел к полке, взял с нее одну из молекулярных флеш-карт — там обычно хранил воспоминания. Вставил ее в небольшой разъем в правом виске и мысленно отдал приказ браслету сохранить сон на флешку и стереть его из памяти

мозга. Очередное ненужное воспоминание отправилось в архив. Незачем было засорять долговременную память.

После завершения подошел к шлюзу аэротакси и вдруг понял, что ему сегодня лень тратить десять минут на полет к улью Эльхотово, где находился рабочий офис. Решил воспользоваться телепортом. Это было дороже, но гораздо быстрее. Его до сих пор не оставляло чувство тревоги, хотя сон давно покоился на полке. А переживать это чувство в одиночестве совсем не хотелось.

У терминала телепорта вбил адрес назначения и посмотрел на стоимость. На табло горела цифра десять. Десять рублей, недешево, но после штрафа терпимо. Что ж, усмехнулся он, считай, бесплатно день поработал. И нажал на кнопку ввода. Портал замерцал фиолетовым цветом, и тот же женский голос произнес: «Господин или госпожа, прошу вас закрыть глаза и протянуть правую руку в портал. Глаза не открывать до окончания переноса. Хорошего путешествия, господин или госпожа».

Привычно закрыв глаза, протянул руку в фиолетовый зев портала. Сразу возникло ощущение головокружения и легкой тошноты. Но вместо шума голосов офиса и сигнала об окончании переноса его окатило липкой жарой. Когда открыл глаза, увидел перед собой огромный темно-золотой небоскреб с черными, ничего не отражающими окнами. В руке была ручка двери.

Снова накатила паника. Волосы от страха встали дыбом. Он снова попытался закричать, но даже не смог открыть рот. Губы будто склеились. В груди раздавалось сдавленное мычание. Дернул рукой, чтобы оторвать ее от двери. Ничего не вышло: она словно приклеилась. Может, это просто от страха? — мелькнуло в голове. Дернул еще раз. Ничего. Мысли заскакали. Нет, нет, нет! Это сон, всего лишь сон! Я перенесся на работу! Просто заснул по пути! Нет! Боже, что происходит?! А может, я просто видел сон, а это реальность?

Немного успокоившись и придя в себя, он решил зайти в здание. Все равно терять было нечего. Может, хоть так получится освободиться. Ручка медленно повернулась, дверь легко поддалась движению, человек зашел в здание. Рука тут же освободилась. Шаг внутрь. Щелчок. Оглянулся. Двери нет. Ноги подгибались от ужаса, но нужно было делать один шаг, другой. Они отдались эхом в пустом холле небоскреба. Но и звуки эха тоже были странными — приглушенными, словно доносились сквозь вату.

Он осмотрелся. Холл был абсолютно пуст. Ни колонн, ни стоек — ничего. Только идеально чистый пол, выложенный черным полированным гранитом. Медленно он сделал еще несколько шагов. Сквозь окна виднелась гостиница «Владикавказ», набережная и парк. Казалось, свет не проникает с улицы. В противоположном конце холла он увидел что-то похожее на двери лифта. Обернулся. Двери на выход уже не было.

Обливаясь противным липким потом, он пошел к лифту. Нажал на вызов и стал ждать. Через несколько секунд створки лифта разошлись, и бесцветный женский голос произнес: «Первый этаж». Зайдя в лифт, он увидел только одну кнопку со стрелочкой вверх. Ничего не оставалось, кроме как нажать ее. Створки закрылись, и кабина поехала наверх. Через какое-то время двери открылись, и тот же женский голос сказал: «Шестьдесят шестой этаж».

На этаже было сумеречно. Через черное окно виднелся по-прежнему пустой Владикавказ. Здесь не было отделки. Только голый бетонный пол и такие же голые стены. Но на этом отличия от холла не заканчивались. Этаж был значительно меньше. Около тридцати метров в диаметре со скосом к противоположной стене. И там, на потолке, он увидел люк — такой же, как в хрущевках, который обычно вел на чердак.

Подойдя к нему, услышал сверху странное шарканье. Так ходят пожилые люди, у которых проблемы с ногами — быстро, не отрывая ступней от пола. Тут крышка люка откинулась, и свет на секунду перекрыла легкая тень. Он сглотнул и сделал шаг назад. Из люка выглянула миловидная блондинка и с улыбкой протянула: «При-и-иве-е-ет!» Он с облегчением выдохнул и подумал: слава богу, живой человек... В следующее мгновение голова исчезла, затем девушка спрыгнула на пол. На ней был джинсовый комбинезон на голое тело. В таком обычно изображают стереотипных американских реднеков.

Если не смотреть ниже шеи, она была красива. Милое лицо с пухлыми губами, золотистые волосы до плеч и огромные зеленые глаза. Но то, что было ниже... Комбинезон был вросшим в ее тело. Одна ляжка расстегнута, и клапан свесился вниз, обнажая правую грудь, лишённую соска. На месте, где должны быть руки, торчали два коротких раздвоенных отростка плоти, которые сейчас шевелились и тянулись к нему. Стала понятна и причина шарканья. Ноги почти до самых лодыжек были сросшимися.

Издав мычание, полное ужаса, с выпученными глазами он стал отступать назад. Девка согнула ноги в сросшихся коленях, наклонила корпус почти на девяносто градусов. Она вывернула голову, издала звук «У-ру-ру-ру-рю!..» и быстро пошаркала на него, шевеля отростками на месте рук. Он начал пятиться еще быстрее, но оступился на рассыпанном гравии. Упал, ударился головой о подоконник, на секунду потерял сознание и...

Проснулся от собственного крика. По деревянной лестнице раздался топот ног, и в комнату вбежала служанка. «Ой, барин! — запричитала она. — Что же это такое делается? Вы весь дом криком подняли! Хорошо, хозяйка к маменьке в гости уехала. А то вы же знаете, какая она чувствительная. Снова весь день бы плакала. Кошмар приснился, барин?» Он тупо смотрел на нее, не понимая, что происходит и где он находится. Вместо ответа просто кивнул. Служанка уже успокоилась и спросила: «Может, вам чаю горячего сделать?» — на что он снова молча кивнул.

Когда прислуга ушла, скинул с себя промокшую ночную рубашку, надел домашний халат и подошел к тяжелому письменному столу. Взял из табакерки лист тончайшей бумаги, насыпал на нее тонкие ленточки ароматного табака и скрутил папиросу. Далее взял со стола спички, вышел на балкон квартиры, которую уже долгое время снимал на Александровском бульваре у одного купца.

Над Владикавказом занимался рассвет. Уже даже появились первые извозчики.

Докурив, зашел в комнату, сел за стол. Из ящика достал чернильницу, перо и бумагу и начал писать.

«Милостивый государь! Уведомляю Вас, что сегодня на службе меня ждать не стоит. Нет сил даже нанять извозчика, не говоря уж о прибытии пешком. Причиной этому стал сон. Но не тот сон, что приносит отдых, а тот, который ведет к слабости и меланхолии на весь день. Сон был реален и ужасен. Только сейчас я понял, что вернулся в мир, когда увидел вокруг себя живых людей. Грезилось мне, будто попал в наш же город, только отдаленного будущего. Странные летающие кареты, огромные дома, где могут жить десятки, а то и сотни тысяч людей. Мгновенные перемещения туда, куда необходимо ехать несколько дней.

Еще снилось мне, как мистическим образом я перенесся во Владикавказ более старый, но тем не менее отстоящий от нас гораздо дальше во времени, чем нынешние дни. И творилась там суцая чертовщина, о которой вспоминать противно и, не покривлю душой, если скажу, что боязно.

Знаете, какую весть я хотел бы Вам сообщить? Если таким наш город и будет в будущем, то очень рад, что нам посчастливилось родиться в это золотое время. Потому еще раз Вас уведомляю, что остаюсь сегодня дома, поелику не имею ни малейшей физической и нервной возможности находиться в обществе людей. Засим прощаюсь и жду Вас вечером на чашку кофе и партию в бридж. С уважением!»

Закончив писать, он протянул руку и взял массивную стеклянную песочницу с целью присыпать написанное. Но то ли сон явился причиной слабости, то ли испытанный во сне страх — пальцы не удержали песочницу, и она упала на пол, разлетевшись на мелкие осколки. Наклонившись, чтобы подобрать их, он случайно о них порезался. От резкой боли зашипел, закрыл и снова открыл глаза.

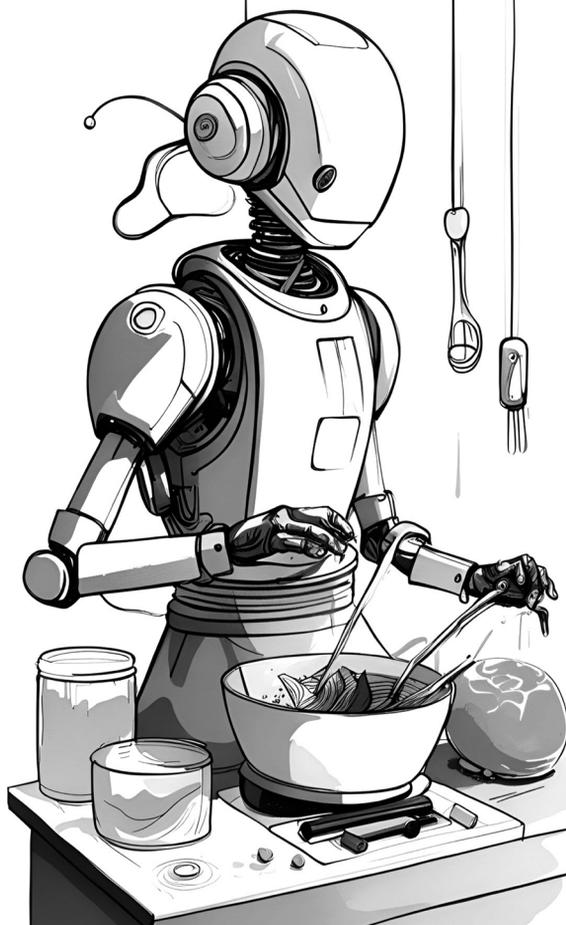
Голова болела и кружилась от удара о подоконник. Над ним нависало лицо девки, а ее раздвоенные отростки на месте рук шевелились, приближаясь к его лицу. «При-и-иве-е-ет!» — тоненько проскрипела она.

И тогда он закричал.

Эльвира ФАРНИЕВА

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИЦА ПОВАРА

РАССКАЗ

В лучшем кафе осетинской столицы «Радость нартов» начался новый рабочий день.

Повариха Лия надела фартук, шапочку, тщательно вымыла руки, перекрестилась и подошла к привезенной вчера Сосланом огромной коробке в углу.

— Ладно. ИИ так ИИ. Главное, чтобы не путалась под ногами и не гремела железками, или что там у нее внутри, — сказала она вслух и нажала на клапаны.

Они открылись с легким похрустыванием. Внутри, под слоем плотной бумаги, угадывались очертания чьего-то тела. Лия сняла упаковку и в испуге уставилась на новую помощницу. Та смотрела на нее не мигая, холодные серые глаза ничего не выражали.

Как же там Сослан ее называл-то, а? А! Вспомнила!

— Шатана, выходи. Нужна твоя помощь.

И повариха отступила на два шага назад, кусая нижнюю губу.

Гиноид выбралась из коробки одним плавным элегантным движением, поправила идеальное белое платье и такой же идеальный синий фартук, повертела головой с аккуратной модной стрижкой и спросила спокойным мелодичным голосом:

— Чем я могу вам помочь?

Сглотнув набежавшую слюну, Лия робко кивнула на ящик в углу:

— Вон там пять килограммов картошки, ее нужно вымыть, почистить, нарезать под фри, положить вон в тот серый тазик. Потом возьмешь в главном холодильнике пакет с луком репчатым, почистишь, мелко нарежешь и сложишь в эту белую кастрюлю. И... пока все.

— Вас поняла, приступаю, — так же спокойно вымолвила гиноид и вновь одним движением оказалась над ящиком с картошкой. Взяла со стола нож, села, высыпала корнеплоды в тазик и начала полоскать.

Косясь на нее одним глазом, Лия принялась за тесто: только б железяка не взбесилась, как в том фильме про Скайнет, и родную кухню не разгромила! Вот зачем, зачем она, дура набитая, согласилась с Сосланом? Ну да, уже три помощницы от нее сбежали, жалуюсь на плохой нрав наставницы... Это не у нее нрав плохой — это у современных девиц, воспитанных виртуальными учителями, нервы слабые!

День выдался напряженным — после пяти крупных заказов на уалибахи и фыдджыны пришлось ставить двойную порцию теста и заодно контролировать замешкавшуюся Шатану.

— Что у тебя, проблема? Что-то не получается? — Лия, уже было успокоившаяся из-за поведения ИИ, снова встревожилась. — Я же объяснила тебе, как пользоваться электромясорубкой, как фасоль через нее пропускать?

— Да. Я обнаружила неисправность в системе, прошу позволения переставить деталь, иначе случится поломка, — сказала гиноид.

Лия от неожиданности приоткрыла рот, хотела возразить, но кивнула.

Шатана ловко разобрала мясорубку и, повозившись в ее внутренностях с полминуты, снова собрала. Потом включила и начала пропускать фасоль — все мирно гудело и прекрасно работало.

Лия вздохнула. Но, как выяснилось, успокаиваться было рано.

За следующие полчаса Шатана нашла еще три неисправности в главном холодильнике и одном из морозильных ларей, микроскопическую дырку в боковой газовой трубе и нехватку масла в аварийном генераторе. Все починила. Правда, одну мелкую деталь к ларю пришлось заказать у Сослана.

Он примчался почти мгновенно, осмотрел ларь, выслушал Шатану и Лию, усмехнулся в усы, куда-то позвонил и все достал, как обычно.

Лия отвела его в подсобку и схватила за грудки:

— Сос, я ее боюсь! Она скоро и меня разберет на запчасти, а мне только полсотни стукнуло в том месяце! Я еще жить хочу...

— Тс-с, солнце моей души, успокойся, никто тебя не обидит, а Шатана тем более. У нее просто срабатывает старая программа — раньше она трудилась помощницей слесаря. Ничего, как только исчезнут неисправности — вернется к обычной программе.

Лия покачала головой, но возражать не стала.

Когда хозяин кафе удалился, повараха вернулась к печи и вынула при помощи чапельника сковороду с тауками. Проверила,

все ли в порядке, поставила сковороду на приставной столик и приказала гиноиду:

— Иди раскладывай по пакетам, аккуратно только... — и тут запнулась, потому что хотела посоветовать не обжечь руки.

Хотя кто их знает, железяки эти, может, их искусственная кожа тоже боится огня?

Шатана, однако, и глазом не моргнув стала рассовывать тауки по крафтовым пакетам и обвязывать атласной лентой с фирменными бирками.

Лия возвела очи горе и мысленно попросила у Семи дзуаров терпения и силы, чтобы выдержать страшное испытание до конца.

Беда стряслась, когда уставшая Лия уже поставила в печь последнюю на этот день партию пирогов и пирожков с фасолью, капустой и картошкой с сыром.

Шатану она отправила в кладовку за тыквой — натертая закончилась. Как бы ни хотелось сбросить эту неблагодарную работу на завтрашнюю сменщицу, нужно помнить золотое правило: «Помогаая другим — помогаешь себе».

Через окошечко, куда официанты и администратор смены сбрасывали устно и письменно заказы, донесся детский крик. Обычно поварихе было все равно, что происходит в зале, — это не ее зона ответственности, есть кому разобраться. Но отчего-то в этот раз сердце взбрыкнуло и ее неудержимо потянуло туда.

Утерев со лба пот, Лия нырнула в одну дверь, пробежала тесным коридорчиком, толкнула вторую дверь, и перед ней в буквальном смысле разверзся филиал ада.

Сидевший за лучшим столиком мальчишка лет десяти вопил, как демон, и тыкал пальцем в абсолютно спокойную Шатану:

— У-у-у-у! Ы-ы-ы-ы!

Рядом суетился официант Дима и разводила руками администратор Леночка. При виде Лии Леночка кинулась к ней, схватила за руку и подтащила поближе к гиноиду.

— Что случилось? — повариха схватилась за голову, которая просто раскалывалась от крика. — Мальчик, не кричи, да смилуются над тобой ангелы! Лена, в чем дело?

— Ты у своей железяки спроси, — обычно милая улыбчивая девушка чуть не плакала. — Она пришла, увидела у Батразика в руках собачку-робота, вырвала силой и куда-то унесла. Иди, успокой его теперь.

— Шатана, быстро говори, куда дела собачку, — Лия грозно нависла над помощницей, хотя была на полголовы ее ниже. — Или

ты смерти моей хочешь? Или смерти уважаемого Сослана Георгиевича? Да помолчи, Батраз, будь мужчиной!

Дима как мог успокаивал ревущего «мужчину», посетители весело комментировали скандал, одновременно все снимая на телефоны. К столику неся вышеупомянутый Сослан Георгиевич, узревший безобразие по видеокамере, а Шатана, все так же глядя холодными глазами на начальницу, изрекла:

— Робот с браком, опасен для ребенка, я его утилизировала, не беспокойтесь.

Лена ахнула и тоже схватилась за голову, а Батраз, услышав приговор своей любимице, взвыл и толкнул столик с такой силой, что с него слетели тарелка и бокал с лимонадом. Желтая жидкость выплеснулась точно на брюки Сослана, и он, не сдержавшись, отпустил пару крепких ругательств.

— Лия, почему не уследила? Так. Прямо сейчас, Батразик, мы пойдем в магазин и купим тебе новую собачку, точно такую же, — нахмуренные брови хозяина не предвещали ничего хорошего.

— Но я свою хочу-у-у-у! — рыдал маленький клиент. — Ма-а-а-ма-а-а!

Лена наклонилась к уху Сослана и громко прошептала:

— Его мама — наш новый мэр. Вита Алдарова.

Лия почувствовала, как земля уходит из-под ног. Сослан обреченно закрыл глаза рукой, Дима и Лена скорбно опустили головы.

Неизвестно, какая сила придала Лие мужества, но, повернувшись к гиноиду, она громко бросила:

— Иди в царство мертвых и принеси мне рецепт лучшего в целом свете пива, Шатана! И пока не найдешь его, не вздумай возвращаться!

В зале стало очень тихо. Батразик икнул и будто разом потерял способность реветь.

Шатана расправила смявшийся фартук и ответила четко, как солдат на плацу:

— Хорошо.

В благоговейной тишине, предвещающей бурю, Лия взяла мальчика за руку, приговаривая:

— Пойдем, мое сердечко, покажу тебе, как лепить пирог с тыквой, а еще расскажу про бой нарта Сослана со страшным великаном. А наш Сос пока что не будет звонить твоей маме, а все дяди и тети, — тут Лия обвела зал полными мольбы глазами, — как хорошие добрые люди, уберут свои видео из сети прямо сейчас. Потому что мы должны быть ласковы друг с другом всегда, чтобы не было беды в мире.

Покидая зал и крепко сжимая ручку доверчиво прильнувшего к ней мальчика, Лия все так же молилась Семи дзуарам. А что ей оставалось делать? Тут или чудо, или пропасть навеки — одно из двух.

Последние посетители ушли. Лето резвилось на воле, словно малыш, отпущенный ненадолго из дома. Лия сидела на кухне, подперев щеку рукой, и молча смотрела на то, как солнце катится к закату, верхушки деревьев задевают облака и все тонет в малиново-лиловой дымке.

Сослан опустил на табуретку рядом и глубоко выдохнул.

— Ну как? — спросила наконец повара.

— Вита Сергеевна — замечательный человек. Батразик ей все рассказал, и она пообещала ему настоящую живую собачку, пуделя. А еще она долго смеялась, когда я показал ей фото того пирога, который он испек. Оказывается, его никто не мог приучить хоть к какой-то готовке, а тебе удалось. Так что, Лия, живем дальше, проблем не будет.

— Живем. И пообещай мне, Сос, что никогда больше не притащишь на кухню говорящую мясорубку.

— А как же просьба о помощнице?

— Вешай объявления, как обычно. Хоть помру, но сдержусь, буду терпеливо учить новенькую девушку.

Помолчали.

— Интересно, а она вообще вернется из... царства мертвых? — уже весело спросил Сослан.

Лия потерла нос испачканным в муке пальцем и зевнула.

— Вряд ли. По-моему, уходя, она уже дымилась от перегрузки. Разве что встретит Сырдона и он ее проводит.

— Ох, не хотелось бы такого исхода.

— Угу. Ой, растяпа, бульон не слила! Да и уборку начинать нужно.

Сослан кивнул и вышел. Лия начала хлопотать, выкинув из головы все плохие мысли.

Где-то далеко по дороге в царство мертвых шла прямая, как жердь, Шатана; вилась вокруг нее обратившийся лаской сын водного божества; плясали вернувшиеся с удачного набега нарты.

Будущее наступало не так, как многим хотелось, но все-таки наступало. Решение о том, как его провести, надлежало принимать нам.

Артур ОМАРОВ

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ

РАССКАЗ

Портативный терминал достать не составило труда. Это было первое, чем я разжился в Танжере. Не считая джеллабы из грубой шерсти с вплетенными в нее волокнами армированного полимера, которую я спер в порту, только сойдя с экраноплана. На толстых нитях запеклась старая кровь — еще до того, как их содрали со спецкостюма от «НидлСан». Остатка денег, которые Алжирец передал мне в Стамбуле вместе с фальшивой учеткой, хватило как раз на терминал и две капсулы ингибитора от «КронСканКорп». И то и другое я купил на базаре, спонтанно выросшем прямо в порту, куда непрерывно заходили нелегальные экранопланы. В беспорядочных кучах контрабандного товара можно было раскопать что угодно — от портативных хирургических модулей до дешевых китайских копий хроноблендеров «Альстра Кронолабс».

Пустота на месте «мыслеформы» болезненно пульсирует в моей голове. Я забиваюсь в закуток между прилавками, сооруженными из гнилых портовых досок. Здесь пахнет отработанным синтетическим топливом и плохо выделанной кожей. Я впрыскиваю одну капсулу ингибитора в воспаленный разъем за правым ухом. Путаница мыслей, застилающая сознание, ослабляет хватку. Дрожь, сотрясающая все тело, медленно затихает. Остается лишь чувство тревоги, но с этим можно жить.

На горизонте возвышается исполинский остов недостроенной станции системы «кронскан». Покровитель и путеводная звезда десятков тысяч нелегалов. Экранопланы, заходящие в порт, настолько перегружены, что их тяжелые корпуса почти касаются воды.

Толпа выплескивается из порта на узкие улочки медины потоком человеческой лавы. Гомон возгласов на множестве языков заглушает мои собственные мысли. Я натягиваю островерхий капюшон по самые глаза. Ароматы специй и синтетического кофе смешиваются с запахом мокрой верблюжьей шерсти и невымытых тел. Немногочисленные боевые боты-миротворцы «НидлСан» возвышаются в толпе неподвижными трехметровыми изваяниями. Лишь пучки глаз подрагивают, сканируя толпу.

Арабское название картонного мотеля не дублируется на вывеске даже на французском. Забившись в тесный гроб, перехваченный черным скотчем в нескольких местах, я первым делом подключаю терминал к разъему сети. Он врезан с улицы прямо через стенку из армированного картона. Стараюсь избегать новостных лент. Мне тяжело справляться с большими потоками информации. Остатки выжженной дизайнерским токсином «мыслеформы» простреливают вспышками боли через весь череп. Шипастый логотип «КронСканКорп» заполняет экран. Естественно, моя учетка удалена. Корпоративный сервер для меня недоступен.

Нужно собраться с мыслями. Подумать, что делать дальше. Я впрыскиваю вторую капсулу ингибитора в разъем и чувствую, как ощущение тревоги отступает. Но привычная уверенность в том, что я делаю и что думаю, не возвращается. Повсюду в мыслях я натываюсь на ямы и тупики. Дурные воспоминания. Запоздалые сожаления. Неразрешимые сомнения. Все включено в комплект.

Через узел «Фринета» я захожу на свою теневую почту.

Одно новое сообщение.

Адрес отправителя скрыт.

nihil interit — в теме письма.

* * *

Рейс «Смартплана» приземляется в Беслане вовремя, но на въезде во Владикавказ огромная пробка. Я сижу в покорпоративному безликом автоглайде, предоставив «мыслеформе» болтать за меня с водителем. Ровные ряды новых кварталов

вдоль дороги перемежаются вышками генераторов микроклимата. Обязательное требование для жилой застройки в зонах Перепада. Пока автоглайд скользит через старый город, «мыслеформа», согласно установленным мной настройкам, избирательно блокирует воспоминания. Аккуратно подрезает истории из прошлого и бесшовно соединяет края. Я чувствую лишь эхо старых эмоций, не вдаваясь в их значение.

Огромный бизнес-купол «КронСканКорп» нависает над старым пешеходным проспектом. Начало конференции «кронскана» я пропускаю. Большинство вступительных речей «мыслеформа» все равно съедает. Поэтому я спокойно обследую фуршетный стол, который окружают служебные боты в национальных костюмах. Нахожу картонные банки с синтетическим пивом «Терек», стилизованные под стеклянные бутылки начала века. Под каждой крышкой находится марка памяти с избранными подборками одноименного журнала, выходявшего во Владикавказе примерно в то же время. «КронСканКорп» уделяет отдельное внимание маркетинговым кампаниям, которые акцентируются на культуре и истории зон Перепада.

Президиум Северо-Кавказского филиала «КронСканКорп» расположился за изогнутым столом на круглой платформе в центре конференц-зала. Она с тошнотворной медлительностью поворачивается вокруг своей оси на магнитной подушке. «Мыслеформа» отмечает, что выступает директор Северо-Кавказской станции «кронскана». Я нахожу свободное место на краю конференц-зала, заполненного официальными делегациями и корпоративными функционерами. Устраиваюсь там со своей картонной банкой «Терека», которая выглядит почти как настоящая стеклянная ретро-бутылка. Закидываю инфу с марки на браслет и листаю на нем подборки «Терека».

— Изначально система «кронскан» разрабатывалась в «КронСканКорп» для применения в оборонных целях и была призвана стать гарантией защиты цивилизованного мира от нависшей над ним угрозы, — прорывается через «мыслеформу» часть речи директора, которую невозможно заблокировать. Я вздыхаю. — Террористическая организация, известная как «Адвентисты провидицы в алом», наращивает колоссальный объем вооружений по всему миру за счет средств стран, не входящих в Федеративный Альянс, и не гнушается самых подлых методов, включающих вопиющие акты насилия, для насаждения своей пролуддитской идеологии. Однако благодаря инициативе «КронСканКорп» заключение пакта доброй воли с Советом Федеративного Альянса

сделало возможным переориентировать оборонные разработки по системе «кронскан» на благо всей планеты, находящейся в тяжелой климатической ситуации. Система «кронскан» также призвана решить социальные проблемы в том числе.

Неблокируемая часть речи заканчивается. Я кручу в голове приятную бессмыслицу, которую «мыслеформа» на лету монтирует из речи директора, и рассматриваю участников президиума. Будто почувствовав мой взгляд, брюнетка с асимметричной стрижкой поворачивает голову в мою сторону. На ней бирюзовый деловой костюм, белая корпоративная блуза и фрактальный проекционный галстук. Я задерживаю взгляд на дорожках биоинтерфейса на ее коже. Тонкие темно-синие полосы поднимаются по шее над воротником-стойкой и исчезают под антрацитово-черными волосами. Не «мыслеформа», что-то другое.

Я машинально потираю серые крапинки биоинтерфейса на своей шее.

Наши глаза встречаются.

* * *

Я не сразу нахожу ее после конференции, потому что теперь она одета в деловой костюм такого же классического покроя, но глубокого темно-бордового цвета. Фракталы проекционного галстука узкой полоской расплзаются по черной корпоративной блузе.

— Рамона Астон, куратор технокогнитивного департамента.

Мне хочется думать, что я задерживаю ее пальцы в своей руке чуть дольше после рукопожатия. Но понимаю, что это делает она. Я представляю именем, которое значится в моей учетке «КронСканКорп». Единственным, которое не заблокировано «мыслеформой».

— Отличный костюм, — говорю я.

— Полимер-хамелеон, — отвечает Рамона.

Ее взгляд скользит по моей шее, изучая контакты биоинтерфейса. Я чувствую синтетический запах ее парфюма. Дорожки биоинтерфейса на ее бледной коже мерцают темно-синей стайкой.

— Мод для удаленного доступа? — спрашиваю я, поднимая взгляд к ее глазам.

Рамона кивает.

— И кастомная прошивка для периферии.

Работа технохирургов настолько тонкая, что отличия от стандартной конфигурации заметны лишь вблизи. Мне кажется, что я слышу тихое статическое потрескивание, с которым ее биоинтерфейс впитывает информацию из окружающих нас цифровых устройств.

— Предохранитель нашей сложной машины, верно?

Я поворачиваюсь к директору филиала. Старая шутка. Он тем не менее широко улыбается, довольный своим остроумием.

— Господин директор, — «мыслеформа» растягивает мои губы в ответной улыбке. — Отличное выступление.

— О да, — говорит Рамона. — Меня чуть не стошнило на вашей речи.

Пока директор подбирает ответ, «мыслеформа» помогает мне не засмеяться.

— Из-за этой штуки, — Рамона кивает себе за спину, где продолжает медленно вращаться платформа на магнитной подушке, — под конец вашего выступления меня знатно укачало.

— Мы хотели подчеркнуть расположение «КронСканКорп» к делегациям в зале, — говорит директор. — Что мы обращены лицом ко всем и к каждому в отдельности.

Он кивает кому-то за моей спиной. Обернувшись, я вижу группу людей в синих деловых костюмах. «Мыслеформа» подсказывает, что это делегация города.

— Прошу меня извинить, — кивает нам с Рамоной директор. — Буду рад видеть вас обоих за мэрским столиком на обеде.

— Одна надежда, что хотя бы в ресторане столики не крутятся, — говорит мне Рамона, глядя ему вслед.

* * *

Ресторан расположен на огромной веранде бизнес-купола двумя уровнями ниже конференц-зала. Через прозрачный пол из армированного пластика видно старый городской парк далеко внизу. Я подкручиваю настройки «мыслеформы», переводя ее в адаптивный режим. Это позволяет мне следить за ходом разговора за столом, но избегать особо пламенных пассажей. Рамона сидит напротив меня и потягивает через соломинку какой-то коктейль из высокого стакана витиеватой формы.

— Конечно, «Альстра» развалится, — с жаром говорит директор. — Как развалилась киноиндустрия, когда начала бесконтрольно копировать свои же будущие наработки за счет хроноблендеров и перестала создавать что-то новое.

Мэр, одутловатый мужчина в синем костюме, слушает его, скривив губы. Как будто в целом он согласен со всем сказанным, но ему просто претит мысль соглашаться.

— Не превратись она из искусства в чистое развлечение, не развалилась бы, — раздраженно говорит он наконец. — Сгнила изнутри и без этого.

— Да бросьте, — смеется директор, уписывая напечатанные ресторанными пищевыми принтерами кусочки сухопутных креветок. — Просто каждая временная петля рано или поздно затягивается на шее своего создателя.

— С детства привыкла не смотреть премейки, — говорит Рамона. Полимер-хамелеон ее делового костюма сменил цвет на ослепительно-белый. — Мои родители были крайне строги в отношении линейного восприятия времени.

— Если бы Совет Альянса не принял закон о запрете хроноблендеров «Альстры», то же ждало бы и все общество, — громко заявляет толстый мужчина с огромным родимым пятном на носу, помощник мэра. Тоже в синем костюме. — Вмешательство в ход времени не должно быть доступно кому попало. Только единая, твердая структура может спасти то, что мы хранили веками.

Рамона встречается со мной глазами, чуть улыбается уголком рта, перекатывая соломинку коктейля между тонкими губами.

— Заблуждение, что свобода воли играет важнейшую роль в развитии общества, к счастью, отходит в прошлое, — не унимается помощник мэра. — Если каждый начнет вмешиваться в собственное будущее с помощью этих поганых хроноблендеров, воцарится полная анархия.

— Хроноблендеры не меняют ход времени, — тихо, но твердо говорит азиат в круглых затемненных очках, одетый в корпоративную тунику. «Мыслеформа» идентифицирует его как Астана Эн, куратора научного департамента. — Они лишь могут скорректировать его. Свобода воли заключается не в том, чтобы решать, каким будет мир, а в возможности выбора, кем именно быть в нем.

— Свобода воли скоро станет всего лишь рудиментом, — говорит директор. — Чем детальнее серверы «кронскана» рендерят настоящее, тем стабильнее становится будущее.

Мэр поворачивается ко мне.

— А вы что скажете? Вам, предохранителям, директивы ведь позволяют заглянуть в грядущее?

— Это расхожее заблуждение, — говорю я. — Уже сам факт того, что я окажусь в нужном месте в нужное время, корректирует временную линию, ликвидируя проблему еще до ее появления.

Мэр откидывается на стуле с задумчивым видом. Его помощник перегибается через стол и говорит мне громким шепотом:

— Значит, здесь должна была возникнуть проблема, на нашей станции «кронскана»? Насколько значительная?

— Мне ничего не нужно знать о проблеме для ее решения.

Это не совсем так, но для них сойдет. Он подается назад, бормоча «конечно, конечно» себе под нос.

— В любом случае одно только избавление от страха перед будущим, которое «кронскан» принес пострадавшим от Перепада территориям, уже превосходит по значимости все эти разговоры о якобы свободной воле, — вставляет директор. Рамона проводит рукой по шее. Иссиня-черная при ярком солнечном свете статика искрится между ее пальцами и контактами биоинтерфейса. — «Альстра Кронлабс» не может предложить миру ничего настолько же полезного.

— Контракт с «НидлСан» существенно увеличил их влияние в ситуации на Ближнем Востоке, — крякнув, говорит мэр. — А благодаря нидлсановским технологиям они вооружили до зубов свою частную армию.

— Которой все равно далеко до военного департамента «КронСканКорп», — парирует директор.

— Что думаете? — снова поворачивается ко мне мэр, очевидно надеясь, что я все-таки подсмотрю немножко в грядущее. — Как скоро мы их выйдем с Ближнего Востока?

На этот раз я предоставляю «мыслеформе» беседу с ним. Раздумываю, знает ли Рамона, зачем я здесь на самом деле.

— Еще бы, — согласно кивает мне мэр. — Очень взвешенное суждение.

— Если бы не предательство Теплова, мы бы задавили «Альстру» еще двадцать лет назад, — говорит директор. Он усиленно налегает на синтетическую араку. — В любом случае у них просто нет технических возможностей противопоставить что-либо «кронскану».

— Я слышала, что Теплов вполне доволен технологическим раем, который «Альстра» обеспечивает ему все эти годы, — вклинивается в разговор Рамона. Она говорит негромко, но мужчины замолкают и синхронно поворачиваются к ней, как будто она стукнула своим витиеватым стаканом по столу. — То, что они до сих пор ничего не противопоставили «кронскану», говорит всего лишь о том, что они знают чуть больше нас, скорее всего. Вы должны понимать, как опасно их недооценивать.

— Особенно после того, как Ингмар Бор бесследно исчез со сцены «КронСканКорп», — говорю я. Рамона косится на меня. За

столом повисает напряженное молчание. — Сколько уже прошло, лет семь?

— Его разработки по «кронскану» перешли в руки лучшей научной команды «КронСканКорп», — прерывает тишину директор.

Я жду, что Астан Эн что-нибудь добавит к этому, но он молчит, протирая свои круглые темные очки полбй туники. Рамона что-то громко помешивает в своем стакане барной ложкой. Пауза затягивается.

— За «кронскан», — поднимает мэр рюмку, до краев наполненную синтетической аракой. — Систему настолько важную, что аж назвали ее, как корпорацию.

Кроме Астана Эн, меня и Рамоны, все за столом натянуто смеются. Под белоснежной тканью ее корпоративной блузы заметно, как темные дорожки биоинтерфейса спускаются к ключицам, плавно огибают их и уходят под кожу.

* * *

Ночью в номере «Лаф Инн» я наконец снимаю с нее блузу-хамелеон. Дорожки биоинтерфейса такие же теплые, как ее кожа. Безотрывно прослеживаю пальцами их путь от ключиц до затылка, где они теряются в ее волосах, затем сбегает по шее на спину, расходясь к лопаткам, и спускаются вниз, бесшовно исчезая в поясице. Я понимаю, что то, что я принимал за парфюм, на самом деле ее собственный аромат. Ее тело пахнет дорогим японским пластиком, свеженапечатанной искусственной кожей и горелой изоляцией. «Лаф Инн» расположен на нижнем уровне купола, в пятидесяти метрах над старым пешеходным проспектом. Комнату заливают отсветы неонеонowego уличного огня.

— Тебя больше привлекает мое тело или технология в нем?

Рамона поворачивается ко мне, проводит рукой по моим волосам. Я чувствую, как ее пальцы поглаживают разъем за моим правым ухом.

— Это ведь не просто церебральный имплант, верно? — спрашивает она.

Ее лицо оказывается совсем рядом с моим, и я целую ее губы. Чувствую, как усиливается аромат горелой изоляции, исходящий от ее кожи.

— «Мыслеформа», версия один ноль, — говорю я.

Она кивает, касается губами контактов биоинтерфейса на моей шее.

— Ты здесь не просто как предохранитель, верно? — спрашивает она, толкая меня на кровать. — Они не стали бы присылать кого-то с навороченной технологией в голову для такой простой работы.

«Мыслеформа» подсказывает мне обтекаемую формулировку, но Рамона прижимается своими губами к моим, не давая ответить, и запах горелой изоляции накрывает меня с головой.

* * *

Внешние панели бизнес-купола оснащены светоподавителями, отсекающими уличный неон. Через потолочную секцию панорамного окна ее номера видны звезды, густо усыпавшие черное небо над городом. Ночной холод медленно вытесняет изнуряющую дневную жару зоны Перепада.

Рамона лежит на моем плече. Ее глаза закрыты. Контакты наших биоинтерфейсов соприкасаются. Я слушаю, как затихает их статическое потрескивание синхронно с тем, как выравнивается наше дыхание.

— На станции «кронскана» шпион «Альстры», — говорит она, не открывая глаз. — Это ведь его ты должен найти?

— Не знал, что промышленный шпионаж стал юрисдикцией твоего департамента.

— Может, и стал. — Она открывает глаза и переворачивается на спину, потягиваясь. — Иерархическая и бюрократическая системы «КронСканКорп» с каждым годом становятся все более запутанными. Половина нашего президиума вообще не в курсе, чем они занимаются.

Только сейчас я замечаю татуировку под ее левой грудью. Аккуратная черная гельветика. nihil interit.

— Если бы я вправду искал шпиона, этот вопрос заставил бы подумать в первую очередь о тебе.

Она протягивает мне скрещенные в запястьях руки.

— Наручники у тебя с собой?

В небо проплывает огромная реклама «кронскана», заслоняя звезды. Она генерируется в открытом космосе лазерными батареями вереницы орбитальных спутников «КронСканКорп». Я задумываюсь, какого размера должны быть буквы, чтобы их было видно с Земли.

— Я бы предположила, что это Астан Эн.

Я смотрю на нее удивленно.

— Тихоня из научного департамента? Почему?

— Он самая неподходящая кандидатура.

* * *

Башня станции «кронскана» высится на холме, где когда-то была городская телевышка. Массивное сооружение напоминает газгольдер конца позапрошлого века. Узкие улочки и старые дома, заполнявшие этот район, исчезли без следа. Теперь здесь расположены обслуживающие станцию комплексы, напоминающие лабиринт из стекла и стали.

Эн покидает корпус научного департамента через час после официального времени окончания смены. Я следую за его маленьким ретро-внедорожником на автоглайде. Стараюсь, чтобы между нами всегда было несколько других машин, и меняю цвет обшивки, когда джип Эн на несколько секунд исчезает из вида за очередным поворотом.

Эн паркуется недалеко от старого проспекта. Я следую за ним в пешеходную зону. «Мыслеформа» просчитывает, насколько далеко я должен держаться, чтобы не вызывать подозрений. Это позволяет мне сконцентрировать все внимание на его движениях, чтобы заметить, если он коснется кого-либо в толпе туристов.

Эн заходит в магазин косплейной национальной одежды на старом проспекте. Он проводит там около двадцати минут, выходит со свертком под мышкой и направляется обратно к машине. Если бы не «мыслеформа», я бы не обратил внимания на мигнувший огонек на браслете Эн. Передача данных узкого радиуса.

Я обвожу взглядом людей в пределах пяти метров от Эн, пытаюсь понять, кто из них принял передачу. Трое проходящих туристов. Маловероятно. Девушка в куртке из искусственной татуированной кожи уходит сразу же вслед за Эн, но «мыслеформа» игнорирует ее. Либо мужчина в ретро-шляпе, либо паренек на хохле, лениво грызущий лунные семечки.

Я жду.

Паренек отряхивает руки, заводит ховер и сворачивает на одну из старых улочек, пересекающих пешеходный проспект, ловко лавируя между туристами. Я иду за ним быстрым шагом, вспоминая расположение улиц. Здесь много воспоминаний, но сейчас мне не нужна «мыслеформа», чтобы игнорировать их. Я пытаюсь понять, куда свернул парнишка.

Замечаю ховер, пристегнутый к покосившемуся металлическому забору у развалин кинотеатра. Обвожу руины, полностью скрытые под баннером реставрационной программы «КронСкан-

Корп» для зон Перепада, и сворачиваю на старый рынок. Прохожу по рядам, забитым разноцветными брикетами для пищевых принтеров, и вижу дверь маленького зоомагазина в тупичке у внешней стены рынка. Паренек выходит оттуда, равнодушно скользит по мне взглядом и исчезает в толпе.

Пол в магазинчике покрыт слоем птичьего помета. Огромные генно-модифицированные нелетающие попугаи снуют туда-сюда, отделенные решеткой от торгового зала. У них нет перьев, и тела покрыты глянцево-блестящей чешуей кислотных оттенков.

Из подсобки, обращаясь ко мне по-осетински, выходит хозяин. Предоставив «мыслеформе» болтать с ним, я подмечаю, что на руке у него перчатка периферийного интерфейса, слишком навороченная для софта зоомагазинчика. «Мыслеформа» интересуется, есть ли у них гигантские воздушные улитки, и он расстроено качает головой. Я разочарованно вздыхаю и поворачиваюсь к выходу. Краем глаза замечаю, что хозяин торопливо ныряет обратно в подсобку.

Я осматриваю здание снаружи. Сбоку, на уровне потолка магазинчика, большое окно, которое не выглядит особо крепким. Пара ударов по раме — и десятки чешуйчатых нелетающих попугаев разбегаются по базару с характерным клекотом. Спустя минуту хозяин с криками выскакивает за ними следом. Незамеченный, я успеваю проскользнуть в закрывающуюся дверь с автоматическим замком.

* * *

Подсобка вся завалена нелегальным софтом. Я нахожу несколько марок памяти с прошивками для хроноблендеров «Альстры», запрещенных к обороту в Федеративном Альянсе. Множество пиратских порнушных модов для домашних терминалов «кронскана». Одна тета-плата в клетке Фарадея, еще одна прикручена ворохом переходников к стационарному терминалу.

«Мыслеформе» требуется совсем немного времени, чтобы подобрать пароль. Загрузка еще идет, и я обращаю внимание, что трансмиттер использует для передачи тета-плату.

Информация Эн отправляется куда-то в прошлое.

* * *

К моему удивлению, координаты получения передачи оказываются совсем рядом, в пятнадцати километрах от города. Там я

нахожу разрушенную заправку конца прошлого века. Лес почти поглотил ее. Трава пробивается через трещины в асфальте. В проржавевших заправочных колонках гнездятся птицы.

В развалинах здания заправки я нахожу старый информационный постамат. Проржавевший и мертвый, как носорог. Когда-то, лет сорок назад, на него пришла передача, отправленная сегодня из пиратского бутика нелегального софта на старом рынке.

Я выхожу на потрескавшуюся асфальтовую площадку перед заправкой. Смотрю на садящееся далеко в горах солнце. В траве тяжело переваливаются дизайнерские цикады размером с кулак и оглушительно выводят своим стрекотом классические мелодии.

* * *

Дневную жару сменяет вечерняя духота, и разношерстная толпа заполняет старый проспект. Горячий ветер шумит в кронах пальм, ровные ряды которых тянутся вдоль главной аллеи. Корпоративные туники «КронСканКорп» изредка мелькают в потоке китайских туристов. Периодически кто-то из них останавливается, набирает полную горсть песка с каменной плитки, устилающей проспект, и пытается пропускать песчинки сквозь пальцы, слишком поздно понимая, что они намертво липнут к коже. Как ни стараются боты-уборщики, песок зоны Перепада никогда полностью не исчезает со старого проспекта. Над зданиями начала прошлого века нависает бизнес-купол «КронСканКорп», сверкающий стеклом и пластиком в закатных лучах. «Мыслеформа» подрезает какие-то старые воспоминания, и я ловлю лишь странное но-стальгическое эхо.

— Я хотел бы скучать по этому городу, — говорю я.

— Ты бывал здесь раньше?

Волосы Рамоны покрыты каким-то технологичным напылением от «СибилКосметикс». Стоит редким порывам горячего ветра всколыхнуть их, и антрацитовая чернота вспыхивает разноцветным неонеоновым огнем.

— Очень давно, — отвечаю я, стараясь не отстать от нее в толпе. — Такое ощущение, что в городе теперь остались только туристы и корпораты.

Я оглядываюсь на башню «кронскана», возвышающуюся над городом. Рамона уверенно прокладывает себе путь через толкучку. На ней форменная туника технокогнитивного департамента, а

глаза, несмотря на сумерки, скрыты за темными очками с большими круглыми линзами.

— В центре и живут только работники станции. Но по факту почти весь город работает на «кронскан», — говорит Рамона. — Тысячи рабочих мест — важный аргумент «КронСканКорп» в соглашении с Федеративным Альянсом. А туристами сейчас забиты все без исключения зоны Перепада.

Я замечаю блики в ее глазах. На внутреннюю поверхность круглых линз проецируются рабочие материалы, которые она листает то ли движением глаз, то ли через биоинтерфейс. Я думаю о том, не цитирует ли она что-то из кронскановских рекламных проспектов.

Она берет меня за руку невесомым, но твердым движением. Я останавливаюсь, смотрю на нее, ожидая, что она что-то скажет. Горячий ветер перебирает ее волосы, играя в них разноцветным мерцанием неонеона.

Из пересекающей проспект маленькой улочки вырывается мотоглайд и обдает толпу обогнавших нас китайских туристов струями липкого песка. Рамона отпускает мою руку и аккуратно огибает китайцев, которые пытаются стряхнуть толстый слой песка, покрывший их с головы до ног.

— У меня удаленное подключение к серверу «кронскана», — поворачивается она ко мне, кивком призывая следовать за ней. — Глубина рендера минут пять, не больше. Стандартная для допуска моего уровня.

«Мыслеформа» собирается отпустить дежурную реплику, но я подавляю ее отклик.

— То есть ты живешь на пять минут вперед в будущем.

— «Кронскан» ведь не видит будущее, технически. Он отслеживает причинно-следственные цепочки.

— Ты только что ответила на мой вопрос до того, как я хотел его задать.

— Было очевидно, что ты спросишь, откуда я знала про этот мотоглайд. «Кронскан» для этого не нужен.

— То есть рендера этого разговора нет в системе «кронскана»? Она качает головой.

— Ни одного разговора нет в рендере «кронскана». Он не понимает слов. Он лишь просчитывает цепочку событий, к которым может привести разговор. Без его контекста.

— Идеальное прикрытие для шпиона.

Она смеется.

— Это «мыслеформа» тебе подсказала?

— «Мыслеформа» не может ничего подсказать. Она не знает ничего, что бы ты не знал сам. Просто сокращается время, нужное на доведение каждой мысли до ума.

Рамона встряхивает головой, осматриваясь по сторонам. Ее волосы вспыхивают потоком неонеонового огня.

— Знаешь, что самое странное в отношении людей к «кронскану»? Его настоящие возможности просто никому не нужны. Когда та же «мыслеформа» уйдет в массовое потребление, для чего ее в первую очередь будут использовать, как думаешь?

Я пожимаю плечами.

— Только чтобы заблокировать все дальше своего носа, — говорит Рамона, продолжая листать рабочие документы на линзах очков. — Отсутствие новостей — хорошие новости. Так же и «кронскан». Публичный уровень доступа используется не для того, чтобы поменять что-то в жизни, а чтобы в ней не менялось вообще ничего.

— Это логично, — отвечаю я. — Зачем что-то делать, если «кронскан» позаботится обо всем за тебя?

— Затем, что рано или поздно ты и шага не сможешь сделать без верификации через «кронскан».

— Думаешь, это слишком высокая цена за безопасность? Как часто здесь случались теракты провидцев в аллом?

— Ни разу с запуска «кронскана», — отвечает она.

Я развожу руками. Она говорит что-то, триггерящее блокаду «мыслеформы». Мои мысли соскальзывают на ржавый древний постамент в здании заброшенной заправки. Рамона касается моей руки, и «мыслеформа» плавно передает мне контроль над беседой.

— Большинству в принципе недоступно понимание сути прогресса, — ловлю я последнюю реплику «мыслеформы».

— Ты сейчас позволил этой штуке болтать со мной? — спрашивает она с живым интересом, даже приспускает очки, по линзам которых скользит рабочая документация. Я киваю.

— Неплохо, — восторженно говорит она. — Я смогла понять это лишь после дюжины-другой реплик. Неудивительно, что «КронСканКорп» так вложился в нее.

* * *

Струи искусственного дождя льются на старый проспект из закрепленных под бизнес-куполом раструбов климатической системы. Рамона размагничивает наручники, соскальзывает с чер-

ных простыней и подходит к панорамному окну. Дорожки биоинтерфейса на ее коже мерцают в отсветах с улицы. Когда она выходит на балкон, кажется, будто жидкий неон стекает двумя струйками кислотного огня по ее спине. В пятидесяти метрах под нами в потоках искусственного дождя ярко сияет старый проспект, забитый толпами туристов, оживившихся с наступлением ночи. Рамона закуривает длинную черную сигарету от «ДумТобакко».

— Сегодня ты пахнешь по-другому, — говорю я.

Рамона оборачивается, выдыхает дым, вспыхивающий калейдоскопом цветов в отсветах уличных огней. Она кивает на столик у кровати. Я вижу металлическую коробочку с логотипом «НайнтинЭлПерфюм». Внутри — черные продолговатые капсулы, различающиеся лишь маркировкой на полимерной оболочке.

— В следующем году они выйдут на массовый рынок, — говорит Рамона, затягиваясь. — Глотаешь капсулу, и запах равномерно выделяется из пор по всему телу. Будто твой собственный.

Я выхожу следом за ней на балкон. Прохладный ветер касается влажной от пота кожи. Потоки воды из раструбов редуют. С высоты бизнес-купола видны маленькие внутренние дворики старых зданий. Буквально в метре от оживленного ночного проспекта они уже темны и безлюдны. Лишь в одном сидит на каменном крыльце очень старая женщина. Крупные капли искусственного дождя падают на шерстяной платок, покрывающий ее голову и плечи. Узловатые пальцы перебирают воздух, будто плетут что-то из нитей давно ушедшего прошлого. Я беру сигарету из тонких пальцев Рамоны, затягиваюсь.

— Мы становимся одним целым с технологией, — говорит она и касается кончиком языка контактов биоинтерфейса на моей шее.

Неонеоновые отсветы окрашивают ее лицо в кислотные оттенки. Обычному человеческому глазу недоступно восприятие больше половины из них. Губы Рамоны почти касаются моих, и она переходит на тихий, едва слышный шепот.

— Теперь мы и есть технология.

Я бросаю взгляд на восток, на ярко освещенную башню «кронскана». Думаю о транзакции, принятой старым постаматомправки много лет назад. Чувствую, как пальцы Рамоны проводят невидимые линии между точками, где биоинтерфейс проступает на моей коже. Опускаю голову, и она целует меня.

Но получил ли адресат передачу сорок лет назад?

* * *

Я нахожу удобное место рядом с рощицей саговых пальм. Отсюда открывается отличный вид на заброшенную заправку и старое шоссе. Я приглушаю цвет обшивки автоглайда, так что он теряется в пятнах света и тени.

Моя догадка подтверждается, когда на дороге появляется древний пикап с электродвигателем. Он замедляет ход, подъезжая к заправке. Затем останавливается.

Из него выходит высокий старик. Абсолютно лысая голова, седая клиновидная борода. Я прикидываю, что ему не меньше семидесяти, но движения удивительно грациозны. На нем плотная куртка и потрепанные штаны из выделанной вручную кожи, будто прямиком из позапрошлого века. Кривые, но аккуратные швы. Станным пятном из современности на кожаной куртке выглядит сдутый тактический рюкзак «КронСканКорп». «Мыслеформа» отмечает, что эта модель не выпускается уже больше десяти лет. Старик направляется к заброшенной заправке и исчезает внутри. Я нахожу в браслете карту окрестностей. Старое шоссе уходит в сторону гор практически без развилки. Перейдя в серпантин, заканчивается тупиком. Тоннель в горном массиве завален с начала века.

Старик выходит из здания заправки. Его движения так же грациозны, но рюкзак явно потяжелел. Я трогаю автоглайд, когда пикап почти исчезает за грядой холмов на западе. Останавливаюсь у заправки. Старый цифровой постамент разобран с профессиональной точностью. Блок памяти отсутствует.

Пикап сворачивает с серпантина, не доезжая до въезда в заваленный тоннель. Я оставляю автоглайд у водопада, шумным потоком срывающегося с почти отвесной скалы. Пикап старика припаркован чуть дальше, за булыжниками, осыпавшимися много лет назад на дорогу. Он подключен к самодельной зарядной станции. Толстый кабель змеится по склону и исчезает в скале. Вверх уходит пешеходная тропинка.

Она приводит меня к широкому зеленому плато между массивных черных скал, вершины которых теряются в облаках. У края плато, обрывающегося в каньон, стоит маленький дом из неотесанных бревен. Скатная кровля усеяна блестящими треугольниками солнечных батарей. Гибкие шарниры позволяют им поворачиваться вслед за солнцем. Перед домом разбит большой сад с рядами высокотехнологичных теплиц ручной сборки. Я не вижу ни логотипов агрокорпораций, ни стандартных деталей, отпечатанных на промышленных принтерах.

Я прохожу мимо небольшого загончика с козами. Они следят за мной равнодушными желтыми глазами. Из дощатого невысокого строения рядом с домом слышно мычание коров. Я поднимаюсь на крыльцо, сложенное из пластин черного сланца. Деревянная дверь открыта.

Он сидит ко мне спиной за рабочим столом, заваленным горами давно забытых электронных устройств. Я не вижу практически ни одного прибора, который не устарел бы лет на десять. Старая техника и рабочие инструменты складываются в причудливый лабиринт, заполняющий маленькую комнату. На столе негромко гудит дескриптор прошлого поколения, подключенный к блоку памяти, извлеченному из старого цифрового постамата на заброшенной заправке. «Мыслеформа» складывает для меня полную картину.

— Вы полностью вырезали себя из этого времени. Оборвали все цепочки причин и следствий.

Он чуть склоняет голову набок, но ничего не говорит.

— Даже передачи данных не идут к вам напрямую. Эн отправляет все необходимое только через хронотрафик в прошлом. Умно. Вы невидимы ни для «кронскана», ни для хроноблендеров «Альстры».

Старик снимает очки и поворачивается ко мне. Когда я вижу его лицо вблизи, «мыслеформа» наконец находит нужное имя.

— Вы Ингмар Бор, — говорю я. — Вы создали «кронскан».

Он берет со стола кожаный бурдюк, делает глоток. Затем встает, выходит на крыльцо и протягивает его мне. Кожа, из которой шит бурдюк, мягкая на ощупь, ручной выделки, лишённая совершенства распечатанного на принтере продукта. Я отпиваю прохладной сырой воды.

— Вы ведь понятия не имеете, на кого на самом деле работаете, верно? — говорит мне старик.

Его лицо выглядит равнодушным, хотя по глазам кажется, что он улыбается. «Мыслеформа» подбирает дежурный ответ, потому что я не знаю, что на это сказать. Солнце клонится к закату, и аккуратный сад перед домом залит косыми золотистыми лучами. Я слышу вдалеке низкий вой винтолетов.

— Технический прогресс так или иначе сделает всех нас своей частью, — говорит старик, не глядя на меня. Мыслями он где-то далеко. — Вопрос только в том, сколько достоинства мы сможем при этом сохранить.

Я отдаю ему бурдюк. Он аккуратно вешает его на крючок, прибитый к двери. Вой винтолетов все ближе.

— Я бы на вашем месте уносил ноги, — говорит он мне, не оборачиваясь. — Когда не уверен, кто твои настоящие хозяева, лучше проявить осторожность.

* * *

Два черных автоглайда ждут меня у заброшенной заправки, перегородив дорогу. На браслете, подключенном к бортовому терминалу моего глайда, загорается входящий вызов. Они запрашивают мое имя и номер учетки для протокола «кронскана». Голос звучит механически, и я не могу понять, изменен ли он вокодером или это бот службы безопасности «КронСканКорп».

— Для протокола «кронскана»: вы обвиняетесь в промышленном шпионаже на «Альстра Кронолабс, Инкорпорейтед». Попытка вашего побега закончится неудачей. Для минимизации ущерба, который будет причинен в процессе, вам целесообразнее сдать службу безопасности «КронСканКорп» немедленно.

Упоминание протокола наводит меня на мысль, что «кронскан» до сих пор не отрендерил основную причинно-следственную цепочку. Я позволяю «мыслеформе» произвольно выбрать следующее действие и резко сворачиваю в сторону. Служба безопасности реагирует мгновенно, бросаясь наперерез. Не сбавляя скорости, я выкручиваю руль, заваливая глайд набок. Турбины натужно воют на максимальных оборотах, я выжимаю педаль тяги, следуя расчетам «мыслеформы», и вклиниваюсь между черными автоглайдами, раскидывая их в стороны. Движок ревет, водительскую дверь срывает с петель, и салон наполняется горячим ветром. Чувствуя во рту вкус крови, я набираю скорость, перегружая турбины до предела и оставляя за собой на дороге длинный шлейф липкой пыли.

«Мыслеформа» издалека отмечает предупреждающий знак переезда магнитной фуры на перекрестке, и я сворачиваю на гравийную дорогу. Автоглайды службы безопасности, оснащенные военными движками, стремительно сокращают расстояние.

Если цепочка событий до сих пор не отрендерилась, у меня все еще есть шанс.

«Мыслеформа» помогает просчитать интервал между составами магнитной фуры. Глайды службы безопасности почти настигают меня, когда я вжимаю в пол педаль тяги. Расчеты безупречны, и единственное, чего я не учел, это выступающие задние турби-

ны. Тяжелый вагон чиркает по самому краю правой, но этого достаточно, чтобы автоглайд бросило вбок. Я выворачиваю руль, пытаюсь избежать столкновения с составом, но тяжелые вагоны фуры сминают глайд в гармошку и отбрасывают в сторону. Подушки безопасности сжимают меня со всех сторон. Глайд несколько раз переворачивается и со скрежетом замирает. Движок глохнет, и, даже несмотря на грохот проходящей фуры, я отчетливо слышу, как шуршит гравий, осыпаясь с искореженной обшивки.

Проносющийся по переезду состав перекрывает дорогу, давая мне небольшую фору. Выбравшись из плотной хватки подушек безопасности, я бегу через поле к лесополосе. Кровь заливает глаза, и ноги предательски подгибаются, но «мыслеформа» переходит в защитный режим, и мне удается держать подступающую панику под контролем.

Одновременно с тем, как сверху обрушивается грохот, поле заливает яркий свет. Громада боевого винтолета опускается передо мной. Пилот поворачивает маневровые турбины, и меня сбивает с ног потоками раскаленного воздуха. Я успеваю увидеть, как из брюха винтолета сыплются черные фигуры бойцов спецназа частной армии «КронСканКорп». Кожа горит, и я ползу через сухую траву прочь от воя турбин и ослепительного света. Липкая пыль покрывает лицо и скрипит на зубах. Группа захвата берет меня в кольцо. На моих запястьях защелкиваются магнитные наручники.

Такие же, как висят на спинке кровати в номере Рамоны в «Лаф Инн».

Рывком меня поднимают на ноги. Перед тем как на голову надевают черный мешок, я вижу направленные мне в лицо массивные закрытые дула вакуумных карабинов. Визоры тактических шлемов, оцетинившиеся линзами оптических систем, напоминают глаза пауков.

* * *

Я пристегнут к металлическому операционному креслу. Свет, бьющий в глаза, настолько яркий, что я не вижу ничего, кроме неестественной белизны. «Мыслеформа» напоминает, что по директивам безопасности «КронСканКорп» любой агент, подозреваемый в измене, должен быть лишен корпоративной собственности перед приведением приговора в исполнение на случай, если агенты конкурирующих корпораций смогут заполучить мои останки.

«Мыслеформа» остается собственностью «КронСканКорп», даже находясь в моей голове. Это отдельно прописано в моем контракте.

«Мыслеформа» не дает мне паниковать.

Врачи «КронСканКорп» в черных халатах вводят в мой церебральный разъем дизайнерский токсин.

Я остаюсь в сознании все восемь часов, пока он выедает нейронные цепи «мыслеформы».

* * *

Головная боль не дает мне двинуться, даже открыть глаза. Слышу, как в темноте механический голос ведет обратный отсчет на английском. Отсутствие «мыслеформы» порождает в мозгу настоящий хаос. Машинные интонации превращаются в протяжный напев на арабском, и мне удается отличить свои мысли от обрывков тревожного сна. Азан, разносящийся из динамиков дронов, кружащих над большой мечетью в медине, сотрясает картонные стенки моего гроба. Вчера на базаре мне удалось спереть у кого-то учетку, которую я успел обналичить до блокировки. Смог наконец поест и купить еще ингибитора. В темноте я нашариваю капсулу. Втираю вязкую жидкость в разъем. Резкий синтетический запах заполняет картонный гроб. Дрожь в теле понемногу успокаивается.

С собственными мыслями без «мыслеформы» мне уже удается справиться намного лучше, чем в госпитале для беженцев из зон Перепада, который ООН развернула в Стамбуле. Я не мог вспомнить, как попал туда. Не помнил ни одного из своих имен. При себе ни одежды, ни учетки. Ничего, кроме небрежной трафаретной татуировки на левом плече с порядковым номером и медицинской информацией. Турки, которые выдавали нам пайки, бегло болтали по-английски и объяснили мне, что это обычная маркировка «донорских консервов» на черном рынке.

Азан затихает. Вдалеке я слышу грохот прибывающих сплошным потоком экранопланов. Я включаю терминал и проверяю, на месте ли электронное письмо.

Из госпиталя меня вытащил Алжирец. Моя голова все еще плохо работала без «мыслеформы», но я узнал его. Наемный специалист по извлечению опальных шпионов и корпоративных перебежчиков. Мы с ним работали пару раз, вместе извлекали ученых-ренегатов, которые решили перейти из «Альстры» в «КронСканКорп». Но Алжирец старательно делал вид, что не уз-

нает меня. Он передал мне новую учетку и немного денег. Снабдил билетом на нелегальный экраноплан и исчез в стамбульской ночи. Посреди Босфора возвышалась ярко освещенная станция «кронскана».

С рассветом я выбираюсь из картонного гроба на верхнем ярусе мотеля. Смотрю на расстилающийся внизу Танжер. При солнечном свете видно, что недостроенная станция «кронскана» уже обросла висячими жилыми кварталами из армированного картона.

К письму приложен код доступа к чистой учетке «Альстра Кроналабс, Инк.» и билет на сегодняшний рейс «Смартплана» Танжер — Амстердам.

Ни текста, ни подписи.

Рамона.

* * *

На входе в вип-зал «Смартплана» в Схипхолье стоят два тяжелых боевых бота. Многочисленные пучки их глаз пульсируют, никогда не упуская ни одного клиента из виду. Это больше декоративный шик, чем практическая необходимость. Имя, которое значится в учетке «Альстры», периодически выскальзывает из моей памяти, лишенной «мыслеформы». Поэтому я всегда держу маленький квадратик учетки где-нибудь рядом. Когда он попадает на глаза, цветочный логотип «Альстра Кроналабс, Инк.» кажется мне хищным насекомым, которое лишь притворяется цветком в ожидании добычи.

Рамона сидит напротив меня за столиком из настоящего дерева. На ней строгий черный деловой костюм из гибридной ткани. Спряженный с биоинтерфейсом Рамоны гравикейс послушно парит рядом. Негромко жужжат его гироскопы. Огромный зал с регулируемым микроклиматом пуст. Спрятанные в стенах проекторы превращают потолок в безоблачное лазурное небо. Официант в смартплановской униформе того же оттенка приносит нам два стеклянных рокса двойного органического виски, который заказала Рамона. Дорожки биоинтерфейса на ее шее мерцают другим оттенком. Новая прошивка.

— Идея привязать Бора к себе причинно-следственной цепочкой, чтобы нацелить хроноблендеры «Альстры», будет блестящей, — говорит она, поднимая свой рокс. — Мои поздравления.

— Где он сейчас? — спрашиваю я.

Рамона пожимает плечами.

— Где-нибудь в лабораториях «Альстры». Возможно, наконец работает вместе с Тепловым.

Она закуривает тонкую черную сигарету от «ДумТобакко». Официант включает экранирующее поле, которое не позволяет дыму выйти за пределы нашего столика.

— Десант «Альстры» извлек его через считанные минуты после того, как ты покинул дом, — говорит она, затягиваясь. — Что было верным решением. У них был приказ стрелять на поражение по всем агентам «КронСканКорп», а они ведь не знали, что ты работаешь на «Альстру».

— Но я не работаю на «Альстру», — говорю я.

— Еще нет, — кивает Рамона. Она достает из гравикейса пластиковый билет дальних рейсов «Смартплана» и двигает его по столу ко мне. — Твой вылет в Гонконг через два часа.

— Зачем мне лететь в Гонконг?

— Подписать контракт с корпразведкой «Альстра Кронлабс, Инкорпорейтед».

— С моими церебральными повреждениями корпоративная разведка — последнее место, где мне нужно искать работу.

— Тебя уже ждет команда технохирургов, которые вычистят хард от «мыслеформы» из твоей головы. Поправят урон, который нанес токсин, и установят по-настоящему полезный софт. После этого ты поймешь, что «мыслеформа» устарела еще до того, как «КронСканКорп» выпустили ее на массовый рынок.

— Что за новый софт?

— О, это сюрприз.

Она мечтательно улыбается. Я отпиваю виски, пытаюсь раздумывать над ее словами.

— Теперь, когда у «Альстры» помимо Теплова есть сам Ингмар Бор, «кронскан» обречен на поражение в этой войне. Да, он большой, да, он сложный, — Рамона чокается своим роксом с моим, который я машинально поднимаю навстречу. — Но слишком неповоротливый по сравнению с новой технологией «Альстры».

— Давно ты работаешь на «Альстру»? — спрашиваю я ее.

— Скажем, я в бессрочном рассмотрении контракта, — отвечает Рамона, глядя мне в глаза.

— То есть ты двойной агент.

— Эта терминология устаревает с каждым часом, — смеется она. — Кому, как не тебе, это знать.

— Они сделали так, что я и был тем шпионом, которого должен был найти, — говорю я.

— Не они, — Рамона качает головой. — Операция по извлечению Ингмара Бора будет инициирована лично тобой в корпразведке «Альстра Кронлабс» в ближайшие дни. В недавнем прошлом «кронскан» видел, что произойдет утечка, и послал тебя ее предотвратить. Но из-за того, что Бор разорвал все причинно-следственные цепочки, которые вели к нему в пределах возможностей рендера «кронскана», они не знали, что ты и станешь причиной этой утечки. А когда ты его нашел и «кронскан» наконец смог отрендерить полную цепочку, «КронСканКорп» уже не могли ничего сделать.

— Сложно говорить о моих собственных инициативах, когда все уже случилось.

— Таков уж наш бизнес, — смеется Рамона в ответ.

Ее браслет коротко пульсирует.

— Мой рейс, — говорит она и допивает виски одним глотком. — Наконец возвращаюсь в главный офис «КронСканКорп». В Северо-Кавказском филиале моя работа закончена.

Рамона отдает мне сигарету и встает. Проводит пальцами по шрамам на моей шее на месте удаленных контактов биоинтерфейса.

— С нетерпением жду, что «Альстра» сделает с этим.

Пучки глаз боевых ботов внимательно провожают Рамону до выхода из вип-зала «Смартплана». Я затягиваюсь тонкой черной сигаретой от «ДумТобакко» и выпускаю дым в лазурные небеса на потолке, слыша исчезающий запах горелой изоляции.

Диана СОЛТАНОВА

ЗАСТОЛЬЕ

МИНИАТЮРА

Чьи-то руки аккуратно разрезают сложенные друг на друга три желтых и слегка похрустывающих диска. Нож медленно отделяет треугольные куски, и с каждого из них по краям стекает расплавленный светлый сыр. Рядом стоит большая тарелка с мясом: от трех ребер исходит теплый пар, и приятный аромат еды разлетается по всему помещению. Руки аккуратно берут по треугольнику и раскладывают их по лежащим вокруг тарелкам. В стаканы наливают прохладное осетинское пиво. Стекло запотеваает, и по нему начинают стекать прозрачные капли.

Говядину разрезают вторым ножом, поменьше, но его размеров хватает, чтобы мягкое мясо легко отходило от кости. Куски кладут на тарелки к пирогам. Туда же отправляются различные соленья и овощи: крупно нарезанные розовые помидоры, темно-зеленые огурцы, слегка посыпанные солью, корейская морковка, крупно нарезанный сладкий буряк. Рядом на общем подносе стоят фаршированные грибы: внушительных размеров шампиньоны темно-коричневого цвета издают пряный аромат специй.

Вкус пирога растекается приятным теплом по всему телу, а мясо, дополненное ароматом овощей,

тает во рту. Рука в масле и жидком сыре — за таким столом не грех и облизать пальцы. Сладкие освежающие напитки, напротив, остужают — настоящее спасение в жаркие дни лета. Кто-то приносит огромную тарелку с люля-кебаб. Блюдо покрыто зеленью и источает аромат, похожий на запах только что пожаренного шашлыка.

Ты не успел насладиться основной едой, а по столу вразброс уже расставляют вазы и подносы с яркими сочными фруктами, конфетами в блестящих обертках и разрезанный торт с разнообразными пирожными. Где-то мелькают эклеры с заварным кремом. Закидываешь в рот несколько крупных виноградин и следом сразу кладешь на отдельную тарелку огромный кусок испанского медовика...

— Ваше время вышло.

— Так быстро?.. — Владимир со вздохом стянул с себя шлем виртуальной реальности. — Может, еще часок?

— Извините, мы закрываемся. Приходите в другой день.

Человек сполз с кожаного кресла и с трепетом положил на него аппарат.

— До свидания.

— Всего доброго, — робот-консультант даже не посмотрел ему вслед.

Мужчина шагнул за дверь и направился к ближайшей платформе. Он взобрался на остановившийся траволатор и ухватился за поручень. Лента быстро рванула вперед. Современные технологии свели к минимуму отдачу при трогании с места: прозрачный купол вокруг движущегося полотна позволял человеку спокойно стоять и не бояться упасть. Подобное изобретение помогает добраться из одного конца города в другой за считанные минуты. В мире появилось больше места после избавления от устаревших видов транспорта — пустые территории занимали новыми домами. Вот и то место, которое Владимир обнаружил на днях, появилось совсем недавно. Кажется, это первый в республике клуб виртуальной реальности, где есть сюжет с осетинским застольем. Вся та еда... она выглядела такой вкусной и пахла так хорошо, что мужчина готов был тратить все свободное время и все свои деньги на походы туда.

Он вышел у нужной двери сразу на девятнадцатом этаже.

— Дорогая, я дома.

— Тише, дети спят. Если ты голоден, то на кухне еще остались прошлогодние пищевые капсулы.

Владимир, не снимая обуви, шагнул на кухню и достал из комода три маленькие шайбы размером с бусины. Он положил их в пиалу, залил водой из кулера и подождал пять секунд, как и рекомендовалось на упаковке. Шайбы превратились в безвкусную серую массу. Такая еда не приносила удовольствия, но была наполнена всеми необходимыми витаминами. Мужчина сел за стол и положил ложку с непривлекательной пищей в рот. Глаза заблестели от влаги, и по щеке стекла скупая слеза.

Лия ЛАФИШ

ТОРГОВЦЫ ХУЖЕ БЛОХ

РАССКАЗ

Пахло сыростью и хвоей. Пшибий спешился.

— Доброго утра! Я в Бжей еду, — он вежливо улыбнулся. Путник, которого Пшибий только что встретил на лесной тропе, промямлил что-то про неудобный навигатор и пожал протянутую руку. — Ты, наверно, тоже?

— А что?

Путник шепелявил. Торчащие клыки мешали ему разговаривать.

— Скажу честно: я торговец, вот и интересуюсь.

Пшибий всмотрелся в лицо, а точнее, морду незнакомца: почеловечески угрюмая гримаса на кабаньем рыле, маленькие недоверчивые глаза и две тонкие кислородные трубки, торчащие прямо из щек.

— Торговцы... — кабан то ли оскалился, то ли улыбнулся, — торговцы донимают хуже блох.

— Такая работа. От торговцев избавиться не могу, зато от блох с легкостью! — Он на ходу достал из вьюка маленькую баночку с прозрачной жидкостью. — В Бжее их тьма. Они там, видать, у оборотней кровь пьют и огромные вырастают, — Пшибий развел руками, показывая размер блохи, — вот такие. Лошадь не оставишь, а то потом одни кости найдешь, поэтому бжейские торговцы продают средства от блох втридорога! А мое гарантированно поможет... всего за шесть шаев.

Он подмигнул и многозначительно покрутил рукой в воздухе.

Кабан задумался и почесал щетинистую руку. Какое-то время он молчал, но потом нехотя достал монетки из кармана.

— Четыре, торговец. Больше не дам.

— Ну ладно, — Пшибий вручил ему средство и вскочил на коня. Потяжелевший мешочек с монетами глухо звякнул.

Кабан поднес баночку с прозрачной жидкостью к самому носу и подозрительно сощурился.

— Это на шерсть нужно мазать, да, торговец?

— Нет! — Пшибий фыркнул и пустил коня вскачь. — Как блоху поймаешь, ты ее возьми — и в бутылку. Точно потонет!

Полумеханические ноги коня несли Пшибия вперед по тропе, пока незнакомец осыпал его бранью и проклятиями вслед. Пшибий ухмыльнулся.

Через час он остановился около бурной реки. Пшибий спрыгнул с седла и почесал коня по бархатной серой щеке.

— Кореш, какой ты все-таки хороший конь! Без тебя мне бы пришлось быстро бегать или долго лечиться. Или начать хорошо себя вести, представляешь такое?

Кореш фыркнул в ответ и направился к реке напиться. Хотя весенние цветы уже ложились ярким полотном на горные склоны, а солнце находилось в зените, у реки было прохладно и ветрено. Пшибий поежился и закутался в бурку. Он решил прилечь между теплых камней под деревом. Листья мягко шелестели, убаюкивая, и Пшибий не заметил, как задремал.

Реальность плавно переходила в сон, где он, позвякивая чужими шаями, убегает от разъяренной толпы и смеется, зная, что его не догонят. Вдруг из толпы выбился один верткий человек и догнал Пшибия. Он услышал голос под ухом: «Вот я и поймала тебя». Сон прервался резко, когда он почувствовал холодное лезвие на шее.

На него смотрела темная тонкая фигура. Ярко-желтые глаза сияли на солнце, как самоцветы. Длинные зубы поблескивали из-за приоткрытых губ. Пшибий медленно положил руку на кинжал.

— Привет! — Он уже видел это змеезубое существо раньше: шелест в деревьях, мелькающий силуэт в толпе на базаре, желтые пятна на фоне ночного неба — все это была она.

— Здороваешься со мной, торговец? Думаешь, в мире нет проблем, из которых ты не сможешь выбраться?

— Может, и есть, но я пока их не встречал, — Пшибий посмотрел на клинок, приставленный к его шее. Сам кинжал был скромным и больше напоминал нож, в отличие от модифицированного легкого кинжала Пшибия, снабженного дополнительными функциями плазменной резки и голосовым помощником. — Как тебя зо...

Вспышка острой боли в предплечье не позволила договорить. Когти змеезубой впились в его руку, и по ней заструилась кровь.

— Ай, зачем ты так? Чего хочешь?

— Твою жизнь, — ответила она, не раздумывая.

— Может, лучше дать тебе денег или еды? Мне не жалко, только давай обойдемся без этого, — сказал он, покосившись на лезвие.

Она зашипела, оскалив зубы, и бросилась на Пшибия. Он попытался сбросить ее с себя, но змеезубая оказалась неожиданно

сильной, несмотря на хрупкое телосложение. Одной рукой Пшибий оттащил ее за серую косу подальше от своей шеи, а другой с большим усилием отодрал когтистую руку, вцепившуюся в его плечо. Пинком он отшвырнул ее в сторону. Змеезубая прыгнула в траву и попятилась назад.

— Получается, — он тяжело вздохнул и встал, — тебе и оружие не нужно? — Он отряхнул одежду от пыли. — Ты не убьешь меня, если будешь драться как...

Она снова бросилась вперед, одним прыжком сбив его с ног, и вцепилась пальцами ему в бороду. Пшибий зашипел от боли и потянулся к ножнам, но когтистые пальцы крепко сжали его руку и придавили ее к земле. Свободной рукой он нашарил крепкую сосновую палку и метнул в зубастую пасть. Челюсти с хрустом сомкнулись в миллиметре от его плеча.

Пшибий усмехнулся сквозь боль — кусающая палку девушка выглядела забавно. Исступленно зашипев, змеезубая перекусила палку пополам. Остановить следующий укус он уже не успел.

Клыки вонзились в его плечо всего на долю секунды, совсем неглубоко и даже не слишком больно. Он сдавленно охнул. Теперь Пшибий успел дотянуться рукой до кинжала и попытался пырнуть змеезубую в бок, но она отпрыгнула назад и ловко приземлилась, перекутившись в воздухе. Кинжал слегка коснулся чешуйчатого хвоста, не оставив и царапины.

Змеезубая довольно утерла рот тыльной стороной ладони.

— Ты скоропостижно погибнешь! Только три часа тебе осталось влачить свое жалкое существование! — Высокопарность ее слов заставила Пшибия испытать смесь удивления, стыда и странного восхищения. — От моего яда не существует лекарства, ибо я... — змеезубая задумалась, кто же она, — ибо я ядовитая очень-очень сильно. — Она хихикнула, убирая выбившуюся прядь за ухо.

Пшибий медленно поднялся. Он закатил глаза, глядя на радостное лицо змеезубой.

— От всего, кроме смерти, есть лекарство, — ответил Пшибий с раздражением в голосе. — До Бжея час езды. Найду там Лекаря, и он мне поможет. — Он поправил одежду, подобрал с земли бурку и подошел к коню. Только сейчас он почувствовал легкое жжение в месте укуса. — А ты как была гадиной, так и останешься на всю жизнь.

Пшибий шепотом выругался. Теперь он чувствовал себя паршиво. Исцарапанная рука неприятно ныла.

Змеезубая снова хихикнула, прикрыв рот ладошкой. Когда ее рот был закрыт, она походила на обычную девушку. Если бы не желтые глаза, чешуя, хвост, серые, будто седые, волосы...

— Мое имя — Ила!

Пшибий достал бинты и спирт из дорожной сумки.

— Мда, очень приятно. Нельзя было так сделать до того, как ты меня отравила?

Ила только отмахнулась.

Перевязка шла как по маслу. У Пшибия было много опыта лечения ран.

— Надеюсь, ты больше не будешь меня преследовать, как делала последние... — Пшибий задумался, вспоминая, — дней десять, наверно. А если будешь...

— Конечно, буду. Я хочу увидеть, как ты и... Ой, умрешь! — она гордо подняла указательный палец и улыбнулась, показывая зубы. — Мне нужна гарантия.

Город Бжея стоял на зеленом холме и представлял собой гигантских размеров бук, на ветвях которого располагались дома, фонари, лифты, магазины и мостики. В стволе встречались вкрапления золотых светящихся древесных прожилок, а на ветвях висели огромные, размером с человека, буковые орехи. Ночью они светились золотом, привлекая насекомых и заблудившихся путников. Дома богатых людей надежно крепились у самого ствола или были встроены внутрь, как дупла, а скромные домики выглядели так, будто вот-вот рухнут с тонких веток, особенно в ветреную погоду. Была в Бжее и своя школа, в нижней части кроны, хотя обычно люди уезжали, когда у них появлялись дети. Никто не хотел, чтобы ребенок по естественной глупости прыгнул за ограду. И конечно, в Бжее были больницы.

Но Пшибию не нужна была простая больница — ему нужен был Лекарь, знающий тайны ядов.

Подъехав к городу, Пшибий сразу направился в одну из конюшен, которых под сенью Бжея было несколько десятков. На конюшне Пшибий экономить не собирался. Он хотел, чтобы Кореша хорошо покормили, просканировали, качественно обработали механические детали и обновили липидную каплю в гидрогелевом глазном протезе.

— Какая разница, в какой конюшне будет стоять твой конь, если ты будешь мертв? — Ила висела под потолком конюшни, зацепившись хвостом и одной ногой за стропило.

— Обсудим этот вопрос, когда умру, — ответил Пшибий, закрывая ворота денника.

— Ты не собираешься поторопиться? — Ила удивленно похлопала глазами и мягко спрыгнула на землю. — Тебе осталось жить чуть больше часа.

И на самом деле, с каждой минутой Пшибий чувствовал действие яда все сильнее. Он медленно разливался по телу, жег и охлаждал одновременно, заставляя конечности неметь.

— За мной гонится только смерть, но к этому я привык, — равнодушно изрек Пшибий и вышел из конюшни.

Он глубоко вдохнул пьяняще свежий воздух. Горы вершинами упирались в облака, легкий ветерок развеивал одежду. Река, около которой на него напала Ила, переливалась на солнце тысячей серебряных нитей. Пшибий быстро шагнул в сторону платформы Лекаря. Он чувствовал яд, но не чувствовал страха.

По всему стволу Бжея были установлены платформы: большие и маленькие, деревянные и металлические, грузовые и пассажирские. Но только один лифт вел в высокую и дальнюю часть кроны — в кабинет Лекаря.

Ила вертелась и разглядывала людей, столпившихся вокруг платформы Лекаря. На платформе уже почти не оставалось мест, люди ругались и толкались. У входа стояли угрожающего вида охранники — высокие, одетые в композитную броню барсы. Они внимательно осматривали каждого, кто подходил к щуплому пожилому доктору, стоявшему рядом с ними. Доктор держал в руках детектор ГРОММа — большого гудящего аппарата, одного из самых дорогих медицинских устройств.

Ила увидела пожилую женщину с наглым голосом, неуверенно имитирующую близость смерти. Настала ее очередь, и она грузными шагами подошла к доктору. Он приложил к ее руке детектор, от которого тянулись десятки тонких проводов. Щупальцевидные коннекторы обвили запястье женщины. Сначала ГРОММ тихо пискнул, соединяясь с организмом, а потом запустил сложный процесс общего анализа. Через две-три минуты раздался оглушительный грохот, и на мониторе возникла информация о состоянии человека. Судя по реакции доктора и зеленым картинкам на мониторе, оно было идеальным — с учетом возраста. Охранники увели женщину в сторону, осыпаемые градом оскорблений. «Раньше прием к Лекарю был свободным для всех. Теперь я вынужден проходить глупую проверку. И все потому, что кому-то не хочется ходить в обычные больницы», — подумал Пшибий.

— Ой-ой! Кажется, тут проверка! — Ила приложила руку к сердцу. — Я и не знала! Меня внутрь точно не пустят. Что же делать? — Она театрально вздохнула. — Как же мне теперь увидеть смерть моего злейшего врага?

— Вот и хорошо, — ответил Пшибий, занимая очередь за дряхлым стариком, который сильно дергался от грохота устройства, — не будешь мешаться.

Ила раздраженно фыркнула.

— Ой, кстати... Тебе осталось меньше часа. Я таймер поставила! — гордо улыбаясь, она ткнула ему в лицо умным браслетом. — А теперь глянь на расписание платформы!

Она показала пальцем на прибитую к столбу бумажку.

В следующий раз платформа поедет вверх через час и десять минут.

Пшибий молча сделал шаг вперед и прикрыл глаза. Ноги все хуже держали его, все тело жгло, с каждой минутой земля становилась мягче и дальше. Перед глазами расплывались образы людей. Совсем молодая девушка с неизвестной болезнью протянула руку навстречу щупальцам сканера. Писк, раскат грома — и она шаркающей походкой вошла на забитую до отказа людьми платформу.

Образы размылись окончательно. Пшибий больше не понимал, кто подходил к сканеру. ГРОММ работал молниеносно, делая ожидание относительно недолгим, но когда очередь наконец дошла до него, Пшибию показалось, что прошла вечность в бессознательной полудреме. Ила ткнула его локтем в бок, давая знать, что пора приходить в себя. Пшибий потряхнул головой и надавил на глаза. Перед ним был доктор, усталым и монотонным голосом спрашивающий:

— На что жалуетесь?

— На нее, — Пшибий болезненно усмехнулся и мотнул головой в сторону Илы. — Кусается...

Он хотел сказать что-то еще, но договорить помешала сильная тошнота. Подавив рвотный позыв, он протянул руку для датчика. Доктор понимающе покачал головой, осматривая зеленоватобледного, шатающегося Пшибия.

— К черту регламент, — пожилой доктор опустил детектор ГРОММа и мягко направил Пшибия на платформу. — У меня и свои глаза есть. Заходите скорее.

Ила наблюдала со стороны, как Пшибий последним входил на платформу, подталкивая людей сзади, как доктор уже потянулся к кнопке запуска механизма подъема, когда услышала громкие крики мужчин. Она оглянулась и увидела тянущих что-то большое в сторону платформы парней. Приглядевшись, Ила поняла, что они тащили валящуюся с ног и задыхающуюся вороную лошадь. Изо рта у нее шла пена, а ноги судорожно дергались.

— Стойте! Не запускайте платформу! — Самый низкий из них побежал вперед остальных к доктору, спотыкаясь. — Она...

— Лекарь не принимает животных. Отведите лошадь к ветеринару, — сказал доктор, отводя взгляд.

Невысокий парень умоляюще схватил его за руку. Тут подошли двое охранников и собрались было увести его, но доктор жестом остановил их.

— Поймите, это не просто лошадь, — он опустил глаза, будто стесняясь говорить это. — Она — все, что у меня осталось.

Люди на платформе стали перешептываться. Где-то слышались осуждающие фразы, где-то сочувствующие.

— Она умирает. Прошу, пропустите! — парень судорожно полез в карман. — Заплачу, сколько нужно.

Доктор тяжело вздохнул.

— Не нужно, — в мягком голосе звучало сочувствие. — Поймите, я не могу выгнать больных с платформы.

Невысокий парень подошел ко входу на платформу и с надеждой осмотрел ее. Для еще одного-двух людей места хватало, но лошадь вместить было невозможно.

— Я пропущу, — раздался голос Пшибия. — Заходите.

Ила от неожиданности вздрогнула и удивленно моргнула.

Хозяин лошади посмотрел на Пшибия взглядом человека, нашедшего оазис в пустыне.

— Брат, — он пожал его руку. — Как я могу тебя отблагодарить?

— Мелочь. Но... — Пшибий снова подавил приступ тошноты. — Пожалуйста, дай мне узду.

Невысокий парень недоуменно посмотрел на него, но незамедлительно снял узду с лошади.

— Держи. Да будет долгой твоя жизнь.

Пшибий кивнул в знак благодарности и отошел на полшага. Невысокий помогал завести лошадь, игнорируя возмущения людей. Лошадь тяжело осела на металлический пол платформы. На лице ее хозяина появилось нервное подобие улыбки. Доктор уже нажимал кнопки, запуская платформу. Ила все еще не могла поверить в происходящее.

— Ты ведь теперь... — она растерянно хлопала глазами, глядя на Пшибия, который крутил в руках уздечку. — Ты ведь... Зачем?

Пшибий сжал губы и молча посмотрел на Илу. Потом улыбнулся так широко, как только мог.

Платформа загудела и поехала вверх, выпуская тонкие струйки дыма. Пшибий сделал еще один шаг назад, провожая платформу глазами, и взял лошадиную узду в зубы.

Платформа уже неслась вверх, когда Пшибий рванул вперед, обгоняя недоумевающие взгляды Илы, охранников и пожилого

доктора, который минуту назад думал, что на этой работе его уже ничем не удивить. Пшибий бежал из последних сил, которые еще оставались в его умирающем теле. Он прыгнул и зацепился за платформу, когда она была уже на достаточной высоте. Его руки соскользнули, но он качнулся вперед и все же вцепился в одну из скрипящих газовых труб на дне платформы. Крепко повиснув, Пшибий подмигнул всем, кто остался внизу. Люди на платформе уже не шептались, а громко обсуждали маневр сумасшедшего мужчины, забывая про собственные болезни.

Пшибий немного отдышался. Он старался не расслабляться — десятки метров под ногами действовали отрезвляюще. Адреналин частично перебивал действие яда, но головокружение не ослабевало. Держаться было сложно. Люди на платформе суетились. Кто-то, перегнувшись через край, спросил, нужна ли ему помощь. А смысл в их помощи? Наверху места нет, как ни толкайся, да и поднять они его не смогут. «Помогу себе сам», — думал Пшибий.

Земля осталась далеко внизу, руки слабели, но тем не менее он сохранял ясность мыслей. Он отпустил одну руку, чтобы вытащить изо рта красивую декоративную уздечку и завязать ее вокруг запястья и не слишком крепкой трубы платформы. «В жизни нет ничего надежного. Эта штука не самая ненадежная из всего, на что мне приходилось полагаться».

Облака скользили мимо. Из-за наплывающего тумана не было видно ничего, кроме ствола Бжея и переплетений труб и вентилях на дне платформы. Пшибий смотрел на узловатую темную кору Бжея.

Вдруг что-то мелькнуло слева от платформы — быстрый силуэт, карабкающийся по стволу. На секунду силуэт замедлился, и их глаза встретились — желтые, веселые глаза Илы и мутные, покрасневшие глаза Пшибия.

— Ты точно доберешься до Лекаря целым, — крикнула ему Ила, хихикая. Туман заглушил ее голос.

Он хотел ответить, но решил беречь силы, поэтому просто улыбнулся. Озноб и усталость давали знать о себе. Он вздрогнул, и улыбка исчезла с его лица, когда вспотевшие руки почти соскользнули с трубы. «Я не могу умереть так глупо», — думал Пшибий, хватаясь за трубу до судорог.

Руки все же не выдержали. Секунда в свободном падении казалась вечностью — Пшибию, наверно, никогда не было так страшно. Дернувшись, он повис на кожаном ремешке, наспех завязанном вокруг онемевшей и передавленной до кости руки. Ремешок потрескивал, а легкий ветер раскачивал Пшибия из стороны в сторону. Он мысленно прощался с жизнью.

— Лови! — раздался звонкий голос из тумана.

Ила кинула Пшибию обрывок веревки. Пшибий качнулся вперед, чтобы поймать его. Он прижал обрывок к груди и проводил взглядом карабкающуюся вверх Илу.

Лекарь жил в огромном деревянном доме, который своей хаотичностью и эклектичностью напоминал базар, превращенный в единое здание. Дом стоял посреди сада, заросшего папоротником и сотнями видов лекарственных трав. Деревья росли так плотно, что укрывали почти весь сад тенью, в которой кружили рои светлячков. Сидя в саду, Пшибию казалось, что дом нереальный и состоит из множества комнат, каждая из которых оторвана от разных зданий. Да и сад сложно было назвать реальным — от него до земли был километр. Каким образом сад расположился так высоко на ветке Бжея, Пшибий понять не мог.

Когда помощник Лекаря объявлял номер пациента по динамике, тот вставал с резного стула в коридоре, заставленном картинами, скульптурами и фресками, и направлялся в кабинет Лекаря. Пшибий ждал в коридоре вместе с остальными больными. Нервно похрустывая пальцами, он считал минуты до собственной смерти: «Еще пятнадцать. Меня должны принять в порядке первой очереди, но сегодня, видимо, все решили, что умирают».

Пшибий поднял глаза. Он был наслышан о коллекции картин Лекаря. Его внимание привлекла одна из них. Это было полотно раннего Иеронима Босха «Фокусник», выполненное в красно-коричневых тонах. Оно изображало мошенника и людей, которые восторгаются им. В любое другое время он бы долго и с интересом разглядывал ее, изучая наивные лица зевак и множество забавных деталей, но не сейчас. Пшибий то ли медленно засыпал, то ли терял сознание.

Кто-то привел его в чувство, поднеся вату с нашатырем ему под нос. Пшибий поморщился.

— Ила? — еще не совсем понимая, что происходит, пробормотал он.

Туман слегка рассеялся, и он увидел уже знакомого ему хозяина больной лошади.

— Твоя очередь. Помочь дойти? — спокойно спросил он.

— Не стоит, — слабым голосом возразил Пшибий.

Он поднялся и нетвердой походкой направился в кабинет.

Зрелище, открывшееся глазам Пшибия, было столь поражающим, что он на мгновение даже забыл о своем состоянии. Кабинет Лекаря представлял собой круглую комнату, построенную

вокруг растущего сквозь этажи большого бука, те есть являлся уменьшенной копией самого Бжея. Комната состояла из трех круговых этажей. На первом была медицинская аппаратура и инструменты, полки с травами и лекарствами, небольшой светящийся фонтан с мутной голубой жидкостью, горшки с растениями и грибами, а в дальнем углу стояла темная клетка с животными, которых Пшибий не смог опознать. На втором этаже располагалась библиотека, забитая книгами, неизвестными электронными устройствами, пергаментами, дисками и всевозможными носителями информации, известными с древности и до наших времен. На третьем же этаже, под стеклянным потолком с видом на звездное небо, жил сам Лекарь.

Пшибий задрал голову, наблюдая, как Лекарь спускался. Столько раз Пшибий слышал от людей про Лекаря, но все будто избегали говорить о внешности этого человека. Он представлял себе мудрого старца с бородой до колен, или тощего сумасшедшего гения в огромных очках, или хотя бы доброго доктора в белом халате. Но Лекарь был другим.

Между этажами его кабинета лестницы отсутствовали, потому что ему они были ни к чему. Он медленно оплетал ствол бука своим десятиметровым сегментированным телом, плавно, но быстро перебирая сотней тонких черных конечностей. Растекшись по полу, его толстое серое туловище заняло треть комнаты, удивительным образом не задев ничего из мебели и предметов. Из-за размеров он мог показаться неповоротливым, но каждое движение его хитиновых ног было четко выверено. Пшибий замер.

— Пшибий... — Казалось, голос Лекаря звучал как у нормального мужчины, если не считать, что он вибрировал и периодически переходил на нечеловеческие нотки. — Пришел, чтобы я спас тебя?

— Да, — Пшибий сглотнул. Он увидел, как из-за спины Лекаря выплыла Ила.

«Что она тут делает, еще такая довольная? Пришла посмотреть, как я умру?» — удивился он и сделал шаг вперед, ближе к Лекарю.

— Как тебе хватает наглости просить о помощи, Пшибий? — Постукивая бесконечными ногами, Лекарь подошел ближе к нему. Человеческое лицо хозяина кабинета было будто плохо приклеено в центр гигантского мягкого сегмента. Это было лицо мужчины средних лет. — После того, как ты выкрал семейную реликвию у моей племянницы?

— Ила? — холодок пробежал по спине Пшибия, когда он посмотрел внимательнее в лицо Лекарю. Проницательный взгляд карих глаз становился нечеловеческим, когда они дергались. Зрачки плавали туда-сюда.

— Да, это я! — Ила гордо выпрямилась и азартным тоном спросила: — Что, не ожидал?

Пшибий вздохнул. Извинения всегда давались ему тяжело, а теперь тем более, когда тяжесть и слабость сковали его тело.

— Я признаю вину. Я украл кулон из ее дома одиннадцать дней назад, — сказал смущенно Пшибий.

— Знаешь ли ты, что это был не простой кулон? — Лекарь наклонился над Пшибием, сверля его взглядом. — Это семейная реликвия, которую мы передавали из поколения в поколение. Мой подарок для Илы. И ты... ты продал кулон какому-то перекупщику, который сломал его, как ненужный хлам.

Перекупщиком, о котором шла речь, был единственный друг Пшибия, Калекут. Он действительно относил кулон к нему в магазин. Уже тогда Пшибий знал, что за ним ведется слежка.

— Мне очень жаль. — Каждое слово давалось тяжело, но взгляд Пшибия был непреклонным. — Что я должен сделать для вас?

— Дядя Паго, скажи ему! — Ила сжала кулаки и заодно улыбнулась.

Лекарь, у которого, оказывается, было и человеческое имя, прокашлялся и торжественным голосом сказал:

— Пшибий, пообещай, что ты никогда больше не будешь красть и лгать. Тогда ты будешь прощен и исцелен! — Он приподнял передний сегмент своего тела, возвышаясь над лицом Пшибия на пять метров. — Таковы условия.

Пшибий подумал, что Ила выслеживала его десять дней, напала, рискуя получить травмы, потом укусила, забралась к Лекарю каким-то жутким способом, карабкаясь по веткам, спасла Пшибия от смерти... И это только ради того, чтобы посмотреть, как он извиняется и обещает больше так не делать? Он поднял бровь и немного замялся, вопросительно смотря на Илу.

— Знаешь, я и не хотела тебя убивать, — Ила опустила взгляд. — Даже такой гадкий, нечестный и... и... дурной человек, как ты, не заслуживает смерти. В тебе же есть что-то хорошее! Мало кто рисковал бы жизнью ради чужой лошади... Ой, точно!

Она расстегнула левый карман своих широких штанов и спешно достала флакончик с прозрачной жидкостью, чуть не уронив его.

— Я все это время носила его с собой. На случай, если бы ты не успел прийти! Видишь, я бы спасла тебя! — Ила потрясла флакончик. На нем была наклеена бумажка с крупной корявой надписью «Противоядие». — У тебя осталось только две минуты, чтобы пообещать нам! — Она подняла бутылочку высоко в воздух.

Как только она закончила говорить, Пшибий качнулся и упал. Ила закрыла рот руками, сдавленно пискнув, и прыгнула к нему. Пшибий тяжело перевернулся на спину. Его лицо было мертвенно-бледным, но он улыбался.

— Пожалуйста, поклянись, что больше не будешь! Я не хочу, чтобы... — она схватила его за плечо и сжала флакон. Ее глаза заблестели.

Пшибий закашлял. Небольшое красное пятно растеклось по вороту рубашки. Болезненная улыбка не сходила с его лица. Он будто с насмешкой смотрел на еле сдерживающую слезы Илу.

— Плевать! — слезы потекли по ее щекам, голос дрожал. Пробка флакончика с тихим щелчком слетела. Ила залила всю жидкость Пшибию в полуоткрытый посиневший рот. — Мы уже достаточно тебя проучили! Не хватало еще убийцей стать из-за... из-за какого-то...

— Вора, — тихо и хрипло закончил за нее Пшибий.

Он еще раз кашлянул, и новое пятно крови испачкало уже черкеску. Противоядие должно было подействовать в ту же секунду, но лучше ему не становилось. Паго вытянулся, осматривая его, как детектор, с ног до головы.

— Такого не может быть... — Лекарь запаниковал и дернулся, задев хвостом горшки с растениями в другой части комнаты. — Противоядие, которое я дал тебе, Ила, приготовлено по идеальной формуле, много раз протестировано... Ему должно... должно... — Змееподобное тело Лекаря извивалось, издавая неприятный звук.

— Противоядие сделано правильно, но... — Пшибий положил руку на грудь, рядом с газырями черкески. Каждый вдох давался ему с трудом. — Просто не нужно было класть его рядом с кулоном одиннадцать дней назад.

Пшибий трясущимися руками достал флакон из газырей, где было много других баночек со средством от блох.

Глаза Илы расширились, Лекарь замер как вкопанный. Пшибий поднес флакон ко рту, зубами сорвал пробку и разом выпил. Он зажмурился, потряс головой, и постепенно его кожа стала приобретать более здоровый цвет, а в глазах появился прежний блеск.

Ила закрыла лицо чешуйчатыми руками и тихонько завывала.

— Зачем все это было?! Столько дней, столько сил! Ты просто подменил флакон! — Она оскалилась, и в ее глазах загорелась ярость. — Что это за глупый план? Поиздеваться решил? Чтобы...

— Ни в коем случае! — сказал Пшибий, быстро вскочив и пятась в сторону выхода, пока Ила и Паго были сбиты с толку. — Гляди, что у меня есть!

Он засунул руку под черкеску, покопался во внутренних карманах и извлек оттуда изящный металлический шар, состоящий из десятков тонких колечек и маленьких лампочек. Шар болтался на серебряной цепочке, которую Пшибий тут же повесил себе на шею. Ила хотела наброситься на него, но услышала жуткий шум в другой части комнаты.

...Одиннадцать дней назад Пшибий украл этот кулон вместе с противоядием. Он знал, какие функции встроены в кулон, потому что хорошо умел слушать и подслушивать. Когда Пшибий заметил, что после кражи за ним кто-то следит, он убедился, что план работает. Тогда он отнес кулон своему другу, знавшему толк в ювелирных изделиях, — перекупщику Калекуту. Калекут предлагал Пшибию огромные деньги за кулон, но у Пшибия была идея получше. Он заменил кулон на дешевую бижутерию похожей формы и попросил Калекута сделать вид, что тот купил его и якобы тут же случайно сломал, уронив на него тяжелый ящик. И все это на виду у желтых глаз, подсматривающих в мутное окно.

Кулон Илы связывался напрямую с сознанием через нервную систему носящего. В серебряную цепочку были встроены крошечные коннекторы. Эта дорогая технология использовалась также в конструкции ГРОММа, и она наделяла устройство невероятными функциями. Надев кулон, Пшибий почувствовал особую связь с...

— Мои блохи вырвались из клетки! — Паго рванул за удирающим Пшибием. — Он управляет блохами!

Ила прыгнула в его сторону, но ее сбила бегущая блоха. Лекарь держал их у себя, чтобы Ила могла обучиться управлять блохами и помогать ему в работе. Например, с переливанием крови. Но теперь они сбивали ее с ног, топтали и носились, снося все на своем пути. Длинной они были метра полтора. «Даже больше, чем я рассказывал тому несчастному борову», — подумал Пшибий, мчась по украшенному картинами коридору. Он остановился перед своей настоящей целью, ради чего он столько мучился. Предмет, цена которого стремится к такому значению, что Пшибий смог бы... легче сказать, чего он не смог бы.

Быстро сняв картину с петель, он водрузил ее на одну из блох, привязывая «Фокусника» к хитиновой щетинистой спине веревкой Илы.

— Стой! Стой, паршивый негодяй! — Ила неслась вслед за тройкой блох, управляемых усилиями сознания Пшибия. Она врезалась в стену, не вписавшись в поворот.

Пшибий с разбегу прыгнул на ближайшую свободную блоху и схватился за ее усики. Блоха встала на дыбы, как лошадь, и помчалась вперед — мимо сидящих на лавочках больных, мимо аккуратных клумбочек, мимо отдыхающей в саду выздоровевшей лошади, мимо платформы. В конце концов, сделав гигантский скачок, она очутилась на соседней ветке. «Я совершил кражу века и теперь удираю на громадной ручной блохе!» — думал Пшибий. Ветер бил ему в лицо, листья и ветки мелькали перед глазами, голова кипела. За ним следовал еще табун из десяти блох, одна из которых несла шедевр мировой живописи на спине.

Люди кричали от страха, когда блохи приземлились на крышу дома, прыгнули со спортивной площадки в школьный двор, со свистом пронеслись по центральной улице, маневрируя между прогуливающимися людьми, но Пшибий кричал не от страха, а от радости.

Блоха остановилась на самой низкой ветке Бжея и рыла землю лапками, готовая к новому прыжку. Немного поразмыслив, Пшибий приказал блохе прыгнуть под Бжей, в восточную часть пригорода.

Ее лапки согнулись, затем резко вытянулись, и через пару секунд они оказалась напротив маленького деревянного магазинчика с потертой вывеской: «Перекупка, обмен, консультации на любую тему». Пшибий спрыгнул с гладкой спины блохи и по привычке погладил ее по боку. Конечно, гладить лошадь намного приятнее. «Противная, но по-своему забавная. И крайне полезная для блохи», — подумал Пшибий и отряхнул одежду.

Усилиями сознания он дал команду всем блохам спрятаться в лесу, около реки.

Людей в этой части пригорода было мало. Пшибий наконец мог перевести дух. От яда осталась только слабость, головная боль и след от укуса на руке. Он немного постоял, слушая пение птиц, потом вздохнул и открыл скрипучую дверь магазинчика.

Дверной колокольчик тихонько зазвенел и разбудил продавца, уснувшего за прилавком. Пахло пылью и сладковато-пряными духами.

— Калекут, друг, просыпайся!

Пшибий быстрой походкой прошелся по скрипучему дощатому полу. Перекупщик дернулся и поднял голову, позвякивая украшениями на рогах. Он удивленно посмотрел на Пшибия своими горизонтальными зрачками.

Пшибия всегда забавляла непомерная любовь Калекута к украшениям и излишествам: все эти кольца, цепи, даже обвешанные всякими безделушками огромные закрученные рога и заплетенная в косичку козлиная борода. И в таком же стиле содержался его магазинчик — горы тканей, подержанных гаджетов, украшений, пуговиц, книг, отверток, кремов и всего на свете. Калекут настолько тщательно старался выдерживать свой стиль, что использовал только свечное освещение, добавляя магазину особой ауры.

— Чего ты такой напряженный, брат? — Калекут протер заспанное лицо. — Случилось что?

— У меня серьезное дело. — Пшибий наклонился над прилавком. — Сюда придет девочка такая... Серо-зеленая, а глаза желтые. На змею похожа. Зовут Ила. Ты передашь ей это. Хорошо?

Калекут наострил пушистые уши. Пшибий снял с шеи цепочку, но не спешил отдавать Калекуту, крепко сжимая в руках.

— Так это же, ну... то самое! — Во взгляде горного тура читался скепсис. — Он стоит как штук пятьсот моих магазинов. Какого шайтана я отдам кулон?

Это была реакция, которую Пшибий ожидал. Калекут был человеком строго прагматичным, и даже старая дружба не могла этого изменить.

— Когда у тебя были проблемы — я помогал. С самого детства, помнишь? — Он улыбнулся своим воспоминаниям. — Сначала прикрывал тебя перед родителями, а потом и перед всеми остальными. Когда ты попадал в неприятности — вытаскивал. Мы всегда помогали друг другу. — Пшибий стал на редкость серьезен. — Пожалуйста, выполни мою просьбу и на этот раз.

В магазине стало тихо. Калекут хрустнул пальцами.

— Это глупо. Я тебе лучше одну вещь скажу: оставь кулон себе. Или давай я продам его по хорошей цене. Прибыль поделим, как обычно...

Пшибий нахмурился. Калекут закатил глаза и покачал головой.

— Зачем тебе эта змея? У нее, наверное, еще много таких безделушек.

Пшибий покрутил в руке кулон на цепочке. Он смотрел, как огоньки на кулоне переливаются, как крутятся металлические колечки и как красиво они блестят при свете свечи. Свеча,

разумеется, ненастоящая. Впрочем, как и все в этом магазине. Сплошные подделки.

— Молчишь? — Калекут недоуменно посмотрел на друга.

Пшибий положил цепочку на стол, размял кисти рук и вдруг резким движением схватил удивленного Калекута за бороду. В глазах Пшибия загорелся огонь.

— Только попробуй спрятать или продать кулон — я тебя заставлю эти деньги сожрать.

Он ощерился. Калекут испуганно устался на него.

— Никакие деньги не спасут тебя, если ты меня предашь. Понял? Никакие!

— Да ладно тебе... — Калекут зашипел и вытянул руки перед собой. — Отпусти. Я тебе нормально сделаю.

Пшибий не отпуская.

— Знаю твое нормально!

Пшибий дернул его за бороду. Он хотел потянуть сильнее, но потом осекся и резко разжал хватку. Лицо его неожиданно стало тоскливым.

— Ладно... Извини меня, — с этими словами Пшибий бережно подвинул кулон ближе к Калекуту и посмотрел на него смягчившимся взглядом. — Можешь не обещать. Я верю, что ты поможешь. Зря я...

— Торговец! — кто-то с силой ударил в хлипкую дверь.

Калекут вздрогнул и бросился прятать разный хлам, шурша и звеня вещами. Казалось, он старался успеть затолкать в потайные ячейки весь магазин.

— Мы знаем, что ты там!

— Черт!

Пшибий уже не успел бы убежать.

Комната заполнилась полицейскими, каждый второй — барс. Один из них подошел к спокойному на вид Пшибию. «Только бы не Лекарь их вызвал», — нервно подумал Пшибий.

— Я тебя знаю, Пшибий, — в голосе мужчины-барса звучала агрессия. — Это уже не первая жалоба и не первое задержание.

— Какой Пшибий? Это никакой не Пшибий, это мой двоюродный... — Калекут пытался исправить ситуацию, наигранно хихикая и незаметно пряча кулон в потайной карман. Полицейский жестом приказал ему замолчать.

— Знаешь что, торговец? — Он по-кошачьи ощерился. — Тебя накажут. Я внесу тебя в реестр людей, которым навсегда запрещено посещать Бжей. Понял? Появишься там — сразу отправишься в клетку.

— За что?

Пшибий задал этот вопрос совершенно искренне.

Барс хотел ответить, но на пороге, злой и пыхтящий, вырос уже знакомый Кабан. Он показал пальцем на Пшибия и завопил:

— Да! Этот торгош и есть мошенник, продающий воду от каких-то... — Он с трудом вспоминал от кого. — Больших блох!

Пшибий засмеялся. Он смеялся громко, наклонившись вперед и положив руки на колени, вводя в недоумение Калекута и всех полицейских в комнате. Дикий смех кончился, когда двое схватили его под мышки и повели прочь из магазина. Пшибий повернулся к Калекуту. В его взгляде читалась надежда. Калекут дернулся, прогоняя холодок, ползущий по спине.

«Как приятно пересесть на коня после езды на блохе», — думал Пшибий, проезжая по лесу. Полицейские разрешили ему забрать Кореша, чему он был несказанно рад.

Стемнело. Тяжелые грозовые облака затягивали небо, закрывая горы. Пшибий почти час выискивал ту самую блоху с картиной на спине. Она нашлась недалеко от речки. Блоха легко позволила Пшибию отвязать «Фокусника», после чего попыталась присосаться к ноге, но он избежал укуса, легонько пнув ее в брюшко.

Картину он спрятал в непромокаемую сумку и повесил на коня. Радость омрачали только два вопроса: сможет ли он когда-нибудь снова попасть в любимый Бжей и отдаст ли кулон Калекут.

От грустных мыслей Пшибия отвлек появившийся на горизонте человек, закутанный в плащ.

— Направляешься в Бжей? — спросил Пшибий незнакомца, когда их дороги пересеклись. — Осторожно, там развелись гигантские блохи, сам только что видел! Будешь реку проезжать, может, встретишь. Они аж досюда добегают! Лошадей до самых костей жрут.

Он спрыгнул с коня и ухмыльнулся, глядя в глаза незнакомцу.

— Но тебе повезло, ведь у меня есть эффективное средство...

Тимур АЛИЕВ

ОХОТА НА ДРАКОНА

РАССКАЗ

— **О**хота на дракона? Че, серьезно?..

Я вскинул голову. Здоровенный блондин с внешностью словно из шведского кино недоверчиво кривил губы, глядя на мой рекламный стенд с крупной надписью: «Охота на дракона. Гарантия 200 %».

Неужели клиент? Третью неделю без нормальной еды, на энергетиках, заказ был мне нужен как глоток кислорода на вершине Эльбруса.

Я навел на него встроенный анализатор. Та-ак, есть наведенная маска, он, конечно, не швед на самом деле, скорее, лысоватый коротышка, но зато без каких-то коварных чипов, обычные навигатор и анализатор.

— Уважаемый, даже не сомневайтесь, — как можно убедительнее сказал я. — Хлебом клянусь, все самое аутентичное. Хочешь, сертификат покажу? — Я вытащил из-под прилавка ворох бумаг. — Откуда ты, брат?

«Брат» проигнорировал мой вопрос:

— Где-то я видел эту картинку.

На плакате рыцарь в сверкающей броне и на коне пронзал копьем рогатого змея. Герб Москвы. Я его через Гугл вытащил, самое большое разрешение, какое нашел.

— Конечно, видел. Наша реклама везде есть... А вообще работа местного живописца, — небрежно заметил я и кинул на прилавок несколько документов.

— Если что, вот, смотри, лицензия на убийство, разрешения от природнадзора и санэпидстанции, талон на утилизацию тела...

Коротышка внимательно просмотрел их, махнул рукой.

— Ладно, верю. Только еще пара вопросов.

— Хоть двести, уважаемый. Спрашивай.

Он обвел руками вокруг. Во все стороны от меня уходили бесконечные ряды цветастых стендов турфирм, крутились зазывалы, орали глашатаи, обещавшие райское наслаждение тем, кто выберет их туристическую программу. «Три места на Сулакский каньон», «Восхождение на Эльбрус за один день», «Погружение в самое высокогорное озеро в мире» — эти возгласы были словно подвешены в пространстве и существовали сами по себе. Даже синева неба была запятнана воздушными шарами с рекламой «поездок на море на комфортабельных автобусах». И посреди этого бедлама потерянно бродили неопределившиеся туристы.

— У вас тут туристский базар, самый крупный на Кавказе, так?

Я кивнул головой.

— В России, брат, в России. Восемьдесят гектаров земли. Свой международный аэропорт. Двенадцать тысяч стендов, более ста тысяч сертифицированных гидов и экскурсоводов, туры в любой уголок Северного Кавказа, все покажем-расскажем, что было, чего не было...

Он прервал меня:

— Допустим. Но почему среди тысяч одинаковых предложений только одно ваше уникальное?

— Откуда знаешь, уважаемый? Ты по базару походи, посмотри, приценись.

Коротышка исподлобья глянул на меня, стукнул себя пальцем в районе виска.

— Встроенный анализатор. Я уже просерфил весь массив данных по рынку, включая то, что есть в интернете. Так вот, охоту на дракона предлагаете только вы. Как так вышло?

Я шутливо погрозил ему пальцем.

— Э-э-э какой, секрет бизнеса хочешь узнать? Хитрый, да?.. Ладно, вижу, ты человек серьезный. Тебе скажу. Другому не сказал бы, — я вздохнул. — Это наш семейный тур. Дед мой еще людей по нему водил, отцу передал. Отец туристов водил, мне передал. Я вожу, сыну передам. Место знаем тайное.

Клиент нахмурился.

— Сколько же у вас там драконов? Они уже давно должны были вымереть при таком подходе.

— Ты что, ботаник, что ли? Знаешь, как драконы шпили-вили делают? — возмутился я. — Они ж как кролики.

— Тогда почему их никто не видел до сих пор?

— Э-э-э, брат, снова в секреты лезешь? — упрекнул я коротышку. — Слушай, твоя пара вопросов уже закончилась. Давай поедем, а? Остальные вопросы по дороге задашь. Щас выедем, за-светло вернемся. На дракона днем надо охотиться.

Я решил добить несговорчивого клиента:

— А я тебе скидку сделаю, двадцать процентов.

— Пятьдесят, — быстро ответил он и добавил: — Я слышал, что у гидов есть своя клятва Гиппократы, как у врачей.

— Тридцать, а?.. Конечно, есть.

— Сорок. И по рукам? — спросил он.

— Тридцать пять. Клянусь Сусаниным, — сказал я, и мы пожали друг другу руки.

* * *

В прогретом салоне моего минивэна коротышка размяк, долго возился с электрическим копьём, что я ему вручил, и, успокоенный,

заснул. Оно и к лучшему. Меньше вопросов — меньше головной боли. А то еще спросит, почему двести процентов гарантии.

На въезде в Драконово ущелье я его разбудил. Он попытался было вернуться к игре в почемучек, спросил, почему я не завязал ему глаза, на что я постучал пальцем по его черепу и ответил, что его анализатор и так отследил дорогу, и он сконфуженно замолчал.

— Наш дракон не то что в Скандинавии, — сказал я, прерывая молчание. — Там они сидят в пещере на золоте гномов, а наши обычно охраняют источник.

— Какой источник? — не понял коротышка.

— Воды, конечно же, — засмеялся я, — не золота. Закроет своим телом родник, и все люди к нему на поклон идут, дары несут. А он наглеть начинает, то золота требует, то девственницу ему подавай.

— Не понимаю, — сказал клиент. — Вокруг столько воды, целые реки текут, при чем тут один какой-то родник.

— Родник роднику рознь, вода разная бывает, — заметил я.

— И откуда ты это все знаешь? — спросил коротышка.

— Семейный же бизнес, говорил ведь, — удивился я. — Из поколения в поколение информация идет...

Дорога начала портиться. Гладь асфальта сменилась вначале ровной грунтовкой, потом все чаще пошли колдобины. Клиента трясло, и он перебрался из хвоста салона вперед, сев рядом со мной. Дважды его обляяли местные волкодавы, что было очень кстати.

— Э-э-э, совсем забыл, — как будто вдруг произнес я при виде очередного пса, бросающегося на моего пассажира. — Тебя же маскировать надо. Вон каждая собака чужого в тебе видит. А дракон и подавно.

— Что подавно?

— Если дракон своего в тебе не признает, он не покажется. Дракон — осторожное создание, опасности не любит, потому его мало кто видит.

— Вы же давали гарантию, — возмутился коротышка.

— Э-э-э, все будет, только немножко маскировки надо. Сделаем немножко тебе маску, будто ты жена мне, дракон ничего не поймет.

Коротышка запротестовал:

— Не хочу превращаться в бабу.

Я попытался успокоить его, убеждая, что бабу в нем будет видеть только дракон и что вообще коротышка очень привлекательный, искусственному интеллекту даже много стараться не придется, чтоб он стал похож на женщину.

Он с сомнением оглядел себя и внезапно положил руку на руль.
— Тормози!

— Зачем? — не понял я.

Он сунул руку в карман, вытащил карточку с голограммой, помахал ею перед моим лицом.

— Туристская полиция, служба безопасности, — торжественно сказал он. — Внутренняя проверка. И вы ее не прошли. Никакого дракона не существует.

— Зачем так говоришь, брат? — обиделся я. — Зачем весь этот спектакль? Пришел бы как мужчина к мужчине, поговорил, разве я не открылся бы тебе, если ты открыт со мной?

— Специфика работы, — сухо заметил он. — Разворачивай колымагу. Будешь писать чистосердечное?

Он был настолько рад, будто поймал афериста, что мне было даже жаль разочаровывать его.

— Уважаемый, — промолвил я, — чисто от сердца хочу тебе сказать, что мы почти на месте. И если ты дашь мне полчаса, чтобы сделать тебе маску и голос и пройти еще сто метров пешком, то сам все увидишь... Вах, это что там такое?

И пока купившийся на детский трюк коротышка непонимающе смотрел в боковое окно, где ничего не происходило, я вырубил его электрокопьем. Нет, я не собирался убивать его. Но тур надо было завершить.

* * *

Привлекательной женщины из него не вышло. Обычная бабенка, немного широкая в кости, разве что молодая. Да и я особо не старался, времени и так не было.

Голос вообще не стал менять. Кто ему там даст болтать? Главное — визуальный образ. Иначе ведь дракон и не покажется. Как я и говорил, он создание осторожное. Охотникам никогда не откроется. Если и ловить его, то только на живца. А лучший червяк для такой щуки — это молоденькая девственница. Да только где ее достать сейчас? Вот и приходится использовать достижения современной науки — наводить фальшивый облик на туриста, чтоб дракон принял его за девицу.

Закончив с маской, я взвалил безопасника на плечо (тяжелый, гад) и потащил вглубь ущелья. С каждым шагом стены его все больше смыкались, а валуны, меж которых серебрился горный ручей, становились все громаднее и непроходимее. Я двигался по одному мне известной тропинке вдоль левого склона, она то терялась в камнях, то выворачивала на травянистый склон.

Один раз безопасник попробовал очухаться. Он даже успел издать какой-то сдавленный звук, как я снова вырубил его предусмотрительно захваченным копьём.

И почти тут же уперся в стену тумана, висящую над ущельем серебристым облаком. Задержав дыхание, я сделал шаг и вошел в него — перед глазами все поплыло, окружающий мир исчез, затем проявился, но нечетко, с искажениями. Что-то теплое словно коснулось моего лица, губ, отступило, и я вышел по ту сторону облака прямо в каменный мешок. Стены его уходили в небо, и я даже не видел их границ. Вода тут не струилась сверху и не падала потоком, как это свойственно водопадам, а била из-под земли. Огромная каменная чаша почти двух метров диаметром была доверху наполнена слегка кипящей, но при этом ледяной водой.

Я наклонился, пытаюсь рассмотреть в зеркале чаши свое отражение, и увидел, как медленно сходит с меня наведенная личина и проступает мое подлинное лицо — старое, морщинистое, заплетенное седыми волосами, словно я не человек, а какой-то лесной монстр. А затем воздух за моим плечом начал сгущаться, уплотняться, проступили вначале когти, потом лапы, хвост, все тело и, наконец, гребенчатая морда. В воздухе поплыл он, сам дракон. Не просто дракон. А один-единственный. Верховный. Саурмаг.

— Да, — сказал дракон, — парикмахер не помешал бы тебе, Сусанин.

— Это не поможет. — Мой голос внезапно стал хриплым. — Я бы хотел окунуться в источник вечной молодости.

— Что ж, — весело сказал Саурмаг, когтем подцепив лежащую у моих ног фигуру несчастного безопасника, — свою часть сделки ты выполняешь. Какая это по счету?

— Десятая, — отозвался я.

— О-о, юбилейная, — притворно обрадовался дракон. — Тогда как скажешь, Сусанин.

Его мощный хвост рванул ко мне и, ударив по ногам, опрокинул меня в каменную чашу. Ледяная вода хлынула в горло, на секунду мне показалось, что я умираю от мучительного удушья, и тут же все схлынуло, неведомая сила с легкостью подхватила меня, понесла вдоль краев чаши в безумном хороводе. Все тело словно пело, я варился в котле вечной молодости и чувствовал, как силы и энергия наполняют меня. В который уже раз я снова и снова обновлялся, чтоб через много лет испытать блаженство, неведомое никому в этом мире.

Артур ЦЕРЕКОВ

НЕЛЬЗЯ УМЕРЕТЬ ДВАЖДЫ...

РАССКАЗ

Иналу Козыреву в прошлый понедельник исполнилось восемьдесят семь лет. По меркам нынешнего 2124 года он пребывал в среднем возрасте, далеком от старости. На пенсию он вышел всего два года назад и теперь коротал время на своей горной даче, расположенной в самом сердце Куртатинского ущелья Объединенной Осетинской республики. Большую часть суток он проводил на вершине шотландского замка шестнадцатого века, распечатанного на строй-принтере последней модели. Прошлым летом Инал изготовил себе на летний сезон копию Коллизея, но соседи сочли эту постройку чересчур экстравагантной и с последнего уровня своей Пизанской башни открыто потешались над архитектурным вкусом Козырева.

Дни нашего героя проходили однообразно. С утра он ловил лостфорель в искусственной речке на окраине Фиагдон-сити, потом совершал пешие прогулки с обязательной стрельбой из антикварного карабина — на скорость, из разных положений. А далее весь день слушал музейного уровня винил и читал старинные подписки древнего литературного журнала «Завьял». На выходные к нему в гости приезжал любимый внук Камболат со своей неизменной «игрушкой» — портативным хронопортом. С помощью последнего он ежевечерне совершал вояжи в прошлые века и «радовал» деда самыми разнообразными сувенирами из минувших эпох — то пиратской шляпой-треуголкой, то всамделишным «испанским сапогом». А один раз он ухитрился протащить в свое время целый взвод кайзеровских гренадер времен Первой мировой войны. Эти парни были настолько голодны, что проглотили все съестные припасы Инала вместе с их пластиковыми тюбиками и уже стали приглядываться к дворовому псу нашего героя. Старшему Козыреву тогда пришлось сильно потрудиться, чтобы загнать эту экзотическую компанию под хронотранспортный луч и отправить восвояси — кормить блох в окопах близ реки Марна.

Бурная хронодеятельность внука в итоге привела к тому, что Инал, полностью сосредоточившись на практически бесперебойном функционировании временного туннеля, не заметил высадившихся в ущелье визитеров из соседней галактики. Это был экипаж инопланетного разведывательного парома, представители крайне агрессивной и воинственной межзвездной расы Покорителей, способных мимикрировать под любую форму жизни. Они бесшумно

высадились близ Барзикау-тауна и двое суток наблюдали за тем, что творилось в замке Козыревых, в том числе и за ужином хозяев в присутствии самых настоящих офицеров-янычар. Когда последние, откланявшись, отбыли в свое время, инопланетяне моментально приняли их внешний облик и дружно атаковали горный замковый комплекс.

Вызванные на место высадки галактического парома Силы Кавказской Безопасности в количестве роты стрелков-лагмарогов с ходу вступили в лучевую перестрелку с агрессором, но уже через час с небольшим были полностью перебиты безжалостным огнем бортовых орудий инопланетного корабля. Псевдоянычары на этой почве впали в состояние эйфории и завоевательского куража. Они обмотали гигантским канатом из неизвестного землянам материала вышеупомянутую копию Пизанской башни (она была сверхбетонным монолитом), прикрепили конец этой суперверевки к корме своего корабля и взмыли на нем в небо. Далее они принялись крушить этой башней, словно гигантским цепом, все близлежащие постройки. При этом стоял такой грохот, что казалось, будто сама группа AC/DC прибыла в ущелье из прошлого.

На подлете к замку Инала вражеский паром зацепился висящей на привязи башней, словно гигантским якорем, за массивный скальный выступ и сейчас же рухнул аккуратно на гигантский горный валун всего в сотне метров от шотландской цитадели. При этом половина его экипажа погибла, а вторая половина, ударившись головами о внутреннюю обшивку, мигом вышла из янычарского воплощения и приняла формы каких-то гигантских фантастических пауков и сороконожек. Всего через две минуты после крушения парома толпа этих чудовищных «насекомых» пошла на приступ козыревской горной твердыни. Инал вел по ним прицельный огонь из верного карабина, а чужаки в ответ вяло постреливали из переносных лучевых систем — их мощные стационарные бортовые орудия, оборудованные приборами сверхточного наведения на цель, «погибли» вместе с паромом. Именно поэтому старшему Козыреву удалось уложить добрую дюжину атакующих. После этого они с внуком спешно ринулись к гордо возвышающейся посреди замка центральной башне-цитадели. В самый последний момент Камболат успел захватить с собой свой верный хроногаджет...

Инопланетные чудища вскоре захватили почти всю территорию замка и пытались взломать массивную кованую дверь цитадели. Когда это им уже почти удалось, железная преграда внезапно открылась сама, и из нее на кауrom жеребце выехал устрашающего вида рыжебородый всадник в выцветшей на солнце черкеске с золотыми офицерскими погонами и с обнаженной кабардинской

шашкой в мощной руке. Инопланетяне, будучи, как было выше сказано, существами, не чуждыми гиперболизированной эмоциональности, опешили при виде нового противника — ведь они впервые видели человека на коне и приняли оба этих живых существа за единый организм, гарцующий на четырех сильных ногах и грозно сжимающий в руке весьма опасного вида стальную штуковину. Вид всадника настолько огорошил и деморализовал пехоту межзвездного агрессора, что она на некоторое время даже позабыла про свое грозное оружие. А зря — вслед за первым всадником из двери цитадели один за другим выехала еще сотня подобных кавалеристов и с обнаженными клинками в руках, высоко занесенными над головами, яростно атаковала незваных пришельцев. При этом самый первый рыжий бородач грозно проревел на всю округу:

— Джигит сиводна нэ знат пощада! Плэнний нэ брат! Всэх шайтан секир башка дэлат! Штоб нэ один шайтан жив нэ остал!

Через двадцать минут весь двор замка был покрыт порубанными уродливыми телами инопланетных вояк. Тогда младший Козырев на своем хронопорте нажал кнопку «реверс». Из аппарата вырвался рассеянный пучок света хронотранспортного луча, и попавшие в радиус его свечения всадники стали поочередно исчезать в свежеобразовавшемся хронотоннеле.

Когда последний кавалерист растворился в межвременном проходе, Инал взял из рук внука гаджет и прочитал информационно-вводные данные на мерцающем дисплее: «Время забора хроновояжеров — 11 июля 1917 года. Место забора — окраина города Монастержиско. Типы хроновояжеров — хомо сапиенс и парнокопытные. Общее название перемещаемой группы хроновояжеров — ударная кавалерийская сотня Осетинского конного полка 2-й бригады 3-й Кавказской казачьей дивизии».

Дочитав, старший Козырев поинтересовался у внука:

— Я не могу понять одну вещь: почему от лучей этих зверюг не пострадал ни один хроноперемищенный всадник?

Камболат весело посмотрел на деда:

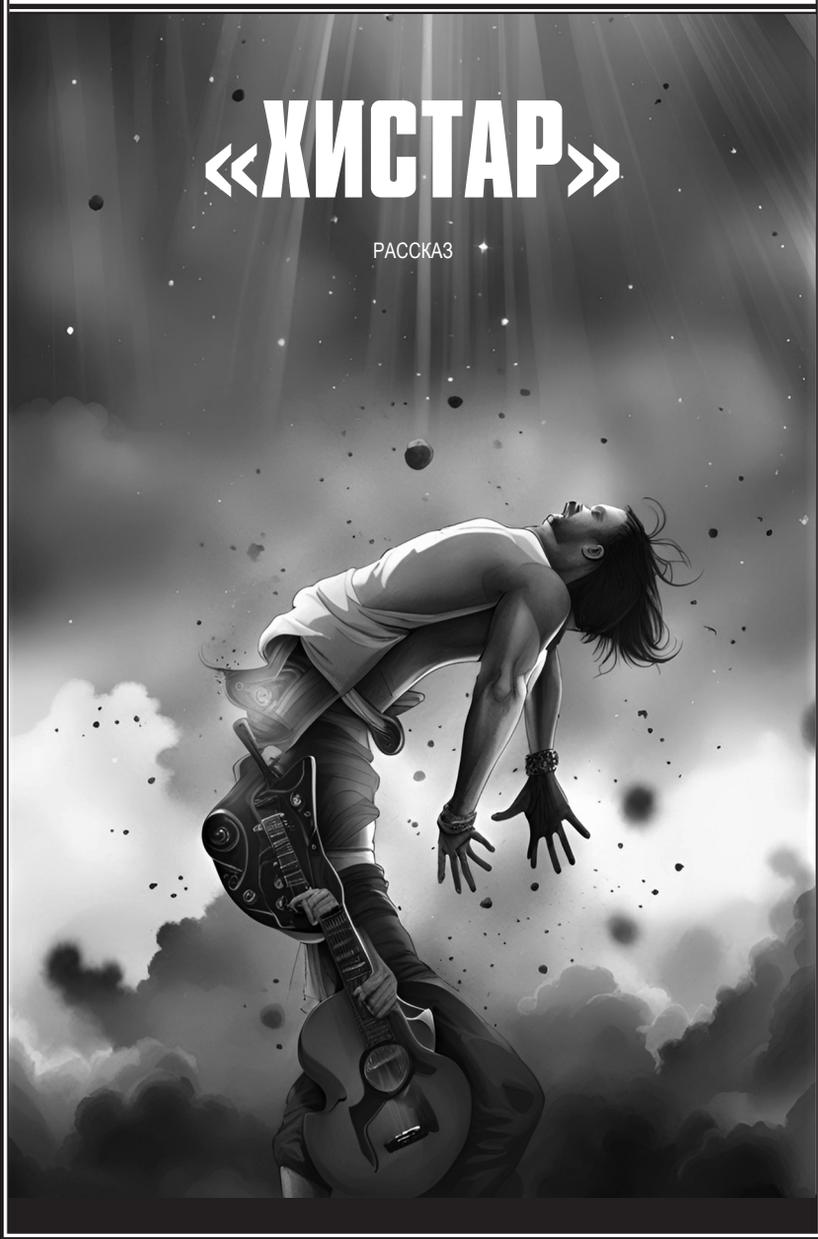
— Всего лишь потому, что ни один человек в подлунном мире не может умереть дважды. А эти уважаемые господа-кавалеристы уже однажды отошли в мир иной много лет назад. Все просто...

Инал молча вернул Камболату его «игрушку» и пристально взгляделся в бездонную черноту куртатинского ночного неба, слегка подсвеченного тусклым светом столь далеких и одновременно столь непредсказуемых в своей непостижимой загадочности звезд.

Хетаг ВАЛИЕВ

«ХИСТАР»

РАССКАЗ

В тридцатые годы двадцать первого века человечество достигло сингулярности, и за последующие десять лет произошел невероятный технический прогресс во всех областях жизни. Единственной загадкой, ответ на которую люди до сих пор не нашли, является тайна возникновения материи и, как следствие, человеческого разума. Поэтому правительство межконтинентальных объединений приняло решение с помощью квантовых компьютеров, подключенных к сознанию людей, построить модель человеческой цивилизации на основе населяющих ее этнических групп. Это может показаться дикостью для начала двадцать первого века, но в 2035 году было доказано, что помимо генетической информации человек несет в себе замысловатые нити культурно-этнического кода, расшифровать которые с помощью обычного компьютера не представляется возможным. И даже для квантового компьютера требуются квиндециллионы итераций и множество экземпляров человеческого сознания для построения точной структуры данных.

Эта информация позволит найти основополагающую метафизическую идею каждой национальной группы, а объединение таких данных укажет на канон — универсальный закон Вселенной, заложенный эволюцией именно в человеческий разум.

Предполагается, что канон является ключом к моделированию структуры пустоты, осознание которой неподвластно человеческому сознанию. И именно это даст ответы касательно всех вопросов природы времени. Звучит странно, но люди уже привыкли к тому, что научная фантастика прошлого становится реальностью настоящего.

На сегодня расшифровано чуть больше половины этнических групп Земли, и для ускорения процесса декодирования население стимулируется повышением базового дохода и неплохим бонусом в виде бесплатной очистки внеклеточного матрикса.

* * *

Уже прошло почти полтора века с начала Октябрьской революции, многие люди даже и не знают, кто такой Ленин, но он продолжает невозмутимо и гордо стоять в центре Владикавказа, связывая два века между собой. В нескольких десятках метров от памятника парень Ахсар играет на гитаре. На вид ему лет тридцать. Он невысокого роста, с по-собачьи грустным взглядом. Такие, как он, являются отголосками совсем недавнего прошлого. Тогда искусство и музыка делались руками, но с приходом технологий уличный музыкант стал атавизмом. Чем-то вроде чистильщика обуви. Сейчас люди могут смоделировать абсолютно любую композицию с необходимым набором эмоций в режиме реального времени. Хочешь, чтобы Кейт Буш пела на русском про трудные будни жизни в Сибири, — пожалуйста. А если у вас есть нейрочип с дополненной реальностью, можно еще все это дело визуализировать, добавив Моррисси с Робертом Смитом на подтанцовку. И все эти виртуальные голограммы неотличимы от живых людей.

Тем не менее, несмотря на явное поражение технологиям, Ахсар не желает признавать факты и продолжает свою, мягко говоря, бесперспективную музыкальную деятельность. День довольно жаркий, людей по улице проходит очень мало, и шляпа для монет, лежащая на асфальте, почти пуста.

— О, салам, брательник!

К Ахсару подходит полный лысый парень в спортивном костюме красного цвета, бросает монетку в шляпу на асфальте и протягивает руку.

Ахсар здоровается, но никак не может вспомнить человека перед собой.

— Че, не узнал?

Парень замечает озадаченность Ахсара и улыбается.

— Асик, ты, что ли?

Улыбка сразу выдала своего хозяина.

— Ну ты и раскабанел, — иронично замечает Ахсар. — Ты же вроде в Зеландии был?

— Да надоело там. Дома лучше, — отвечает Асик.

— Че ты, как ты? — улыбаясь, спрашивает Ахсар, но после того как он замечает чип, встроенный в левый висок Асика, улыбка сходит с его лица.

— Да так, ниче. Туда-сюда двигаюсь.

— Ты тоже, да? — неодобрительно говорит Ахсар, глядя на чип в виске.

— Че я тоже? — Асик замечает направление взгляда. — А-а-а. Ну да. Че там один раз к компу подключиться в день, а ББД в два раза больше платят.

— Это я знаю. Ты хоть понимаешь, что он делает там?

— Он там че-то вычисляет, и бабки капают. Че еще надо для счастья?

— Понятно, — произносит Ахсар и вздыхает.

— Кстати. Слышал, у Чочика пахан умер? — говорит Асик.

— Нет. Сейчас же нанороботы все контролируют? — заинтересованно произносит Ахсар.

— Да он тоже, как ты, Теодор Качинский... И тромб оторвало. — Асик щелкает пальцем возле сердца. — В общем, завтра похороны, приходи, если хочешь.

— Да, конечно, приду.

* * *

Хоть нанороботы могут поддерживать состояние всех биологических механизмов и органов, смерть все еще продолжает забирать людей время от времени. Во дворе Чочика последняя смерть была два года назад, поэтому на похороны его отца

собралось довольно много людей. Усатый мужик с огромным пузом стоит возле котла и с серьезным видом перемешивает мясо. Рядом с ним с таким же серьезным видом стоят другие мужчины, молча наблюдая за медитативным танцем воды в котле и потрескиванием огня. Среди наблюдателей значится и Асик, в этот раз он в черном спортивном костюме. К нему подходит Ахсар, они молча здороваются. Дабы скоротать время, Асик начинает разговор.

— А че ты по улицам играешь? — тихо произносит он.

— Нравится и играю. Плюс я на альбом коплю, — нехотя отвечает Ахсар.

— Ну ты электронный кошелек хотя бы заведи. Я в том смысле, что еле монетку откопал в мастерке.

— Не хочу. Там нужно биометрию проходить.

— Ну и че? Кому твоя биометрия сдалась?

— Сегодня биометрию собирают, а завтра будут, как собак, селекционировать, оставляя самых послушных.

Ахсар показывает глазами на собаку, которая тоже стоит возле котла, наблюдая за тем, как варится мясо.

— Я тебе говорю: ты страшилок начитался. А по монеткам ты сто лет на свой альбом будешь собирать...

— Аслан, дрова, — перебивает усатый мужик.

Асик молча подбрасывает два полена под котел.

— Щас. Кстати, недавно научились без чипа подключать к «Хистару».

Асик стряхивает с рук пыль.

— А почему «Хистар»?

— Да у нас этот комп так называют. А так у него какое-то странное название, фиг запомнишь.

— Без чипа, получается, можно? — произносит Ахсар.

— Ну да. Тебя подключают к нему без чипа. И по бабкам нормально выходит. Пятьдесят штук за подключение. Но там технология новая, можно кукухой поехать, поэтому и платят больше, — говорит Асик.

— В смысле поехать?

— В прямом. Подключился ты к «Хистару», и, когда возвращаешься обратно, отходняки лютые, а некоторые вообще с ума сходят.

— А ты когда подключаешь, что видишь там?

— Да ничего я не вижу, просто как будто поспал. И еще за это бабки платят. Мне этого достаточно.

Ахсара перспектива петать на пустых улицах месяцами для записи альбома не очень воодушевляет. К тому же из-за севшего голоса он минимум неделю не сможет выступить.

— А где можно подключиться к этому «Хистару»? — спрашивает Ахсар с твердым намерением подключиться.

— Там, на Молоканке, знаешь же больничку? Там в смысле ремонт, как во дворце, я его все.

— Помню, мы там в детстве на заброшке стекла выбивали камнями, — говорит Ахсар.

— Да-да. Это там.

Асик начинает смеяться, но потом вспоминает о мероприятии, на котором находится, и резко останавливается, смущенно глядя по сторонам.

— Асик, райс!¹

Усатый мужик, отвечающий за мясо, подвигает Асику огромный деревянный поднос, и размерами, и формой напоминающий носилки. Асик берет за ручки «носилки» с одной стороны, Ахсар — с другой, а усатый мужик со своим напарником заполняют поднос мясом.

* * *

Больница на Молоканке с идеально белыми симметричными стенами и маленькими круглыми светоотражающими окнами напоминает космический корабль. Ахсар останавливается возле входа и, сделав глубокий вдох, заходит внутрь. Отступать некуда. На ресепшене его встречает приятного вида молодая блондинка.

— Здравствуйте! Чем могу помочь? — произносит блондинка.

— Здравствуйте. Я по поводу подключения.

— Спасибо за визит! Проходите.

Блондинка неестественно улыбается, показывает рукой на стену, в которой появляется дверь лифта.

Ахсар заходит в лифт и только тогда понимает, что разговаривал с роботом. Блондинка неподвижно зависает, но спустя несколько секунд возвращается в исходное положение. Лифт трогается. Точнее, не лифт, а некое подобие вагона. Он едет горизонтально и очень быстро. На панелях со всех сторон

¹ Райс (*осет.*) — возьми.

появляется сверхреалистичное изображение леса, Ахсар будто бы пролетает мимо деревьев и чуть не врезается своим летающим вагоном в желтохохлого какаду. К счастью, виртуальный попугай успевает сменить траекторию. Из-за страха высоты Ахсар даже и не думает смотреть вниз. Он вспоминает, когда последний раз был в настоящем лесу, но вспомнить не может. Это немного портит настроение, однако даже такая, виртуальная, красота природы очень сильно вдохновляет. Вагон останавливается. Живописный лесной пейзаж сменяется ослепительно белым цветом стен. Дверь открывается, и Ахсар выходит в комнату.

— Здравствуйте! Спасибо за вклад в будущее человечества! Пожалуйста, проходите, — доносится из динамиков.

Только непонятно, откуда этот звук: он как будто идет со всех сторон.

Ахсар осматривает комнату. На стене проецируется огромная голограмма в виде карты Земли с постоянно появляющимися и бегающими туда-сюда точками. Часть стран уже полностью окрашена в красный цвет. В центре комнаты располагается кресло, похожее на стоматологическое. Рядом с ним небольшой стол с компьютером. Больше ничего в комнате нет. Ахсара пугает отсутствие людей, он был бы рад видеть здесь даже робота с ресепшена. Некоторое время Ахсар стоит возле вагона, дверь в который все еще открыта. Можно просто спокойно уйти из этой пугающей комнаты, но он решает остаться. Сейчас им движет даже не жажда легкой наживы, а любопытство. Что за этнический код? Человеческий канон? Бред какой-то. Что же там может показать «Хистар» такого, что некоторые люди сходят с ума, а некоторые, как Асик, вообще ничего не видят? С утра он даже успел почитать немного подробнее про этот компьютер, но так ничего и не понял. Ответы на эти вопросы можно узнать только опытным путем. Ахсар медленно подходит к креслу. Загорается монитор компьютера.

— Пожалуйста, посмотрите на экран, — произносит голос из динамиков.

Ахсар смотрит на экран, и буквально в это же мгновение там появляются его имя, фамилия, год рождения, антропометрические параметры и даже последовательность нуклеотидов его ДНК. Ахсара это очень удивляет. Как машина могла получить о нем столько информации за долю секунды?

— Спасибо. Пожалуйста, располагайтесь.

Кресло автоматически настраивает нужную высоту под рост Ахсара. Он садится в кресло, в его шею вонзается небольшая иголка. Ахсар ее даже не чувствует и очень быстро засыпает.

* * *

Ахсар приходит в себя на берегу реки. Он весь мокрый, но почему-то холода не ощущает. Напротив, так комфортно, как сейчас, ему давно не было. Ахсар встает и осматривается, но видит вокруг только горы. Никаких признаков цивилизации. Ни проводов, ни домов, ни вышек связи, абсолютное господство природы. Он не знает, куда двигаться, и даже не знает о том, что сейчас подключен к машине. Он будто неотъемлемая часть всего, что его окружает. Река, дерево и камень ощущаются чем-то родственным и важным. Несколько минут он просто сидит на берегу и созерцает пейзаж перед собой. Но его внимание отвлекает на себя девушка в сотне метров от него. Она стоит возле дерева и задумчиво смотрит вдаль. На ней белое платье и ободок из одуванчиков на голове. Если бы нужно было найти олицетворение слову «совершенство», то эта девушка была бы отличной кандидатурой.

— Где здесь люди? — кричит Ахсар, глядя на девушку.

Но она не обращает на него внимания. Ахсар поднимается на ноги, но поскользывается и падает обратно на берег. Он снова смотрит в ту сторону, где была девушка, но ее там больше нет. Подбегает к тому дереву и осматривается. Ахсар замечает следы и идет по ним. Они приводят его в лес. Он заходит все дальше и дальше, крапива жжет ноги, но Ахсар этого не замечает. Возле куста смородины следы обрываются. Ахсар оборачивается назад и не видит конца деревьям. Он заблудился, устал и сильно проголодался. Ахсар садится на корточки и срывает с куста плоды. Так он съедает ягоды с целого куста смородины. После этого очень хочется пить. Ахсар срывает с деревьев листья в надежде, что на них все еще осталась утренняя роса. Нет, ни капли. Ахсар начинает жевать листья, чтобы хоть как-то утолить неумную жажду. Он пытается найти следы, по которым пришел, но не может. Почва будто снова стала однородной. Теперь он один, а вокруг бескрайний лес. Ахсар осматривает корень дерева и находит на одной из его сторон мох. Он помнит из

детства, что по мху можно определить сторону света, но не помнит, какую именно. Север или юг? Впрочем, это неважно. Пусть будет хоть какой-то ориентир. Так он хотя бы не будет ходить кругами и в конечном счете куда-нибудь придет.

Ахсар встает и резко ощущает холод, словно он только сейчас вылез из той реки. Он начинает дрожать до скрежета зубов. Злость и усталость, скопившиеся за эти безумные часы, гармонично уравновешивают друг друга. С одной стороны, хочется все бросить, но злость и понимание того, что лежащий посреди леса безоружный человек может быть легкой добычей для хищников, заставляют Ахсара не сдаваться. Чтобы согреться, он решает бежать в том направлении, на которое указывает мох. Однако бег в густом лесу — не лучшая затея. Спустя двадцать минут Ахсар наступает в капкан, спрятанный под листьями. Он кричит от боли. У него начинается кружиться голова, перед глазами двоится. Он садится на землю, облокотившись о дерево, и смотрит на истекающую кровью ногу, пойманную в охотничий капкан. Но у этого события есть и хорошая сторона. Значит, где-то должны быть люди, даже если девушка — это галлюцинация, то эта адская боль и кровь доказывают, что люди здесь все-таки есть и это не сон.

— Помогите! — кричит Ахсар.

Никто не отзывается, лишь лесное эхо дразнит его, повторяя жалобный крик все тише и тише. Так Ахсар пытается время от времени докричаться хоть до кого-нибудь, что приводит его лишь к потере голоса. Он больше не может кричать. Пить хочется еще сильнее. Ахсар, встав на здоровую ногу, срывает большую ветку с дерева. При попытке сорвать вторую он падает на раненую ногу, но не может даже закричать. Слышен лишь глухой стон. С трудом ему удается встать снова, и он, опираясь на ветки, как на костыли, медленно идет по лесу в надежде найти хоть что-то похожее на следы цивилизации.

По ощущениям уже часов шесть вечера, начинает темнеть. Ахсар теперь более внимателен, наступить в еще один капкан он не хочет, а в темноте вероятность этого очень сильно возрастает. Поэтому Ахсар принимает решение сделать привал. Хоть еще довольно рано, он чертовски хочет спать, поэтому просто ложится под первое попавшееся дерево и моментально засыпает. Даже хищники уже не пугают его.

Ахсара будят капли воды, падающие на него с веток. Ему повезло, что он оказался под массивным дубом. Дождевая вода до него почти не доходит, причем снаружи льет самый настоящий ливень. Ахсар высовывает голову из-под кроны дерева и с жадностью ловит капли дождя. Так он выпивает литра два воды и прячется под деревом полностью промокший, но утоливший жажду. Он даже на некоторое время забывает о том, что его левая нога попала в капкан, но тупая ноющая боль вскоре дает о себе знать. Дождь заканчивается, и Ахсар двигается дальше. Около полудня он замечает на опушке леса маленький деревянный домик с рогами оленя над дверью. Наконец-то. Ахсар уже думал, что умрет. Нога начинает гноиться, и он почти не чувствует своей стопы. Эти несколько минут пути ощущаются им как вечность.

* * *

Наконец он доходит до двери и нетерпеливо стучит в нее несколько раз. Никто не открывает, и Ахсар дергает за ручку. Не заперто. Он небрежно толкает дверь.

— Есть кто? — очень тихо хрипит Ахсар.

Никто не отвечает. Ахсар осматривает прихожую. Кроме пустого винтажного шкафа в ней ничего нет. Поэтому он решает проверить комнаты.

Комнаты располагаются прямо напротив входа. Ахсар открывает дверь в первую и, волоча большую ногу по полу, заходит внутрь. Это кухня. Еды, к сожалению Ахсара, нет. На стене висит выцветший плакат с изображением персонажей из нартского эпоса. На стене также красуется целый комплект ножей. Часть из них уже заржавела. Ахсар берет уцелевший нож и пытается с его помощью снять капкан с ноги. Спустя час мучений, в нескольких местах глубоко порезав ноги, он все-таки освобождается от капкана. Потом снимает рубашку и использует ее для перевязки ран. Ахсар смотрит на капкан и улыбается. На кухне ничего больше нет, поэтому он ковыляет в соседнюю комнату.

Она выглядит более интересно. Огромные панорамные окна до потолка открывают живописный вид на горы, на стенах висят абстрактные картины. В центре стоит допотопный компьютер с

ЭЛТ-монитором, к нему по потолку и по стенам протянуты сотни проводов. Кресла рядом с ним почему-то нет. Но самое странное то, что на экране отображается берег, на котором очнулся Ахсар. Он узнал это место сразу. Первое предположение Ахсара: это просто заповедник, а домик — хижина зрителя. Но как тогда работает эта камера, если вокруг нет электрических вышек и проводов? И почему никто не отозвался на его крики? Все это очень странно. Ахсар подходит ближе к компьютеру. Мышь и клавиатура никак не реагируют на его манипуляции. Ахсар со злостью стучит мышкой по столу. Присмотревшись к экрану, он видит человека, принесенного рекой на берег. Ахсар вглядывается в пиксели монитора и узнает себя. Вот появляется девушка с ободком из одуванчиков и выходит из кадра, он бежит за ней.

Ахсар, недоумевая, несколько минут смотрит в одну точку. У него не осталось сил даже на эмоциональную реакцию. Ахсар ковыляет на кухню и возвращается с ножом. С его помощью он перерезает все провода, подключенные к компьютеру. Комната потихоньку начинает поглощаться темнотой, и вот уже панорамные окна с живописным видом за стеклом превращаются в абсолютную черноту. Ахсар полностью ощущает себя как личность и даже чувствует свои части тела, но, так как тьма поглотила весь свет, он ничего не видит. Пытается сделать шаг, но не чувствует пол у себя под ногами, Ахсар просто топчется на месте. Но зато он отчетливо ощущает, что пустота вокруг расширяется все больше. Ахсар боится, что тьма поглотила и его тело, поэтому пытается слепо нащупать рукой место, к которому прицепился капкан. К счастью, он чувствует свою ногу. Но облегчения это не приносит. Ахсар не понимает, что вообще происходит и куда он попал. Он уже начинает верить в свое сумасшествие и мечтает лишь о том, чтобы все поскорее закончилось. Ему уже ничего не надо. Он молит всех богов вернуть его в ту хижину с капканом в ноге. Он будет питаться ягодами, может, если повезет, научится ловить зверей. Но каждая секунда этой пустоты приносит в десять раз больше боли, чем капкан. Сейчас он пленник собственных мыслей и страха, погруженный в бесконечность.

Он пытается зацепиться хотя бы за что-то, но непостижимые стены ограждают его от понимания окружающей пустоты. Он боится стать ее пленником. Со временем Ахсар начинает чувство-

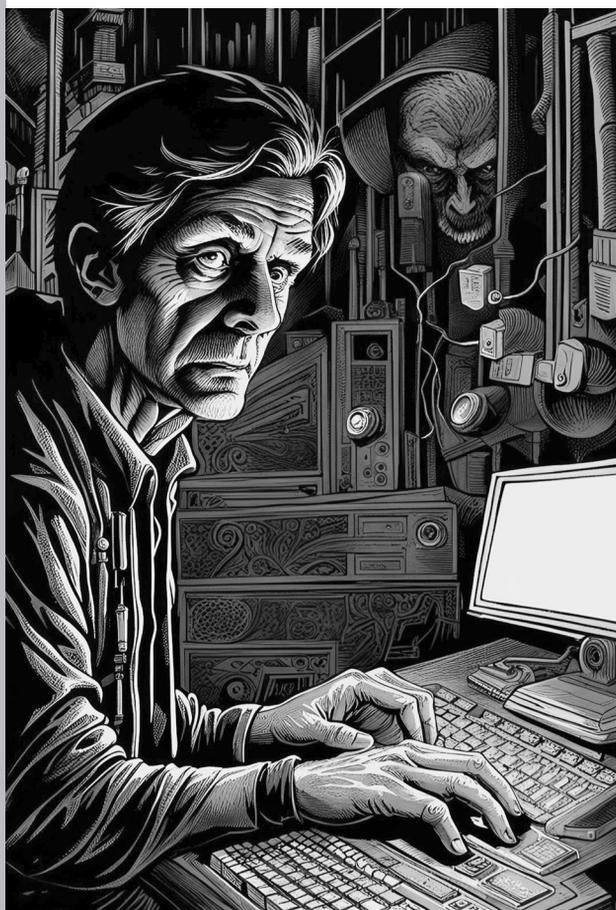
вать на метафизическом уровне закономерности четвертого измерения. Сегодняшнее утро, день и тысяча лет с текущего момента выстраиваются в абсолютно логичную структуру. Пульсация времени и пространства — словно музыка, которая играет у него в голове, и бесконечность, совсем недавно вызывавшая экзистенциальный ужас, также присоединяется к этой космической симфонии. Ахсар перестает чувствовать свое тело, и его сознание растекается по времени и пространству. Он превращается в живой мост между прошлым, настоящим и будущим, переплетаясь с бесконечностью. Он и есть бесконечность. Прошлое, настоящее и будущее сплетаются в едином потоке осознания. Полотно его мыслей становится узором внутри бездонного космоса. Они же и формируют его неизмеримую сложность и величие. Эта независимость от пространства и времени и переплетение с самой тканью Вселенной продлились всего несколько секунд в человеческом понимании, однако их было более чем достаточно. Ахсар вновь чувствует свое тело.

Ему начинает казаться, что где-то вдалеке тьма перестает быть абсолютной и появляются зачатки чего-то материального. Он уже ощущает землю под ногами. Локация, которая начинает вырисовываться вокруг, отдаленно напоминает кладбище. Старое, заброшенное кладбище с потрескавшимися от времени надгробиями. Пелена космической тьмы полностью отступает. Ахсар падает на землю и обнимает надгробную плиту. Имя похороненного человека стерлось от времени. Видна лишь дата смерти: 27.05.1842. Ахсар ложится рядом и смотрит на небо.

Адам САЛАХАНОВ

**ПРЕЗЕНТИЗМ:
ИНДЕКСАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА;
ПОЧЕМУ «ОН ИМ ПОДОШЕЛ»**

РАССКАЗ ИЗ СЕРИИ «ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ ЦИКЛ»

*Твое завтрашнее будущее окажется
не похоже на вчерашнее.*

Ч. Паланик.

Рэнт: биография Бастера Кейси

ПРЕДВАРИТЕЛЬНО

Бог знает, что из этого выйдет в конце концов. Но иного способа повлиять на грядущий апокалипсис лично я не знаю. А масштаб катастрофы такой, что ради его предотвращения следует хвататься за любую возможность. Даже за такую. В настоящее время — начало двадцать первого века — процесс запущен и, по всей видимости, необратим. Первым под раздачу попадет, как нередко это и бывает, наше многострадальное Государство Кавказ, из гор которого и вырвутся киборг-яджуджи и киборг-маджуджи (гоги и магоги в Библии) ввиду активации их кибер-даджалем (антихристом).

Против последнего и направлен этот мой проект.

Возможе**т**быть, тексту этому суждено стать тем самым юношей, которого, согласно преданию, нечестивый разрубит на две части за то, что обличит его. А потом воскресит ради демонстрации своего могущества. Но воскрешенный смельчак приведет сие чудо в доказательство своей правоты:

— Воистину, теперь у меня и сомнений нет в том, что ты и есть даджаль!

Как герой из стиха Дмитрия Хаски Кузнецова «Бог войны», судьба которого меняется перестановкой второго и третьего куплета, сновидение делает рокировку с реальностью.

Вот почему я нахожу эту задумку резонной. Само наличие этого послания в мире дает шанс если не уничтожить нечисть, то хотя бы обличить ее и вооружить потомков. Даже сейчас, в процессе письма, бескомпромиссность настроя запустить эту тексторпеду в воды пространства-времени для рикошета о «будущее» и перенаправления в «прошлое» заряжает меня флюидами корректировки «настоящего». И вспомнив, что эту троицу еще дедушка Эйнштейн называл разновидностями «упрямой, навязчивой иллюзии», мой отыгрыш на клавиатуре ноута ощущается как исполнение на синтезаторе классической сонаты на новый мотив. Так

что аж фрисоны по всей коже — от вибрации микроэлементов, из которых состоит то состояние мира, именуемое нами «реальность».

НЕМЫСЛИМО

Виновника — во всех смыслах всей этой заварухи — зовут Петр Васильевич Вставитов (очевидно, имя им самим же и придумано). Ректор института химии Санкт-Петербургского университета. Петергоф, Университетский проспект, 26. В этом заведении начинаются и — в стиле натапывающей сон собаки — крутятся в основном все его следы в этой истории. Неизвестно, был он фанатом Кастанеды или нет, но всю предыдущую личную историю он стер. И сейчас понятно почему.

В конце восьмидесятых в этом университете он познакомился с однокурсником — чеченцем Олхазуром Кохмираевым. Последний заступился за Петра в одной из уличных потасовок, и так завязалась дружба. Однокурсники вспоминали, что Петр даже подарил Олхазуру — зная слабости кавказцев — самодельный пистолет. И они стали кореша не разлей вода. А окончив институт, взялись преподавать там же химию.

Уже в середине девяностых Вставитов, выйдя через Кохмираева на санаторий в Чечне, с одобрения председателя СНГ Руслана Хасбулатова (как раз занявшего после удачного путча пост) запустил проект со странным названием «Томкюхкнец». Проект представлял собой повышающие иммунную систему прививки. Пандемия, получившая название «Херсиболх», косила людей, но прививки помогали сократить число жертв. И после вспышка повторилась в нулевых — опять же в Чечне и в соседних регионах, а далее в Грузии, на Украине, в Сирии и Африке. Но лекарство работало. А Петр все так же трудился в университете. Хотя внезапная кончина лучшего друга Олхазура сильно изменила его. Он стал флегматичным параноиком, замкнулся в себе и кроме чтения на автомате лекций, участия в проекте «Томкюхкнец», роботизированного ритуала приема пищи и отхода ко сну ничем не занимался.

Вскоре, однако, Петр немного воспрянул былым духом. И поводом тому стала парочка заряжающих его ностальгией и гордостью студентов. Чеченец и русский, которые вошли в историю как главные психонавты миллениума, больше известные как Каломес Серый Ангел и Пилот Баян Ширяев. Парни вгрызлись в химию, как волк и барс. И утвержденная еще Горбачевым легализация психотропных веществ в рамках научного эксперимента стала призванием и золотым сечением на полотне самореализации сего дуэта.

Когда друзья отдыхали на каникулах в чернобыльском санатории, именно Баян после съворотки Каломеса вынес из трипа теорию, что первой станцией путешественников во времени был Кавказ. Просто их называли греческими аргонавтами и богами, что явились за золотым руном и с наставлениями для людей, точкой локации для парковки Ноева ковчега на горе Арарат и прикуривателем для Пхормата (ака Прометей) и т. д.

С таким провенансом Государство Кавказ умножило звездочки в турагентствах, а парочка стала почтенными гражданами уровня главных достопримечательностей.

РАДИКАЛЬНО

В нулевые, когда Пилот и Калий окончили университет и переехали в Грозный, их бывший преподаватель Вставитов нырнул обратно в апатию, и на поверхность этого персонажа вынырнула истинная, демоническая его сущность (как оказалось, Вставитов надеялся, что отличники примут его предложение стать его подручными). Хоть поначалу он неплохо скрывал истинную личину, но демонстративно холодная реакция на славу и заказы от фармацевтов для своих учеников уже тогда явилась тревожным звоночком для *кое-кого*.

Как сейчас известно (а адресатам данного файла уж точно), проект Петра «Томкюхкнец» представлял собой зомбификацию в вассалов-палачей одних для исполнения геноцида над другими. И каждый ученый, журналист, расследователь, историк или просто свидетель, который подбирался тогда к этой тайне, расплачивался жизнью.

Вставитов умело готовил для своих жертв яды, или «зомбовожи», — исполнителям, для устранения нежелательных свидетелей. Чтобы до него не добрались. Хоть и за нулевые каждый год травились и расстреливались женщины и мужчины разных вышеупомянутых и не только профессий, попавшие в немилость серийного маньяка. Десятки жертв, имена которых я здесь приводить не буду. На случай, если текст этот попадет в руки и этой твари тоже. Чтобы он не смог улизнуть от тех потомков, которых, надеюсь, отправят по его душу. А им/вам, уверен, и так известны имена этих несчастных.

Главная причина, по которой ему в это десятилетие удавалось скрываться, это хайп-статус преподавателя вновь прогремевшей парочки — Ширяева и Каломеса. Тогда дуэт всковырнул из трипа самую спорную теорию начала двадцать первого века, которая помимо прочих уточнила и их собственную, предыдущую теорию.

Баян, мучимый вопросом, почему в священных писаниях ничего не упоминается о динозаврах, докопался через измененное сознание до теории «Нефтяные грядки».

Вот как ее описал сам Ширяев:

— Теория начинается с вопроса: «Как художник, живший около трехсот лет назад, мог изобразить объект, так сильно похожий на НЛО?» «Крещение Христа» — картина голландского художника Арентома де Гелдерома, тысяча семьсот десятый год. Далее петроглифы с пришельцами и тарелками в Египте, Индии и Мексике, в цивилизации Майя и т. п. Ответ: «Те же гости, что и в древний Кавказ, путешественники на машинах времени». Так вот, они — далекие потомки нефтематнагов в будущем — отправлялись/отправятся в девственные леса мезозойской эры, на двести пятьдесят два миллиона лет назад, в ту сторону. И благодаря развитой в будущем биологии и генной инженерии будут разводить динозавров и планктон. Чтоб дедушки путешественников во времени смогли получить свой коктейль из этих двух ингредиентов и назвать его нефтью. Круг замыкается. Плюс истории известно, что такие ученые, как Виктор Шаубергер, Николай Мышкин, Лестер Хендершот, Максим Филиппов, Альфред Хаббард и другие, предлагавшие свои изобретения, которые вырабатывают солнечную, эфирную, электрическую или какую-либо еще энергию без горючего, преследовались или умирали не своей смертью.

Разумеется, немало нашлось ученого и не очень народу, которые подняли теорию «Нефтяные грядки» на смех. Но Калий с Баяном на это просто коротко парировали:

— Скажите спасибо, что они провернули/провернут это до заселения Земли человеком.

Вскоре стало ясно, что говорить спасибо этим фермерам, мягко говоря, не за что.

И совсем иными красками заиграла острота Каломеса на нападках ученых, что, мол, Стивен Хокинг доказал невозможность путешествия во времени. Калий на это ответил, ухмыляясь:

— Если кто и захочет пойти на вечеринку к несчастному инвалиду, то уж точно не с подарком, способным менять мир и ход истории. Такие игрушки только для избранных.

ПРИЕМЛЕМО

Два слова о себе: автор рассказа.

И это все, что имеет смысл говорить о себе. Вот как я в этом убедился. Пять минут назад я натыкал сюда более-менее подробную биографическую справку. Но уже по ходу дела начал чувство-

вать нарастающую танатосную подавленность, чувство тревоги и головокружение. Поняв, что я себя тупо выдаю, задавил клавишу «стереть», и линия утопающих в молоке листа черных букв, подобно закачке зарядки, вернула мне силы.

Вывод: выдавая информацию о себе туда, в будущее, я выставляюсь под удар этой твари. И нажми я в конце «отправить», это сработало бы относительно меня как телепорт в небытие. Следовательно, отправить сие послание следует в бумажном виде. И в то же время это амбивалентная пасхалка; проект этот сработает — сто процентов.

В следующий период, на рубеже десятых, наш антагонист Петр нашел себе временную замену в университете, и пока этот алкопоссул втирал на лекциях заготовки Вставитова, сам автор ереси с головой ушел в свой дьявольский проект «Томкюхкнец».

Не сидели без дела и Калий с Пилотом. Как раз в это время они сделали третье (по шкале революционности) из своих открытий — теорию «Лабиринт Морфея». На этот раз Ширяев нырнул в самую глубь легенды «Советский эксперимент со сном», который произошел в конце сороковых прошлого века, и вывел, по его словам, суть опыта на чистую воду. До этого историю классифицировали как страшилку. Но Баян рассказал, что он четко разобрал (насколько в том измерении это возможно) роль испытуемых. Это были психонафты, которых держали без сна на протяжении недель, чтоб потом погрузить в самую глубь сновидений, в тот самый Лабиринт Морфея, в центре которого вместо минотавра есть лазейка в коллективное бессознательное. Непосредственно оттуда можно как раздавать, так и получать информацию вне времени.

Баян привел список примеров:

— Приснившееся Альберту Эйнштейну поле с коровами, что стало отправной точкой для теории относительности. Копья с дырочками, которые вдохновили Элиаса Хоу создать швейную машинку. Дмитрий Менделеев и его периодическая таблица химических элементов. Нильс Бор, увидевший во сне планеты, связанные веревкой и кружившие вокруг Солнца. А по пробуждении он смог представить модели атома и движение электронов. Аналитическая геометрия Рене Декарта пришла к нему из сновидения, как и структура бензолного кольца, явившаяся Фридриху Августу Кекуле. С той же ментальной локации пришла к Полу Маккартни и легендарная песня битлов Yesterday. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберту Льюису Стивенсону явилась оттуда же. Кошмарный сон Мэри Шелли, который подтолкнул ее к написанию классического романа «Франкенштейн, или Современный Прометей». Также Хулио Кортасар признавался,

что почти все его рассказы берут свое начало из сновидений и кошмаров, которые он записывал сразу после пробуждения. Джеймс Кэмерон и увиденные во сне «Терминатор» и «Аватар». Некоторые сцены из его фильма-катастрофы «Титаник», вышедшего на экраны в девяносто седьмом году прошлого века, также пришли во снах. Рафаэль увидел во сне образ своей знаменитой Мадонны. По словам самого Сальвадора Дали, картина «Постоянство памяти» — это воплощение на холсте его сна. Во сне к Данте пришел замысел «Божественной комедии», а к Гете — второй части «Фауста». Александр Грибоедов признавался, что сюжет «Горя от ума» ему приснился. Виктору Юго приходили во сне строчки его стихотворений. И даже «Мизери» Стивена Кинга родом из сновидений.

Подытожил все это Ширяев заявлением:

— А процесс передачи этих психокодов я увидел сам. Ноль сомнений относительно реальности такой коммуникации. Центр лабиринта и есть нирвана. И я понимаю, почему последними словами последнего подопытного были: «Так... почти... свободен...»

Следующей миссией психонавт наметил ответ на вопрос: «Есть ли жизнь после смерти?» Вы, должно быть, видели эти мудацко-мемные фотографии «Когда бро — твой будильник» закемарившего Калия у койки Баяна на третьи сутки пребывания последнего в коме.

Полагаю, Ширяев нашел ответ на свой вопрос. Но не стал тащить его в этот мир. Он прошел измерение комы до конца и вышел с той стороны. А проснулся из дуэта только Каломес — на звук перманентного писка выровнявшегося в линию пульса Баяна. Как будто устав рисовать на мониторе эти зеленые горы Кавказа, которые любил всем сердцем, и прямой полосой кометы перечеркнул все временное по эту сторону. Вбежавшая сестра позже расскажет, что посетитель смотрел на лицо лежащего глазами, полными слез. Кивнул ему, как будто соглашаясь в чем-то с ним, обернулся к ней и сказал:

— Не дергайте его зря дефибрилятором, он не вернется.

Лично я уверен, что это была ловушка с той стороны. И не могу не вспомнить фразу Джона Леннона в одном из последних интервью, за неделю до того, как его застрелили: «Мы не должны забывать всегда благодарить ЦРУ и Армию за ЛСД».

РАЗУМНО

К концу десятых оставшиеся два гуру химии были в ударе. Калий — в траурном, а Петр — в садистском. Через подручных зомби Вставитов создал целые секты, которые были больше похожи

на армии фанатиков. И как одержимые ассасины, которыми в принципе они и были, уничтожали всех, кто даже пытался критиковать вакцину, созданную Петром.

Он уже не гнушался убивать своих критиков в любой точке мира, хоть за границей, хоть в самом центре столицы СНГ, хоть в глуши на окраине, исполняя эти гнусности лапами и клыками своих ручных зверюг в человеческом облике, благодаря которым у него давно отпала необходимость беспокоиться о счетах в банках. Но из университета он не уходил — как сейчас известно, по причине беспалевного доступа к любым химическим элементам.

Главный офис своего проекта «Томкюхкнец» он соорудил возле пещеры Крубера, что находится в Абхазии. Эта уникальная пещера является одной из самых глубоких на планете, ее глубина составляет 2196 метров. Что, как мы узнаем вскоре, объясняется увиденным мной. О таком чеченцы говорят: «Блоха, потерявшаяся в пятой точке». Так эта еще и увлеклась самозакопанием в свои же безумные фантазии. Этот период маньяка кандидат психологических наук Елизавета Варвара Аранова опишет в своей диссертации термином «Проработка несуществующей травмы».

А в то же самое время Серый Ангел заселился в Балкарском селе Эльтюбю. Это одно из наиболее загадочных мест в отношении времени. В этом месте часы в одних домах всегда отстают, в других же, наоборот, спешат, а у некоторых заезжих туристов и вовсе останавливаются. Временная аномалия в селе наблюдается как в электронных, так и в механических часах, что исключает влияние электромагнетизма. Еще Эльтюбю знаменито своими долгожителями; некоторые доживают здесь до ста десяти и более лет. А женщины, родившие в пятьдесят лет, в этом селе считаются обыденным делом. Также в этой локации длительное время не портятся мясо, молоко и другие продукты.

Именно сюда из Грозного переехал Калий — и позже признается:

— Мы с Пилотом еще в студенческие годы заметили странности за Васильевичем, но не обратили особо внимания. Только уже будучи с братишкой врозь. И село Эльтюбю было для меня самой надежной крепостью для сопротивления такому серийному убийце.

Каломес сократил круг экспериментаторов, которым доверял. Я с трудом нашел одного из них и через него раздобыл одну его сывортку на основе псилоцибина. Мне было известно о его правиле: описание трипа Серому Ангелу — шанс на дальнейшее сотрудничество. И как только меня отпустило, я набросал и отправил ему на почту с этикетки на бутылочке следующий отчет:

«После приема сыворотки постепенно пробило на диалог с самим собой. Спорил в основном на тему, какие горы красивее в Чечне: в Нашхе, в Итум-Кал или на Казином Аме. Уступать себе не было сил. Аж до раздвоения личности. Но вдруг до меня доходит, что на самом деле воображаемый друг — это я. Точнее, тот, другой, больше рулил, а я меньше. Кем же тогда все это время был я? И тут прихватило сердце. Прямо настолько, что понимаю: вот он, конец. Здесь и сейчас. После чего сразу приходит осознание, что я и так был раздвоен по телам родителей. А до этого четвертован по бабушкам и дедушкам. До этого развосьмирован по прадедушкам и прабабушкам. И так ускользается обратная россыпь до ВОВ и Первой мировой. Наполеона и Петра Первого. Чингисхана и Цезаря. Македонского и Спарты. Потопа и Трои. Шумер и пещер. До фашистского отвоевания у остальных живых существ территорий с истреблением всего живого. Живого?! Живой?! Я — живой! Отпустило... Открываю глаза и делаю большой вдох. Я в девственном лесу. Лежу в окружении неандертальцев. И старейшина, указывая на мицеллий у меня на руках, издает нечленораздельный возглас. Я его прекрасно понимаю и даже не думаю спорить или оправдываться, так как он прав. Он реально говорил нам: «Не ешьте эти грибы, они уносят в будущее»».

Дня через три Калий ответил:

«Неплохо. Если есть тяга к чему-то большему, чем писать художку, приглашаю присоединиться к моему мировому турне с лекциями».

И угадайте с трех раз, согласился я или нет.

ПОПУЛЯРНО

Перед тем как мы выехали, Калий зарядил рекламные агентства заказами на билборды, видеоролики и рассылки в сети со следующим содержанием: «Казино карма! Делайте ваши ставки на один из вариантов исхода: сам признается Петр Васильевич Вставитов в убийствах (тут следовали имена жертв, исполнители и составы ядов) или же наша полиция наконец догадается, что он серийный убийца?»

Мы так и не поняли, что это было — просто изощренный юмор Каломеса или ироничное соблюдение блатных понятий. Хоть Серый Ангел и не был сидельцем или вором.

Тем не менее дело пошло на раскрутку. И разобраться в нем полиции поручила не так давно вступившая после Хасбулатова на пост председателя СНГ Екатерина Шульман, заметив:

— Волшебная наша информационная эпоха требует внимания к каждому дымку.

Позже в самолете Калий признавался:

— Из всех известных мне химиков только трое могли создавать подобные вещества. А сомнений относительно того, что это не я, у меня не было еще при жизни Баяна.

И я понял, что он в том балкарском селе просто так не сидел, а триповал. И раньше меня понял про участие подонка не только в гибели Ширяева, но и Кохмираева.

Америка крайне изменилась после Ссудного дня, когда она разстроилась... ну, разделилась на три части: черную, белую и квивр-территории.

После лекции в Нью-Йорке мы отправились к приятельнице Каломеса, к некоей аудиторше Максин Тарноу, которая прославилась сливом компромата, обличающего спецслужбы США в причастности к теракту 11 сентября. Калий интересовался у нее, нарыла ли она что-либо про какого-то Савелия Скотенкова. В самолете, по пути в Калифорнию, он рассказал мне, что это друг и сосед дяди Каломеса из деревни Улемы Орловской области. В Диккенсе у афроамериканца со странным прозвищем Sellout мы закупились ганжем сорта «Глубокомыслие» и экзотическими гибридными фруктами с его собственной фермы. Все это он затарил друзьям в Эдинбург. Там на рейв-вечеринке в честь выставки скульптора Франко Бэгби вместе с этим художником, диджеем Карлом Юартом и его менеджером Марком Рэнтоном мы и оценили урожай из Диккенса.

По пути в гостиницу, зная, на какую тематику я планирую трип, Калий с формулировкой для разогрева к предстоящему заходу выдал то ли загадку, то ли чей-то глюк:

— Когда товарищ Сталин умер, каждый счел своим долгом лично попрощаться с вождем. И вот заядлый садист и живодер Гвишиани решил забавы ради вырезать часть тела вождя. И, придя домой, молча продемонстрировал трофей своей супруге. На что та охнула: «Боже мой! Товарищ Сталин умер?!» Гвишиани вспомнил листовки Геббельса для солдат США про их девушек и жен. С этого вечера живший один в квартире Гвишиани каждую ночь видел кошмары. Ему являлся призрак Сталина и монотонно требовал: «Вэрни то, чьто забрал у мэня!» Спустя какое-то время Гвишиани осмелился возразить призраку вождя: «Товарищ Сталин! Как я это вам верну? Вы там, оно здесь. А надо ж было похоронить с телом, с которым оно контактировало при жизни». На что призрак, задумчиво пыхнув трубкой, ответил: «Надо, чтоб с контактировавшим при жизни тэлом, говоришь? Тогда вот чьто. Скоро ко мнэ суда

отправят Лаврентия Палича. Вот засунь его в товарища Берия. И так и отправь...» Так вот, как ты думаешь, — подытоживает Калий, — имеет ли право СНГ засудить Кремневую долину за авторство функции «Вставить файл. Отправить», если первым это предложил...

Но я еще с момента опознания Сталина по части тела высмеял из себя весь кислород, после чего мог только по-идиотски ухмыляться. В итоге прорвало и самого Серого Ангела. Боже, как же мы ненавидим эту проклятую троицу! Вечный им ад. Аминь.

В номере под наблюдением Калия я залил в себя лекарство от времени, как он его назвал. После чего я растекся по кровати, на пол и дальше против течения времени. Я видел, что две страны — США и СССР — находятся под подошвами императора Японии. Я видел череду тиранов, подручных императора, поставленных на роль псов этим пастухом, чтобы кидаться на стадо граждан порабощенных стран при малейшем неповиновении. Я видел каждого четко и подробно. В истории США это были: Дональд Гаскинс — строитель, Чарли Мэнсон — проповедник, Тед Банди — психолог, Джон Гейси — строитель, Джефффри Дамер — директор шоколадной фабрики, Гэри Леон Риджуэй — проповедник, Сэмюэл Литтл — фактотум. В СССР тоже люди черт знает каких профессий, но на роль диктаторов были назначены: Станислав Модзелевский — водитель, Геннадий Михасевич — автомеханик, Андрей Чикатило — педагог, Александр Спесивцев — поэт, Сергей Ткач — милиционер, Александр Печушкин — шахматист, Михаил Попков — полицейский. Началось господство Японской империи после ее победы во Второй мировой войне. И все дело в том, что, пока будущие жертвы лупили Германию, в Японии открыли ВВЛ — Вне Временную Лазейку. Через нее страна получила технологии будущего и так победила всех.

Но в моем трипе я увидел и контркорректировку. Потомки поняли, что вмешательство сделало Японию ненасытным агрессором мирового масштаба, и поведали Оппенгеймеру рецепт ядерной бомбы, а правительству США — что активная ВВЛ находится то ли в Нагасаки, то ли в Хиросиме. Прямо как ребенок перед пиратом протянул ручки: «Угадай, в каком кулачке ключик». Когда у пирата в руках сабля. Вот США и понесли четное количество бомб.

Некоторую часть технологий Япония смогла затарить — отсюда сегодняшний ее прогресс. Но с тех пор потомки вспомнили про все ВВЛ. Например, исчезновение Ил-12 на Кавказе, который с четырьмя пассажирами и шестью членами экипажа вылетел из Баку. Эндрю Карлсин, которого в 2003 году ФБР арестовало по обвинению в мошенничестве на бирже. Владея всего 800 \$, он

смог за две недели заработать 350 млн \$, заключив при этом всего 126 весьма рискованных сделок. После ареста, когда у него потребовали выдать сообщников, он признался, что информацию получил из будущего. По его словам, он прибыл на машине времени из 2256 года, однако ее местонахождение указать не пожелал. Спустя какое-то время некто внес за него залог в 1 млн \$, и Карлсин исчез. В 50-е годы на Таймс-сквер в Нью-Йорке появился Рудольф Фенц. Его костюм был викторианской эпохи. На щеках имелись бакенбарды. По словам очевидцев, он появился из ниоткуда и выглядел весьма испуганным. Через пару минут его сбил проезжавший автомобиль. В морге изучили все вещи, желая установить личность погибшего. Всего пять лотов:

- 1) визитная карточка с именем Рудольф Фенц и адресом в Нью-Йорке;
- 2) пивной жетон на 5 центов; никто не слышал о названии бара, указанного на нем;
- 3) доллары очень старого образца;
- 4) письмо, отправленное на его имя, и адрес в 1876 году;
- и — 5) счет за обслуживание лошади.

Причем все находки имели идеальное состояние. По адресу, указанному на визитке, находилось предприятие. На нем никогда не слышали о Рудольфе Фенце. Удалось выяснить, что мужчина пропал в далеком 1876 году и его так и не удалось найти.

Нередко ВВЛ палили и писатели. В произведении Эдгара По «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» рассказывается, как четверо выживших в кораблекрушении моряков были вынуждены съесть юнгу по имени Ричард Паркер. По говорил, что оно основано на реальных событиях, но в действительности это было не так. Через 46 лет после написания этой книги действительно произошло кораблекрушение и спасшиеся члены экипажа решили съесть своего юнгу, которого звали Ричард Паркер. Этот факт породил слухи о том, что у писателя была машина времени. В 1896 году второразрядный фантаст Морган Робертсон выпустил в Лондоне роман «Тщетность, или крушение “Титана”» — о первом и последнем рейсе самого большого пассажирского корабля, который погиб при столкновении с айсбергом. У вымышленного «Титана» и настоящего «Титаника», погибшего в апреле 1912 года, совпали внешний вид и судовые характеристики, количество пассажиров и даже количество жертв. Книжный «Титан» тоже погиб в апреле 1912 года. Фантаст Джон Браннер предсказал президентство Обамы еще в 1968 году. В романе Браннера «Всемирная стоянка на Занзибаре», действие которого происходит в 2010 году, есть интересный герой — американский

лидер президент Обоми, африканец по происхождению. В своем рассказе «Никудышное решение» Роберт Хайнлайн описывает, как США раньше остального мира разработали ядерное оружие. Как раз то же самое происходило во время холодной войны. Этот рассказ написан в 1940 году — до того, как появилась мысль о возможности применения ядерного оружия. Пророчество про коронавирус нашли в книге известного американского автора-фантаста Дина Кунца «Глаза тьмы», написанной почти полвека назад — в 1981 году. Некоторые ценители творчества писателя недавно начали указывать на отрывок из его романа. «Китайский ученый по имени Ли Чен перебежал в США, имея при себе дискету с записями о новом, самом важном и опасном за десять лет биологическом оружии Китая. Они называют его “Ухань-400”, потому что оно было разработано в их генетических лабораториях в окрестностях города Ухань», — говорит один из героев книги.

В общем, потомки заключили договор: раздать всем цивилизованным странам карты с ВВЛ, чтоб они заминировали их. Ловушками с максимальными последствиями. В итоге появились атомные станции с ядерными реакторами. Так что потомки не раз подумают, прежде чем использовать подобные порталы. И это сработало. По большей части. Случаи участия бывали. Ближайшие примеры: Кыштымская авария 1957 года, когда передали план смещения Хрущева, и на Ленинградской АЭС в 1975 году, с передачей уже запуска развала СССР. Как видим, на живых попаданцев нашли управу. Мина вроде ловушки «Незванный Прометей». Но планы корректировок все ж, несмотря на последствия катастроф, передают. И если вы, потомки, зададитесь вопросом: «Стоит ли таких последствий устранение одного серийного убийцы?», то я скажу тысячу раз — да! Или вы еще не уразумели, что это за тварь? Да и в принципе зачем нам мир, в котором будет существовать такое чудовище?

После пересказа данного трипа Каломес объяснил мне тонкости параллельных реальностей и их рокировок с нашей:

— Лучший пример — эффект Манделы, который заключается в том, что у группы людей совпадают воспоминания, кои, в свою очередь, противоречат официальным фактам. Фиона Брум, эксперт по паранормальным явлениям и главная трактовщица этого эффекта, объясняет это наложением друг на друга параллельных реальностей. Многие ученые считают, что виной тому эксперименты с разгоном частиц в Большом адронном коллайдере, которые привели к появлению сверхтяжелых частиц, маленьких черных дыр, являющихся «вратами» в другие измерения. И реальности накладываются друг на друга.

— Получается, коллайдер — это новая растяжка-мина от потомков?

— Может, и наоборот, — ответил мне Калий. — Не лишена смысла версия Илона Маска, что все мы живем в симуляции, а «создатели» этой симуляции могут менять в ней все, что захотят. Но куда интереснее другой пиндос. Мало кто знает, что писатель Филип Дик попал в психушку после того, как под метамфетаминном, подобно снимку полароида, его прескевью проявилось в дэжавю и напомнило ему, что роман «Человек в высоком замке» писался им как автобиография. Отсюда его прозвище — «Разрушитель реальности».

В Москве мы заглянули на Никольскую улицу в подъезд журнала «Знамя» к некоему Володе Шарову. Передали, как сказал Калий, письма от потомков Гоголя, бог знает откуда у него оказавшиеся. Далее — в книжный магазин на Гнездииковском переулке «Фаланстер», где купили последний сборник стихов недавнего лауреата Нобелевской премии Андрея Лысикова. В творчестве которого Серый Ангел разбирается не хуже меня.

А вот на аудиенцию к отцу Панкратию он отправился уже без меня. Видимо, его задел мой скепсис относительно того, что Панкратий мог превращать воду в масло. Хорошо хоть, не забыл дать мне очередную бутылочку сыворотки.

ЛЕГАЛЬНО

Итак, итог.

К нашему приезду домой Петр Вставитов активно давал показания и сотрудничал со следствием по своему делу. Калий, как никто другой, знал бывшего преподавателя и был прав, когда рассказывал мне в самолете:

— Как человек с явными детскими травмами, Васильевич не выдержит давления и все о своих деяниях выложит сам. Поэтому и была эта пиар-акция сведения его с операми.

Петя быстро убедил и прокурора, и судью, и присяжных, что ничего, кроме вышки, он не заслуживает. И чем быстрее его казнят, тем лучше. И это все хорошо. Но после началось то, что подбило меня на третий трип и вот это вот все.

Власти объявили, что Вставитов из-за давней любви к науке — увы, безответной — согласился стать подопытным. Не все же ему зомбификацию проводить, шутили все.

Власти решили, что на серийном убийце будет проведен тест по перекачке сознания в Сеть. И в день казни сообщили, что эксперимент не получился. Зато получилось прикончить Петра.

Смертельная инъекция сработала, USB-передача сознания — нет. Расходимся.

По этому поводу опять начались шутки, которыми острили на ловзаргах, устроенных во всех столицах Кавказского государства: «За что боролся, тем и упоролся».

К смерти душегуба я сразу отнесся со скепсисом. И первым делом, придя домой, принял сыворотку Серого Ангела. Я знал, что дело Вставитова нечисто, но только в измененном состоянии узрел, что он самая что ни на есть натуральная нечисть.

Эксперимент не просто получился. Судя по тому, как во Всемирной паутине шустрил этот паук, он или так называемые его палачи давно задумали такую эмиграцию в Сеть. Петр по копейке и центу с каждого счета набрал уже за эти сутки после исполнения приговора такую сумму, что стало понятно: в этом и заключалась цель маньяка. Обессмертить и обеспечить себя на долгие века. И, заглянув под веществом Калия на десятилетия вперед, я увидел, что тварь эта — нейросеть он теперь или все та же нелюдь — спонсировала производство киборгов и, набив ими оборудованную специально под это пещеру Крубера в Абхазии, готовит человечеству Армагеддон. И сам в будущем нередко забирается, как в скафандр, в киборги эти. Говорилось, что последние его слова перед экспериментом были: «До скорой встречи!» Но это очередная его ложь. Оставлять кого-либо в живых в его планы не входит. Он себе ровню не видел ни в ком. Что ж, если окружение человека убедило его в том, что он бог, то лучшее, что для него можно сделать, это отправить его к настоящему Богу. А Он, со своей стороны, растолкует охреневшему на солипсизме эгоцентристу, как обстоят дела на самом деле.

Надеюсь, потомки, теперь понятно и простительно мое подробное и дотошное описание этой истории. Не для себя одного, в конце-то концов, стараюсь. И первым делом, оклемавшись от трипа, я решил проверить, насколько далеко вперед можно отправить этот файл. Написал лет на сто и начал писать вместо «о себе» — биографию своей бывшей. После чего набрал ее номер. Она взяла на втором же гудке и чуть ли не выкрикнула мое имя в трубку. Я поздоровался и подошел к ноуту. В ответ из трубки паника:

— Ты не представляешь, как ты вовремя позвонил! У меня прямо сейчас паническая атака случилась! Трудно дышать и кружится голова! Вызови мне скорую! Адрес прежний!..

— Подожди, милая. Успокойся. Сделай глубокий вдох, удержи дыхание на пять секунд и — такой же выдох, — говорю ей и на-

жимаю клавишу «стереть». — Давай, прямо сейчас. Тебя сразу отпустит.

Слушаю ее дыхание и наблюдаю, как сдуваются с экрана буквы, из которых состоит ее биография. Буквально на третьем вдохе она прерывается радостным замечанием:

— Офигеть! Реально помогло!

— Девочка моя, как же мало ты знаешь о реальности, — говорю ей голосом киношного мачо, и мы вместе смеемся.

Люблю ее смех. И вообще. Как я мог ее так напрячь. Идиот.

Договорились с ней сходить на премьеру триллера «Конец рэжима» Александра Баунова, основанного на историях реальных серийных убийц: Франсиско Франко, Антониу ди Салазара и Георгиоса Пападопулоса. Тем более фильм похвалил сам министр культуры Мирон Федоров. И даже сделал госзаказ Баунову на экранизацию своего последнего произведения «Гном под подошвой».

Но перед кино была еще пара маневров, не допускающих отсрочки. И предпоследний из них — перед вот этим вот всем — это проверка, насколько все схвачено в настоящем.

Я поехал в Краснодар и снял верхнюю квартиру в старой пятиэтажной хрущевке. Специально настолько убитую, что хозяйка даже не попросила меня снять медицинскую маску. Сразу сказал, что просто аллергик и показал — липовую, разумеется — справку о вакцине от вирусов. Ночью сделал несколько рейсов к ближайшей мусорке. И набил этими пакетами с мусором почти всю прихожую и коридор. Суперклеем приклеил с десяток спичек к дверному проему кухни и, пока клей высыхал, запостил и закомментировал с левого телефона — где только успел за пять минут! — информацию об увиденном в последнем трипе. После чего положил телефон на стол и выкрутил все ручки конфорок, пустив газ. Оторвав зажигательную боковушку спичечного коробка, приложил ее к приклеенным спичкам, нанес на тыльную сторону клей и аккуратно прикрыл дверь. Боковушка коробки приклеилась к двери и зафиксировалась впритык к головкам спичек на дверном проеме. Прием готов. Называется «Незванный Прометей». Закрывая входную дверь, убедился, что запах мусора четко засоряет ноздри до тошноты, газ учуять не получится. Только увидеть ярким пламенем — чиркнув дверью на кухню. Побежал вниз на выход из дома и дальше в сторону вокзала.

Минут через семь к хрущевке подъехала машина без номеров. Из салона выскочили трое мужиков и заспешили в подъезд. Я пошел к кассам и взял билет. И только успел зайти в вагон скоростного экспресса Краснодар — Дербент, как послышался хлопок.

В новостных сводках даже не назвали имен пострадавших. Хоть мне и так, мягко говоря, плевать на них. Написал же маркером на входной двери «Не влезай — убьет». Закрыл ее на ключ. И, в конце-то концов, как говорят в таких случаях чеченцы, они к нам тоже не с медом пришли.

Подытожим. Хранилище «Конец света», что находится в Норвегии, — это камера, бронированная и готовая противостоять даже ядерным взрывам, спрятанная на глубине около 120 метров и содержащая около ста тысяч миллионов семян на случай серьезных катастроф, — идет в известную биолокацию. Туда же могут отправиться на сто лет запломбированные в капсулах книги писателей вроде Дэвида Митчелла, треки певцов из компании Фарела.

Зачем это все? Для кого?

Если прямо сейчас в Сети бродит монстр, работая над проектом истребления человечества.

Не то чтобы я возомнил себя Тесеем. Просто этот минотавр и не ждет, пока кто-нибудь зайдет в его лабиринт. Он сам жаждет вырваться. И однажды сделает это. Неся апокалипсис всем людям. За их нормальность, такую чуждую ему. Вот почему самая оптимальная капсула времени — этот конверт с дюжиной исписанных листов. Как я заметил вначале, это на сегодняшний день единственный способ остановить нечисть. В мое время — когда я пишу — я даже говорить или писать людям про это не могу — сразу приедут. Спецслужбы или наемники кибер-даджала. Поэтому на все деньги, которые смог собрать, я передаю это послание в самый надежный швейцарский банк. Через третьи лица, одно из которых — человек уже преклонного возраста: слабое звено в цепочке, чтоб концы в воду. Условия хранения: «На 333 года, или опубликовать везде, где только можно, при первой возможности передавать хотя бы такую информацию сквозь пространство-время в прошлое». На всякие случаи адрес: Галактическая Нить Персея — Пегаса, комплекс сверхскоплений Рыб — Кита, Местная группа галактик, галактика Млечный Путь, рукав Ориона, Солнечная система, Земля. Неважно, как передадут это. Возможебыть, через Лабиринт Морфея, любому рандомному писателю в сновидение. В какую-нибудь из ВВЛ, чтоб нашли после ликвидации последствий взрыва атомной станции. Или хоть лично в руки редактору, на тарелкоподобной машине времени. Не суть важно как. Куда интереснее последствия такой корректировки прошлого: года доберутся до будущего душегуба в 80-х — и мир изменится. Я, все и всё тут же станет другим. Не за день, как писал Пелевин, «...поток времени размывает стену настоящего, оставляя на нем

все новые узоры, часть которых мы называем прошлым. Память уверяет нас, что вчерашний день действительно был. Но как знать, не появилась ли эта самая память с первым утренним лучом».

И не за пять минут Бертрана Рассела в трактате «Анализ сознания»: «Мир мог быть сотворен всего пять минут назад, но населен человечеством, которое “помнит” свое прошлое». Вся суть в том, что времени не существует (Карло Ровелли не даст соврать), потому что время — это энтропия. Тот самый огонь, который горит за спиной Платона в пещере. И так называемый поток времени — это набирающая ход, высоту или температуру энтропия. И течет оно — время — только у нас в голове. Таково наше восприятие. Корректировка прошлого с этой подачи через будущее изменит настоящее. То, что я сейчас называю и описываю как реальность, изменится. Рокировка реальности с чем-то неведомым. Возможен обмен на нарратив из коллективного бессознательного. Ведь оно и так оставляет перманентный след по эту сторону в виде изображений, музыки и текстов, которые составляют мировой архив художественного искусства. Искусство, которое еще Аристотель разглядел как зеркало реальности. И как только текст этот в конверте — словно кот Шрёдингера, эффектно играющий с бабочкой в ящике Пандоры — отправится по назначению и адресаты исполнят необходимое, описанный мной мир точно перестанет быть прежним. Даже я рискую сделаться автором не реальной истории, а какого-то художественного вымысла для журнала, конкурса или книги. И произойдет это, опять же, не за день или пять минут.

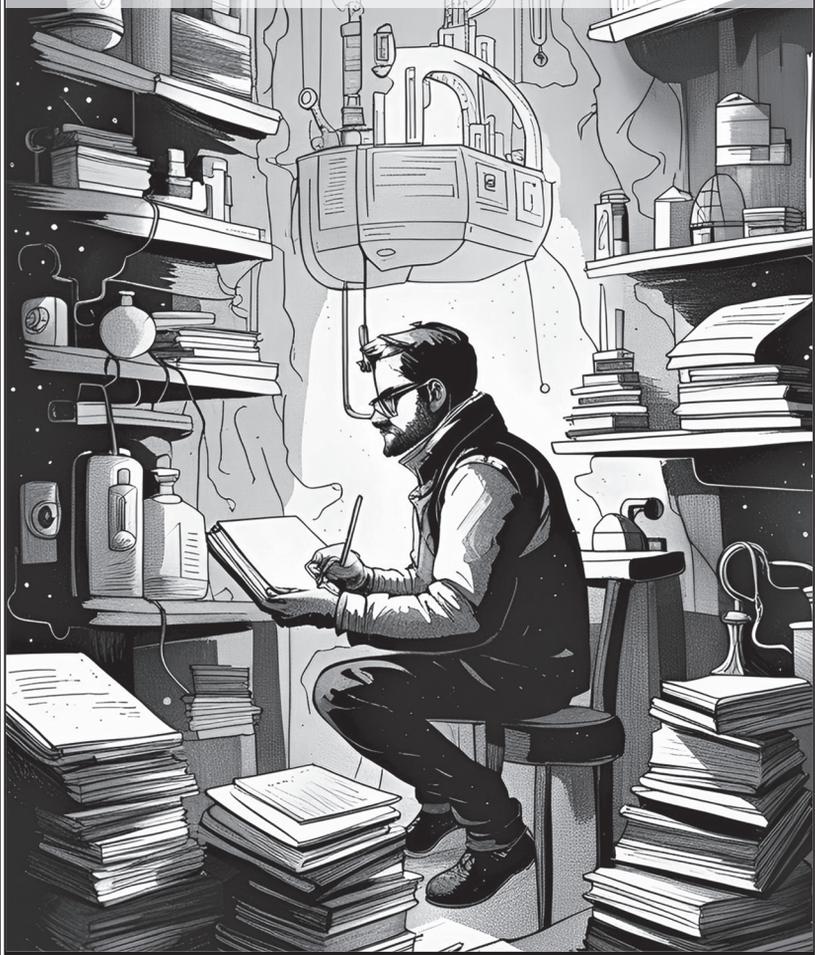
Время — это иллюзия нашего воображения.

Рокировка реальности с вымыслом произойдет-произошла-происходит ежемгновенно.

Вот как сейчас.

Алан КУБАТИЕВ

ФАНТАСТЫ ЗАНИМАЮТСЯ НАСТОЯЩИМ

Журнал «Наука и жизнь» пригласил писателей, критиков и издателей принять участие в обсуждении темы «Что могут фантасты в XXI веке?».

Вот вопросы, которые редакция предложила участникам заочной дискуссии.

1. Существует немало научно-фантастических произведений, в которых высказывались идеи, описывались открытия и изобретения, позднее ставшие реальностью («Гиперболоид инженера Гарина», «Вечный хлеб», «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля» и т. д.). Могут ли в наши дни фантастические рассказы подтолкнуть ученых к новым открытиям?

2. Может ли сейчас научно-фантастическое произведение претендовать на роль футурологического исследования и стоит ли ждать этого от автора? В чем состоит задача научно-фантастического произведения?

3. Какие проблемы современности и возможного будущего могут стать объектами внимания писателей-фантастов?

В наши дни, скорее, наука может подтолкнуть писателей к новым открытиям, в том числе и художественным. Воображение большинства литераторов, достаточно стандартизовавшееся, скованное устоявшимися клише, направляется чаще модой, требованиями

Печатается по публикации в журнале «Наука и жизнь». 2016. № 7.

издателей, чем научным мышлением. Особость НФ в том и заключалась, что лучшие ее авторы пытались решать исконно человеческие задачи, добавляя к традиционным средствам алгоритмы научной мысли.

Сейчас научно-фантастическое произведение не может претендовать на роль футурологического исследования. И не должно. Будущее вообще неисследуемо. Стоит ли приводить классический пример из Б. Н. Стругацкого, удивлявшегося, что никто не смог выдумать сотовый телефон? То есть подобия были, но распространенности (и губительности) его никто угадать не смог. Ну а кто смог угадать, что Советский Союз превратится в Российскую Федерацию, а затем, при внешнем конфликте с США, неотвратимо пойдет по американскому пути развития? Попробуйте перечитать классические футурологические труды и составить список того, что было угадано. Лучше всего, наверное, получилось это у А. В. Чаянова, который создал восхитительный гибрид РФ и США, где вместо бейсбола — бабки и лапта, а вместо чунгама и колы — калёные орехи и квас. Но кто воспринимал Чаянова-прогностика всерьез тогда, когда всем казалось, что над нами восходит «Звезда КЭЦ», в Арктике происходит «Изгнание владыки», а если кто и воюет с марсианами, то лишь англичане.

И требовать точных прогнозов от автора не стоит. Иначе получится то, что сейчас называется «проектами». Попытка насильственно возродить НФ кончается ничем. Напомню, что «научная фантастика» — дурная калька с англо-американского Science Fiction, что в точности означает «проза о науке». Должна возникнуть ситуация проблемная, болезненная, требующая решения, чтобы дать авторам, если они опережают банальное и упрощенное мышление большинства, возможность увидеть человеческое измерение этой ситуации. НФ возникла в свое время именно так — НТР несла в себе зерно болезнетворных перемен и дегуманизации. Кто-то ею только восхищался, а кто-то уже тогда ощущал грядущие опасности. Теперь же никаких конфликтов нет — техника, особенно бытовая, легко подмяла под себя обывателя, и почти никто в этом никакого ужаса не видит. Если и находится писатель-пугатель, его с интересом потребляют. Капитализм давно отработал методы утилизации и коммерциализации любого бунта — скажем, хиппи легко и быстро поделили между собой мода, поп-музыка и наркокультура. Любого писателя издатели определяют в соответствующий сегмент — пост-ап, хоррор, зомби, технопанк или там трэш. Все съедается и переваривается.

У научно-фантастического произведения нет задачи. Если есть, то это просто публицистика. Фантастика делает — вернее, могла делать — то же самое, что и вся литература, но теми средствами, которыми мейнстрим распорядиться не мог. Кроме того, надо решить, о каких именно науках мы говорим. Если естественных, то это одно, если о гуманитарных — это совсем другое. Попытка тех же Стругацких фантазировать на тему педагогики будущего крайне интересна, но их воображения опять-таки не хватило даже для гипотетического предположения, что в Мире Полдня, когда он таки реализуется, будут созданы мощные государственные структуры, чиновничий аппарат и технологии для разрушения системы образования, ослабления образовательного потенциала и усиления псевдо- и антинаучного аспекта культуры. Вполне возможно, что Гомеостатическое мироздание все же существует и что таким пропущенным авторами способом оно защищается от нас, создавая вместо умных — верных. А всяческие министры и столоначальники — только пособники и инструменты. Возможно, им для этой цели и созданные.

Любые проблемы современности и возможного будущего могут стать объектами научно-фантастических произведений. Только бы отстранить их настолько, чтобы читатель смог снова вернуться к современности и увидеть ее другими глазами. Вряд ли интересно гадать, на каких ракетах и куда будут летать наши потомки или будут ли у них в квартирах продуктопроводы. Технологическая революция победоносно шествует по всем фронтам, бизнесменов уже начинает волновать, какую технику еще можно продать рядовому потребителю, потому что у него уже есть все, и не в одном экземпляре. Не о чем тут думать. Куда интереснее попытаться предположить, что будет с Человеком Некультурным, который бесповоротно прирастает числом и, скорее всего, окончательно победит. Да, собственно, уже победил. Встанет ли кто на его пути, откажется ли культура быть средством приятной щекотки и досуга активного потребителя? Возможно, это могло бы стать магистральной темой НФ. Но зачем и кому нужны книги такого направления, понятно все меньше и меньше.

ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»

Алексей ЛЯЛЮЛИН

ВОЛЧИЦА

РАССКАЗ

Двое юношей, скорее даже молодых мужчин, шли молча. Автобус высадил их в Фаснале, и до Хунсара нужно было еще идти и идти. Но что такое шесть километров для двух горских парней? Однако парни были горскими скорее по происхождению, чем по сути. Сослан, к деду которого приехали приятели, изредка наведывался в горное родовое гнездо и еще мог хоть как-то претендовать на этот «титул». А вот Батраз, несмотря на совершенно осетинское имя, был обычным жителем российских равнин. Он даже родился в Москве, а в Осетию приехал только после кризиса 1998 года, который вмиг сделал из его отца, преуспевающего бизнесмена, почти полного банкрота. До такой степени полного, что у него не осталось даже денег, чтобы купить квартиру во Владике, а хватило только на старенький домик в Дзуарикау. В итоге родители вернулись на историческую родину, а Батик с трудом адаптировался к специфической кавказской среде, — среди московских одноклассников он был настоящим «чеченом», а здесь таких крутых было через одного.

Но худо-бедно период притирки с осетинской реальностью остался позади, и сейчас Батраз мало чем отличался от своих сверстников, всю жизнь проживших в Осетии. Хотя друзей у него было не так много, да и с родственниками отношения не были особо близкими, а во многом лишь формальными, он уже не чувствовал себя «московским осетином». Не чувствовали этого и другие. Именно поэтому Сос «по-братски» попросил помочь ему прополоть дедову картошку. Зачем дед ее сажал, для всех было полной загадкой, потому как урожай редко превышал и размером, и количеством посеянное. Но дед Сослана, Ахсар, каждое лето выезжавший в свой отцовский дом в горах, настойчиво закапывал клубни, мобилизуя потом всех близких на прополку и сбор «урожая». Вот и сейчас эта «почетная» обязанность досталась одному из внуков.

Парни вышли из автобуса в центре села, около двухэтажных каменных бараков. Некогда большой поселок, построенный для

первопроходцев металлургической промышленности Осетии, давно пребывав в состоянии разрухи и запустения. Немногочисленные попутчики быстро растворились в маленьких улочках, расходящихся от остановки во все стороны. Ребята поудобнее пристроили рюкзаки, вдвоем взяли сумку с арбузами (арбуз — отличный подарок, в горах арбузы не растут) и двинулись в путь.

Друзья прошли мимо развалин огромных корпусов бельгийской горнодобывающей фабрики и, преодолев небольшой подъем, вышли на дорогу в Уаллагком. Они были одни. Никто кроме них не спешил в сторону трех полуживых сел самого дальнего уголка Дигории — Дунта, Камунта и Галиат. Хунсар, где летовал дед Сослана, жилым вообще не считался. Даже летом никого кроме деда Ахсара и его жены там не было.

День был в самом разгаре, когда парни вошли в манящую тень теснины Хъурундаг, начинавшуюся почти сразу за Фасналом. Дорога, идущая по правому берегу Сонгутидона, пролегла у самой подошвы горы и была достаточно ровной, но быстро идти не получалось — нужно было постоянно менять руки, чтобы равномернее распределить нагрузку. Тем не менее через час ходьбы ущелье стало расширяться, и вскоре перед молодыми людьми раскинулась во всей своей красе долина Уаллагкома: небольшие горы, которые вдалеке упирались в громаду ледника Сонгути, обрамляли пологие холмы долины. Слева, высоко над дорогой, терялось в летнем мареве Камунта, а впереди, прямо по курсу, на крутом утесе, на обрывистом берегу Камидона, теснились дома селения Дунта. Вернее, одного из его отселков.

Юноши, замороженные открывающейся перед ними картиной, остановились. Сумка и рюкзаки упали на обочину, и, распрямив плечи, парни вдыхали полной грудью пьянящий аромат горной травы и цветов. Гулита, преддверие Уаллагкома, приняло их в свои гостеприимные объятия.

Но первичная эйфория быстро прошла. Всего в нескольких метрах от ребят в густой траве высилась гряда камней, оставшихся от обвалившегося склепа. В десятке метров стоял почти целый склеп, чуть дальше — еще один. А за ними, вдоль самой дороги, блестела в ярком свете солнца металлическая ограда кладбища, и окружающая картина разом переменялась. Яркие краски сразу поблекли, помутнели, а к пьянящим ароматам некошенных трав добавился чуть уловимый, почти незаметный запах тлена. Парни быстро подхватили рюкзаки и двинулись вперед, стараясь отвлечься от окружающих их справа и слева могил. Они шли, пытались не крутить головами, но их взгляд все равно нет-нет да и упи-

рался в чью-то фамилию или, как им казалось, встречался со взглядом усопшего, так реалистично изображенного на камне.

Уже отойдя от кладбища метров на сто, когда немного спало невидимое напряжение, Батраз не удержался от замечания:

— Странные эти уаллагкомцы. Прямо римляне какие-то. Устроить кладбище при входе у самой дороги! — И уже с улыбкой добавил: — Вот поэтому-то автобус сюда не ходит!

— Да нет, это уже советская дорога. Старая была внизу, над рекой. Так что все нормально с местными. Хотя там цырты¹ тоже стояли, но ведь это не покойники.

Однако вскоре могилы остались позади, потом вообще скрылись за поворотом, и настроение парней снова улучшилось. И это понятно — отблески солнца от искрящегося вдали ледника намного приятнее глазу, нежели блики на отполированной кладбищенской ограде.

Справедливости ради стоит заметить, что через полчаса душевное самочувствие Батраза снова сменило полярность с положительного на отрицательное. Виду он, конечно, не подавал, но один лишь взгляд на полуразрушенный старинный дом, где ему предстояло провести десять дней, навевал безысходную тоску. И это понятно. Для человека, не привычного к горским реалиям двадцать первого столетия, жилище двадцатых годов столетия минувшего, да еще и в промежуточном между ремонтом и обвалом состоянии, другого впечатления произвести не могло. Даже их дом в Дзуарикау казался настоящим дворцом по сравнению с этой развалиной.

Хозяин, благообразный высокий старик, степенно поприветствовал молодежь в почти церемониально-патриархальной манере. Его чинное спокойствие, неторопливость и даже медлительность были резким контрастом с радостной суетой Заремы, его жены. И хотя женщина не приходилась Сослану кровной бабушкой и была второй женой его деда, она встречала его как родного. Батраз тем временем удивленно водил взглядом по длинному низкому коридору, заставленному какими-то старыми сундуками, в который выходили двери пяти или шести комнат. Старик, заметив его замешательство, начал что-то говорить юноше на осетинском, но, увидев, что тот его не очень понимает (в этом плане

¹ Цырт (*осет.*) — надгробный камень. Имеет вид стелы с закругленной верхушкой. Помимо надписей, содержащих имена, важные краткие сведения и послания, лицевая сторона цырта зачастую покрывалась орнаментом, имеющим символическое значение.

Батраз все-таки остался московским осетином), огорченно вздохнул и перешел на русский.

— Это дом моего отца, мы тут жили с братьями. Это была моя комната. А тут родился отец Соса, — рассказывал он, ведя Батраза по коридору.

— Сейчас мы здесь живем, — старик указал на дальнюю комнату слева, у самой кухни. — А тут, — он махнул рукой в дальний конец темного коридора, — будете жить вы. Дальше кладовка — в общем, всякий хлам, сыр да куры.

Закончив экскурсию, старик развернулся и пошагал на кухню, бормоча что-то уже по-осетински себе под нос. Слов Батраз не разобрал, но стенания стариков на тему «куда катится мир и что это за такая-растакая современная молодежь», наверное, на всех языках мира звучат одинаково, поэтому юноша хорошо уловил общий смысл сказанного.

Вскоре, однако, первый шок у Батраза прошел, и жизнь, что называется, стала налаживаться. Сытный, хоть и простой ужин, и вонючая, но крепкая арака, которую подливал ему и деду стоявший за младшего Сослан, насытили желудок и успокоили душу. А мягкая перина примирила уставшего юношу с вездесущей пылью, запахом сырости и старого жилья.

И все бы уже ничего, если бы не храп Сослана. Его хрипы, рыки, стоны и местами самый настоящий рев периодически рвали тонкую оболочку сна Батраза, и хотя он тут же проваливался обратно в страну сновидений, наутро юноша не почувствовал себя таким уж отдохнувшим.

Дальше началась сельская жизнь. Картофельное поле было найдено в зарослях высокой травы и в течение трех дней кропотливого труда приведено в более-менее потребный вид. Ну а сколько картофельной ботвы перекочевало вместе с сорняками на компостную кучу — навсегда останется тайной, лежащей тяжелым грузом на совести парней. Сос понемногу помогал деду по хозяйству, но по большому счету делать тут было нечего.

Ровесников или просто знакомых ни в Дунта, ни в Камунта не было, так что даже затусить было не с кем. Чтобы не мучиться от безделья, друзья почти целыми днями бродили по окрестностям — в Сонгутикоме, в Фаснале, в Галиате. Идти в долгий путь через перевалы в Дзинагу они пока не решились, зато сходили в Верхний Згид и в соседнее Алагирское ущелье через ближайший и невысокий перевал Сауарафцаг.

На обратном пути, недалеко от развилки на Галиат, изрядно уставшие путешественники сделали короткую остановку. День

уже шел к концу, а солнце не пекло так нещадно, поэтому парни уселись прямо около дороги, не утруждая себя поисками тени или удобного места. Может, сидеть на придорожных камнях было и не очень комфортно, зато вид, открывающийся с этого места, с лихвой компенсировал физические неудобства. У них за спиной высоко вздымался массив Скалистого хребта, увенчанный горой Кионхох, слева громоздилась Цейская стена с одноименной горой во главе, а правее блестел снегами ледник Сонгути. Под ними, метрах в двухстах, по еще некошеным лугам тянулась серебристая ниточка Камидона. Легкий ветерок дарил прохладу и отгонял докучливых насекомых, а от окружающей тишины просто закладывало уши... Одним словом, красота — дикая, первозданная.

Сос растянулся во весь рост на траве и, казалось, закемарил. Батраз заметил, что справа, чуть ниже дороги, около большого камня стоит покосившийся металлический крест. Вначале взгляд юноши только скользнул по нему, как по детали пейзажа, но потом вернулся снова. Под самым перекрестьем была приделана небольшая табличка, и молодому человеку вдруг стало интересно, что там написано. Он начал осторожно спускаться по склону, чуть наискосок, но очень скоро ускорился и уже почти бежал вниз, отчаянно перебирая ногами. Уклон, незаметный сверху, оказался довольно крутым, чтобы спокойно передвигаться по склону. Парень почти влетел в большой камень, стоящий прямо за крестом, и затормозил, упершись в него руками.

Отдышавшись, Батраз подошел к кресту и внимательно его осмотрел. На табличке не было ничего интересного. Только написанные белой краской полустертые буквы и цифры — кто и когда. Но все неразборчиво и нечитаемо. Только намек на имя. Аза или Заза.

Сослан к тому времени уже встал и стоял у края дороги. Обращаясь к нему, Батраз крикнул:

— Это цырт или могила?

— Могила... Батик! Давай сюда. Не стой там. Не нужно.

Когда Батраз поднялся, Сослан, не дожидаясь его вопроса, решил рассказать о том, что знает о загадочном кресте:

— Там Аза Тыкмаева, мне о ней дед рассказывал. Я сам когда-то спросил его. Ведь удивительно, что могила не на кладбище. Это же не цырт, а настоящая могила. Дед особо говорить не хотел, но потом рассказал. Ты только не смейся, это вообще странная история. Мол, когда дед сам был еще маленький, волки со страшной силой стали резать ягнят. И что бы люди ни делали — ничего не помогало. Ни собаки, ни капканы. Уже даже боялись лишний раз отары выгонять, так как даже из хлебов стала скотина пропадать. Но что странно, резать скотину волки резали, а вот

есть не ели. Не всегда, но часто находили мертвую скотину с разорванным горлом, но не тронутую вообще. Мужики плотно взялись за дело и уже целой бригадой стали отары пасти. И вот однажды ночью недалеко отсюда, — он махнул рукой куда-то вверх, — ранили здорового волка. Ну это вначале подумали, что ранили, а оказалось, что только оглушили, и зверь очнулся. Кто чем пытались его бить, ну там палкой, слегой, а он все равно ушел...

Сначала Батраз внимательно слушал рассказ друга, но потом потерял нить долгого повествования. Читающееся в его глазах недоумение и невысказанный вопрос «А могила-то здесь при чем?», видимо, были такие очевидные, что Сослан сбился с неторопливого ритма и, комкая слова, продолжил:

— Так, короче. Утром прямо под тем камнем нашли всю избитую, полуживую женщину. Сразу даже не узнали, что это Аза, невестка Тыкмаевых из Дунта. Все сразу заволновались: как, откуда, кто? Но она даже слова сказать не могла, так и умерла. И как только умерла, появился вдруг старик весь в белом и говорит, что, мол, эта женщина — колдунья, ус-бирæгъ², и ей не место на общем кладбище. Поднялся шум. Ведь многие так и думали, что дело нечистое. Тыкмаевы, конечно, встали против. Хотели старика расспросить, а его уж и след простыл. Как будто и не было. В общем, народ не дал нести ее в село, а когда в ту ночь и в следующую ни одного барана не пропало, уже никто не сомневался, что эта женщина была оборотнем. Вот Тыкмаевы и закопали ее здесь тихонько и даже поминки только среди своей фамилии сделали. Все равно никто из соседей бы не пришел. Вот такая хрень, — неожиданно с улыбкой сказал Сослан, пытаясь развеять впечатление от своего же рассказа. — На самом деле никто ничего не знает. Крест вон вбит в камень, там покойника и положить негде! Ну разве что под камень засунуть.

Сослан усмехнулся, немного нервно и неестественно, и добавил:

— Сказки все это. Когда малым был, мне, конечно, все эти дедовы истории нравились, а сейчас... Это только сеструх младших пугать. Я когда им рассказываю, вою обычно в конце! Орут как потерпевшие!

Он снова улыбнулся — на сей раз широко и искренне.

Байки байками, но, вернувшись в Хунсар, уже за вечерним столом, сам не зная почему, Батраз спросил деда Ахсара об этой истории. Рассказ деда мало отличался от рассказа Сослана. Правда, старик очень подробно остановился на том, кто такие ус-бирæгътæ и с чем их едят. Вернее, кого они едят.

² Ус-бирæгъ — женщина-волк.

— Вы, молодые, не поймете этого. Для вас это как сказочки на ночь, а было время, когда такие женщины почти в каждом селе жили. Боялись их, конечно, хотя людей они обычно не трогали. А вот те, кто видел, рассказывали, что ус-бирæгътæ должны были раздеться и в песке изваляться, чтобы волком стать. Другие говорили, что они в желоб мельницы залезали, оттуда волком выскакивали — и уже дальше волчьи дела свои делали: скот резали, особенно малых ягнят любили, но вот не ели они их почти — зарежут и бросят. Ну и не всегда безнаказанно, конечно. Бывало, и убивали их, но чаще они убегали побитые. А если после этого в чьем-то доме избитая женщина появлялась, значит, она и была ус-бирæгъ. Но бывало, что кто-нибудь увидит, как она обратно в человека превращается. Так вот, если успеть взять ее одежду, то можно много чего от ус-бирæгъ получить за молчание.

Он чуть заметно улыбнулся, видимо каким-то своим мыслям, и продолжил уже серьезно:

— А можно и не получить. Или получить совсем не то, что хотел. Люди-то разное говорят. Например, что любят они к вдовцам таким способом в жены пролезать — только им обувь и одежда покойницы впору приходится. Пообещает за молчание все, о чем мужчина мечтает, потом поживет с ним как жена и начнет потихоньку изводить его детей от предыдущей супруги. Волчица, одним словом... Или вот...

Не успел старик продолжить, как Зарема не выдержала:

— Ну что такое ты говоришь! Как не стыдно-то...

— Да ладно. Могу же пошутить. Вот у нас же дети все живые остались. И живем уже сколько лет...

Старик улыбнулся, обнажая остатки зубов. Зарема хлопнула полотенцем по своей ноге и молча вышла из кухни. Улыбка деда Ахсара стала еще шире.

Если первая неделя пролетела незаметно, то на вторую Батраз начал тяготиться пребыванием в Хунсаре, а вскоре и атмосфера в доме как-то незаметно поменялась. Ахсар стал каким-то озадаченным, бросил рассказывать поучительные, а иногда и веселые истории из своей жизни и все больше о чем-то тихо переговаривался с женой. Он постоянно куда-то отлучался, особенно под вечер.

Сослан, казалось, этого совершенно не замечал. Наоборот, он чувствовал себя свободнее и раскованнее без требовательного взгляда деда, позволяя Зареме окружать его бабушкиной заботой.

Для Батраза все бы было ничего, если б не бессонные ночи под «серенады» Сослана. Кончилось все тем, что юноша попросил

деда Ахсара переселить его в другое место, подальше от громкого товарища. Так Батраз обзавелся своим углом в дальней комнате старого дома. А в качестве компенсации за проживание в кладовке он получил прекрасный вид из окна на стрелку рек Сонгутидона с Халбитыдоном и на развалины селения Даллаг Дым, расположенные прямо напротив Хунсара, на другом берегу Сонгутидона. Красота, да и только! Жаль, что насладиться этой прелестью почти не удавалось. Днем постоянно находились какие-то мелкие дела по хозяйству, или же Сослан тянул побродить по окрестностям. А под вечер все вокруг их жилища тонуло в непроглядной тьме, которую только подчеркивали редкие одиночные огоньки из окон немногочисленных жилых домов селения Дунта, стоящего на противоположном берегу реки.

Но потом природа решила скрасить Батразу ночные бдения. Яркая летняя луна взяла на себя роль осветителя, и в ее неверном, причудливом свете вид из окна стал не просто красивым, а даже немного мистическим. Серебряные ниточки рек, черные обрывы по их берегам, призрачные дома с пустыми провалами оконных глазниц. И луна — огромная, бледная, отстраненная, холодная.

Как-то раз наблюдая среди ночи за этой таинственной картиной, Батраз увидел внизу, ближе к реке, какое-то движение. Даже не увидел, а, скорее, почувствовал, как что-то блеклое и размытое промелькнуло у самой воды. Он не смог оценить ни форму, ни размеры этой фигуры — так быстро все произошло. И как он потом ни всматривался в темноту, ничего и никого больше не увидел. Мираж или видение появилось только на миг и бесследно исчезло, так что с утра Батик не мог понять, было это во сне или наяву.

Мысль о реальности произошедшего так плотно засела у него в голове, что еще до завтрака юноша решил спуститься к воде, к тому самому месту, где, по его прикидкам, промелькнула белесая фигура.

К Сонгутидону он вышел без труда по обычной грунтовой дороге, а вот подобраться к Халбитыдону в том месте, где сходились обе реки, оказалось настоящей проблемой. Батраз быстро понял, что путь к Буркизги адагаэ³ — так романтично называлась стрелка двух рек — казался ему легкой прогулкой только из окна дома.

Прорываться через заросли, которые окружали крутой обрывистый берег, оказалось настоящей пыткой. Казалось, та рыжеволосая, которая дала имя оврагу, решила надежно отгородить его от

³ Буркизги адагаэ — овраг рыжеволосой.

лишних людей. По сути, нужно было спуститься в небольшой, но глубокий каньон, весь заросший крапивой и травой высотой в человеческий рост. Стебли хватали, цепляли юношу, били его по лицу, а он рвался через них как герой какого-нибудь фильма, продавливающийся сквозь джунгли. Вот только мачете у Батраза не было — одни руки. Как гребец брасом, он раздвигал тяжелые зеленые «волны» и делал очередной шаг вперед. Периодически юноша наваливался на травяную стену всем телом и пытался при этом удержать равновесие, чтобы не рухнуть вперед.

Неожиданно трава расступилась, и юноша чуть не свалился в холодные воды Даргонкома. Отдышавшись и умывшись ледяной водой, Батраз стал подниматься вверх по течению, стараясь наступать на камни, чтобы не замочить ноги. Пройдя с десятков метров, он увидел на берегах по обе стороны реки небольшие, по большей части разрушенные домики. Они все лепились у самой воды на фундаменте из камней и больших бревен, частично нависая над рекой. И что самое обидное, сверху от селения Дунта среди камней к ним шла вполне приличная тропинка. Подойдя к одному из домиков, Батраз сунул голову в дверной проем. Посреди каморки стояло непонятное, на первый взгляд, механическое приспособление с воротом и зубчатыми колесами. Полусгнившая конусообразная, грубо сколоченная воронка валялась в углу. Озадаченный парень двинулся назад и чуть было не упал, споткнувшись о небольшой плоский и круглый камень, валявшийся у порога.

«Жернов! Мельница! — мысленно стукнул себя по лбу Батраз. — Я же видел такие на уроке осетиноведения. Рутха⁴!» Он еще раз заглянул внутрь, чтобы убедиться в своей правоте. «Точно — она, мельница».

Не понимая, что ему делать дальше, юноша рассеянно крутил головой по сторонам, пытаясь совместить «картинку» из окна с окружающей местностью. Было понятно, что ночное действие происходило где-то здесь. Однако мыслей о том, как выяснить, где конкретно, и тем более, что или кто это был, у парня не было никаких. Скорее озадаченный, чем расстроенный этим обстоятельством Батраз присел на жернов. Его взгляд опустился, и тут юноша буквально подпрыгнул от неожиданности. Среди камней в мягкой черной земле был отчетливо виден след. Человеческий след!

Самое необычное в этом совершенно обычном месте для обитания человека было то, что это был след босой ноги! Версия «река — купаться» растворилась в мелкой и холодной до зубного

⁴ Рутха — жернов.

скрежета воде. Это был узкий след небольшой ступни — детской или женской. Батраз поднялся с камня и, опустив голову, стал осматривать почву. Со стороны было похоже, будто он что-то потерял на берегу и теперь сосредоточенно ищет. Человеческих следов он больше не обнаружил — только какие-то смазанные отпечатки. Зато кругом было полно других следов — крупных, с мощными когтями, видимо оставленных большой собакой. Батраз еще немного побродил по берегу и, не приметив ничего интересного, пошел обратно домой, на этот раз по тропинке через Дунта.

Он шел нешироким, даже узким коридором среди полуразрушенных каменных заборов, пока наконец не вышел на небольшой пятачок около водяной колонки. В какой-то момент ему показалось, что за ним кто-то следит. Батраз буквально затылком почувствовал пристальный взгляд. Он остановился и огляделся по сторонам. Никого. Каменные, заросшие травой заборы, покосившиеся и кажущиеся необитаемыми дома, пустые окна. Тишина. Только где-то вдалеке был слышен низкий рокот реки. Юноше даже стало не по себе, он заспешил и, стараясь не оглядываться, быстро пошел в сторону Хунсара.

В привычных стенах нервное возбуждение спало. Батраз быстро успокоился и не заметил озадаченного деда Ахсара, который показывал неподвижное грязно-белое тельце ягненка не на шутку испуганной жене.

С этого момента время стало липким и тягучим. Как Батраз ни старался ускорить его ход, ничего не выходило. Казалось, время почти встало в этом патриархально-диком месте. Юноше становилось невыносимо тоскливо вспоминать о радостном, шумном от многолюдной суеты Владике, но о нем можно было лишь мечтать долгими ночами. В горах темнеет быстро и неожиданно, поэтому в этот день все легли довольно рано. Старик был погружен в свои мысли, а под вечер вообще ушел, так что традиционного ужина с тостами под уверенным руководством старика не получилось. Оба парня были изрядно этим озадачены, но списав все на дедовские причуды, разошлись по своим комнатам.

Батраз так и не понял, что его разбудило. Он подошел к окну, и размытый белый силуэт, теперь уже ясно напоминающий человеческую фигуру, был виден на том же самом месте, как и в прошлый раз, — прямо у мельниц. Поддавшись непонятному порыву, Батик быстро, путаясь в одежде, оделся и выскочил наружу. Уже в самых дверях взгляд юноши зацепился за висящий на стене большой охотничий нож. Он секунду задумался, а потом сунул

нож за пояс, не особо понимая, для чего это может ему понадобиться.

Ночью, пусть и светлой, идти по короткой дороге через овраг было бы безумием, поэтому юноша решил двигаться поверху, через Дунта. Парень шел быстрым шагом, иногда почти бежал, но каждый раз спотыкался и сбавлял темп. А потом просто заблудился. Он был в Дунта только днем и не так часто, чтобы безошибочно ориентироваться в хитросплетении улочек, заборов, заброшенных и полузаброшенных домов. Он не заметил, как зашел в чей-то двор и чуть не провалился. Дом стоял уступом на склоне, и то, что казалось Батразу лужайкой перед домом, на самом деле было заросшей травой и мхом крышей первого этажа! Только чудом юноша не угодил в одну из дыр между прогнившими стропилами.

Это происшествие вмиг отрезвило парня. Батраз успокоился, внимательно огляделся по сторонам и наконец сориентировался. Спустя пару минут он ступил на мокрые камни Халбитыдона. Медленно, инстинктивно стараясь не шуметь, неугомонный искатель приключений двинулся в сторону темных, нечетких силуэтов мельниц.

По мере того как он продвигался вдоль русла реки, темнота на дне оврага сгущалась, но вскоре его глаза привыкли и окружающая действительность приобрела не только очертания, но и форму. Батраз подошел к ближайшей мельнице и заглянул внутрь. Там ничего не было — лишь темнота и шум воды, текущей сквозь камни под дырявым полом. В следующей мельнице его ждало то же самое.

Вскоре все мельницы на правом берегу были осмотрены и осталась только одна, стоящая на противоположном берегу. Немного повременив, юноша двинулся вперед, но, несмотря на осторожность, поскользнулся на мокром камне, и его нога опустилась на землю. Его как молнией ударило. Рядом была мельница и старый мельничный жернов, на котором он сидел три дня назад и смотрел на кусок земли меж камней... Со следом! Сейчас его нога стояла точно там же, и под рифленным отпечатком его кроссовки скрылся след узкой человеческой ступни!

Радость осознания верного пути была сметена волной необъяснимого страха. Батраз замер на месте, с трудом справляясь с нахлынувшей паникой. Дыхание его сбилось, сердце, казалось, выпрыгивает из груди, разгоняя густую тягучую кровь по жилам тяжелыми толчками. Пульс стучал в висках телеграммой, выстукиваемой бешеным телеграфистом: «Беги, беги, беги, не ходи, уйди, домой, назад, домой!»

Наверное, нужно было уйти. Так было бы проще, спокойнее, да и никто бы не увидел этого бегства. Вся его городская сущность, весь опыт предыдущей жизни просто кричали об этом: «Уходи, домой, быстрее!» Но в то же время глубоко внутри другая, дикая натура поколений людей, его собственных предков, которые жили в этих самых горах, подсказывала ему совсем другой путь: «Туда, вперед, брось страх, ты же осетин, давай! Ты же хъайтар лæппу⁵! Смелее, парень!» И эта самая природа вынула нож из-за пояса и вложила его в руку, которая тут же сжала рукоять так, что даже костяшки пальцев побелели от напряжения.

Батраз сделал шаг, и внутренний телеграфист с его «Беги!» тут же замолчал. Так, видимо, и Цезарь переходил Рубикон. Но он свой у каждого человека, кто находит силы его перейти. А здесь, под ночным небом Дигории, Рубикон назывался Халбитыдоном. Юноша наконец-то перешел реку и осмотрелся.

Мельница ничем не отличалась от тех, что стояли на правом берегу, разве что была немного больше. Он пригнулся и шагнул внутрь, тут же пожалев, что в спешке не взял дедов фонарь, который висел около ножа. Вначале ему показалось, что и здесь ничего нет, но глаза постепенно привыкали к темноте, и стал немного различим почти целый механизм ворот, деревянная воронка для зерна над жерновом и какие-то висящие на ней тряпки. Он подошел ближе, в его голове заметались мысли: «Тряпки... Нет, это одежда. Женская! И совсем не ветхая...»

Батраз схватил одежду свободной рукой, почти вплотную прибрилизил к глазам. Это было длинное платье, а в нем — небрежно скомканное белье. Тоже женское. От нахлынувшей брезгливости он чуть не выронил весь этот ворох на пол, когда совсем недалеко, всего в нескольких шагах от мельницы, раздался отчетливый всплеск воды. Кто-то оступился с камня в серебряную воду своего собственного Рубикона.

Батраз стоял перед входом в мельницу. Одну руку, в которой он держал нож, юноша выставил перед собой, другой зачем-то прижимал к груди найденное платье. На противоположном берегу реки, прямо напротив него, выпрямившись во весь рост, стояла женщина. Голая женщина. Несмотря на то что она была вся в песке и грязи, было видно, что она молода и красива. Стройное тело, высокая, немного тяжеловатая грудь, плоский живот, округлые бедра, длинные ноги и манящая, притягивающая мужчин темная ложбинка внизу живота.

⁵ Хъайтар лæппу — храбрец.

Она стояла перед юношей молча, без тени смущения. Женщина даже не сделала инстинктивной попытки прикрыться от пристального взгляда молодого мужчины. Она была просто прекрасна в своей наготе даже в этих совершенно не укладывающихся в голове обстоятельствах. Батраз был бы заморожен этой красотой, если бы не ее дикий, нечеловеческий взгляд. Глаза ее горели хищным, животным огнем — так же, как и лицо, несмотря на то, что черты были правильны и красивы. Дело в том, что рот, губы и щеки незнакомки были перепачканы кровью. И хотя в темноте красный цвет неотличим от черного, у Батраза не было и тени сомнения, что это именно кровь.

Они так и стояли — молча, друг напротив друга. Только река, разделявшая их, чуть слышно журчала на камнях. Потом Батраз стал замечать, что взгляд женщины меняется, будто бы зверь, глядящий ее глазами, начал куда-то потихоньку отступать. Ее взор постепенно приобретал человеческую осознанность. И тут юноша узнал стоящую перед ним молодую женщину. Вернее, вспомнил. Да, он видел это лицо здесь, в Дунта, видел мельком, мимоходом. Это была чья-то невестка. Зарема даже говорила ему чья, но он не запомнил — да и не нужно было ему это знание что тогда, что сейчас.

Тем временем девушка будто ожила: человеческое начало совершенно точно вернулось к ней, но она даже не подумала стесняться своей наготы, попытаться прикрыться или убежать. Наоборот, она легко двинулась навстречу юноше, чуть забирая в сторону, через реку, не обращая внимания на ледяную воду. Батраз, не спуская с оборотня глаз, также начал движение, но в противоположную сторону, пытаясь сохранить прежнюю дистанцию. Поняв его намерения, женщина, не останавливаясь, заговорила. Вначале ее голос звучал глухо и хриловато, но постепенно приобрел плавность и мелодичность.

Она говорила по-осетински, четко и правильно.

— Отдай мне одежду, просто отдай и иди. Никому не говори, что ты видел. Отдай одежду.

Она как будто уговаривала и одновременно заклинала юношу. Голос звучал убаюкивающе.

— Отдай, иди ко мне... Я твоя. Иди... отдай... ко мне... твоя...

Она говорила и медленно двигалась к нему, будто плыла. Батраз отступал, не сводя с женщины взгляда. Ее бесстыдная нагота и этот влекущий голос притягивали, манили его. Юноша уже во все глаза ловил движения ее стройных ног, покачивание бедер, легкие колебания тяжелой груди, темные ареолы вокруг чуть торчащих сосков.

Ледяная вода резанула его по ногам, словно нож. Уклоняясь от приближающейся к нему женщины, он не заметил, как сам зашел в воду. Батраз вскрикнул от неожиданности, и женская одежда выпала из его руки, тогда он нагнулся, чтобы ее поднять, и почувствовал где-то рядом почти неуловимое движение. Когда парень выпрямился, его взгляд столкнулся со взглядом невероятным образом очутившейся около него женщины. Глаза ус-бирæгь снова пылали диким огнем, от нее приторно и резко пахло кровью, потом и тинной. Томный морок эротического возбуждения слетел, как шелуха, и только дикая ярость исходила от этого зверя в человеческом обличье. Батраз уже простился с жизнью, потому как отчетливо увидел перед собой свою смерть. Ноги мгновенно стали ватными, холодный пот заструился по спине, и...

И ничего не произошло. Кипящий яростью взгляд продолжал жечь его. Руки оборотня судорожно сжимались и разжимались, но сил поднять их у зверя почему-то не было. Пораженный юноша сделал шаг назад, чтобы как-то разорвать эту дьявольски короткую дистанцию, и только тогда увидел, что его с чудовищем разделяет не только расстояние. В его инстинктивно поднятой правой руке был зажат нож деда Ахсара, а на животе женщины он увидел четкий красный след, но не рану или царапину, а, скорее, глубокий отпечаток клинка на бледной коже.

Батраз теперь уже осознанно вытянул вперед руку с ножом и стал медленно отступать на правый берег реки, даже не чувствуя дикого холода под ногами. Он не спускал с обнаженной женщины глаз, надеясь уловить ее новый бросок, но она стояла неподвижно. Клинок ножа как будто создал невидимую стену, преодолеть которую женщина-волк не могла.

Она заговорила лишь тогда, когда он вышел из реки на тропинку:

— Ты не принял меня. Ты сам выбрал свой путь. Не смей никому говорить. Если скажешь, то сам выберешь свою смерть. Туты, повелитель волков, отомстит за меня.

Она замолчала, наклонилась к воде и подняла одежду, вырonnenную Батразом. Потом повернулась к нему спиной и неторопливо пошла в сторону мельницы, покачивая бедрами.

Внезапно страх, который парализовал юношу, отступил. Не оглядываясь, Батраз бросился бежать прочь. Прочь от этого проклятого места, от этой страшной женщины, этой реки, этого Рубикона, который чуть не стал для него Стиксом.

Они столкнулись лицом к лицу прямо у дверей — запыхавшийся, весь мокрый Батраз и выбегающий из дома дед Ахсар. Юноша

резко затормозил, а старик схватил его крепкими руками. Вначале парень подумал, что старик просто хотел избежать столкновения, но когда дед встряхнул его, как куклу, Батраз понял, что дело не в этом.

— Кто, кто она? Говори! Живо! Ты же видел ус-бирæгь!

Ужас, удивление и еще раз ужас явственно читались в глазах Батраза; отпираться не было никакого смысла. И ребенок, маленький Батик, внутри юношеского тела плаксиво недоумевал: «Почему так? За что? Я только спасся от смертельной, нереальной и невообразимой опасности, а тут, вместо того чтобы успокоить, защитить, спрятать, меня снова мучают!»

— Кто, говори! Говори, живо! Кто она?!

Дед с неожиданной силой и яростью тряс здорового парня, почти одного с ним роста. Батраз хотел все рассказать, но не мог из-за страха перед ее последними словами про смерть и повелителя волков. Ахсар, видимо, почувствовал этот страх и понял, что юноша ничего не скажет. Дед устало опустился на один из сундуков, стоящих вдоль стены, и негромко сказал:

— Она тебя обманывает. Не верь ей! Ни единому слову! Ты ее видел, и она убьет тебя. Пока ты жив, она в опасности, а значит, тебе не жить. Она зверь, не человек.

После этих слов Ахсар, вмиг сгорбившийся и постаревший, встал и побрел на кухню, не обращая никакого внимания на удивленные лица выбежавших на шум Заремы и Сослана.

На следующее утро серьезный и мрачный Ахсар объявил парням, что их отдых закончился и нужно, не затягивая, ехать домой. Сказать, что Батраз был счастлив, значит погрешить против правды. Он был на седьмом небе! Сослан хоть и был немного озадачен неожиданной высылкой, но с трудом скрывал радость: «Наконец-то домой!»

Юноши поспешно собрались, торопливо попрощались с хозяевами и двинулись быстрым шагом вниз к Фасналу. По дороге Сос, конечно, начал расспрашивать друга о ночном происшествии, но Батраз замкнулся и не произнес ни слова. Что-то придумывать и обманывать товарища он не хотел, да и внутренних сил для того, чтобы нагромоздить более-менее правдоподобную версию ночных событий, у него не было. Он коротко ответил, что «дал слово деду ничего не говорить», чем еще больше озадачил товарища. Молча и даже на некотором расстоянии друг от друга они прошли оставшийся путь. Как будто недоговоренность легла между ними незримой, но реальной преградой.

Однако уже на автобусной остановке возникшее между друзьями напряжение рассеялось, и они весело стали обсуждать, как же они наконец оторвутся в городе после возвращения. А автобус задерживался. Витавшая в воздухе эйфория быстро рассеялась, уступив место томительному ожиданию.

Время шло, а автобус все не приезжал. Парни уже не знали, как устроиться поудобнее на узкой скамейке старенькой остановки, тихо радуясь, что день был пасмурный и не было ни дождя, ни солнца. Низкие свинцовые облака, подгоняемые ветром, бежали по небу на юг, в Грузию, ни на секунду не замедляя свой бег. Ни автобуса, ни попутки. Тишина, оттеняемая далеким рокотом Сонгитидона.

Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, Сослан пошел побродить по поселку, тем более что величественные, казавшиеся огромными развалины «бельгийской» фабрики так и манили к себе. Он тянул за собой Батраза, но тот остался на остановке. На предложение пойти посмотреть старое кладбище на окраине у самого берега реки он тем более ответил отказом. Сос заметил пять склепов с высоты третьего этажа одного из разрушенных корпусов и захотел до них прогуляться, но Батику сейчас меньше всего хотелось находиться в обществе покойников, пусть и древних. Все его сознание, все его мысли занимал один-единственный вопрос: «Где же этот чертов автобус? Ну где же он?!»

Он так погрузился в эту мысль, что не заметил, как к нему подошел молодой мужчина. Юноша быстро вскочил с лавки, проявляя уважение к старшему.

— Салам, — прокуренным голосом просипел подошедший.

Опираясь на крючковатую палку, он присел на скамейку и жесткими, загрубелыми руками начал неторопливо доставать из кармана пиджака пачку «Примы». Не торопясь закурил и, сделав пару мощных тяг, как будто впервые обратил внимание на юношу, стоящего рядом.

— Ты садись. Давай.

Он протянул ему мятую пачку. Батраз покачал головой и продолжил стоять. Не было похоже, что мужик тоже ждет автобус, но Батика так и подмывало спросить местного, когда же наконец придет транспорт. Он все не решался это сделать, подсознательно не желая лишиться надежды уехать, ведь ему так надо было уехать именно сегодня... И только он решился, как мужчина, сделал последнюю затяжку, прохрипел:

— Городской? Автобус ждешь? Мурат в Ахсарисаре сломался. Только до Чиколы его дотянули. Звонил.

«Какой Мурат? При чем здесь какой-то Мурат?» — пронеслось в голове у юноши. И опять, прежде чем Батик успел задать вопрос, чувствуя нарастающее волнение и раздражение по отношению к этому медлительному субъекту, мужик снова полез в карман за новой сигаретой и произнес:

— Мурат — водитель автобуса. Не жди. Сегодня не будет. Может, завтра. Хотя... вряд ли.

* * *

Батразу не спалось. В комнате было душно, открытая форточка не спасала. Вдобавок огромная полная луна настойчиво светила прямо в глаза. Юноша перевернулся на живот и уткнулся в подушку.

— Все, хватит...

Как умирающий от жажды в пустыне грезит о глотке воды, так и ему не хватало глотка свежего воздуха. Он включил фонарик на телефоне и, не зажигая свет в комнате, быстро оделся. Стараясь не шуметь, прошел темным коридором, открыл скрипучую дверь, вышел на крыльцо и наконец вдохнул полной грудью ночной прохладный воздух.

— Кайфуха...

— Ты что здесь?!

Батраз вздрогнул от неожиданности. Сделал она это смешно, по-детски — чуть вздернув плечи и втянув в них в голову. Он всегда стеснялся этой своей реакции. Пытался ее контролировать, чтобы не вызывать насмешек друзей, но сейчас не сдержался.

В темноте светился красный огонек сигареты. Дед Ахсар кашлянул, поднялся с невидимой в темноте лавки и вышел на свет. Глаза Батраза округлились. В руках у старика была двустволка «Белка», а на поясе висел здоровенный нож.

— Вы... вы это куда?

Батраз растерялся. Вид старика с оружием в руках и домашних стоптанных тапочках был не столько грозный, сколько комичный. Юноша с трудом подавил улыбку.

— Ты так ничего и не понял?

Батраз молчал, потом сообразил:

— Волки?

— Дурак! — Ахсар в сердцах сплюнул и раздраженно махнул рукой.

Батраз хотел возразить, но смолчал. В голове пронеслись воспоминания о ночной встрече. Он решил, что лучше уйти, но тут дед Ахсар сказал, что ему нужно в дом, и сунул ему в руки ружье.

— Стрелять умеешь?

Батик утвердительно кивнул, но старик все равно показал ему, как взводить курок и переводить переключатель с одного ствола на другой. Мелкашка — влево, двадцать восьмой калибр — вправо. Оставил ему патронташ с парой патронов и ушел, скрипнув дверью.

«Лучше бы нож оставил», — подумал Батраз и закинул «Белку» на плечо. Сделал пару шагов по прогибающимся доскам крыльца, изображая часового на посту. Мысленно посмеялся нелепости ситуации и сел на лавку — туда, где до этого сидел старик. Стало зябко. Ночная прохлада, только что такая приятная и освежающая, стала сразу сырой и противной. Батраз поежился. Прислонил ружье к стене, положив патронташ рядом с собой, и обхватил себя руками.

Двор был хорошо освещен лунным светом. Почти как днем, только тени какие-то другие. Слишком длинные и вытянутые. Старый каменный забор, стог сена в углу, рядом наполовину заваленная травой старая «копейка», ряды клеток от старого крольчатника... Тихо. Только мерный шум невидимого Сонгутидона где-то внизу.

Батраз еще раз вдохнул ночной воздух и покрутил головой. Все по-прежнему. Забор, стог, жигуль и... Батраз замер от удивления. Он отчаянно не хотел верить своим глазам. Прямо перед клетками стояла волчица. Огромная, размером с крупного волкодава-кавказца. В лунном свете мех ее светился и отливал серебром. Она стояла без движения, не отрывая взгляда от юноши. Как отлитая в серебре статуя.

В горле Батраза сразу пересохло. Язык прилип к гортани. Он хотел крикнуть, позвать на помощь. Но это было так по-детски, так не по-мужски, совсем как это его подергивание плечами от неожиданности. Батраз пошарил по стене рукой, пока не уперся пальцами в холодный металл ружья. Стараясь не делать резких движений, он взял «Белку» в руки и медленно перевел ствол в направлении зверя. Тот по-прежнему стоял перед ним не двигаясь. Батраз глубоко вздохнул и, не глядя на селектор стволов для выстрела, взвел курок.

Металлический щелчок прогремел в тишине как гром. Он стрелял особо не целясь. Пуля мелкашки звучно ударилась о каменный забор, высекая искры. Волчица сорвалась с места, в пару прыжков перемахнула двор в направлении Батраза. «Че-е-е-ерт!» Мысль запульсировала в его голове. «Че-е-е-ерт! Ну как та-а-а-ак!»

Батраз даже не попытался снова взвести курок. Двадцать восьмая картечь гарантированно бы остановила зверя, но времени сделать второй выстрел уже не было. Волчица была слишком близко. Она пригнулась, готовясь к последнему броску. Шерсть на загривке встала дыбом, из приоткрытой пасти капала слюна. Но вот глаза... Глаза были человечески, хоть и по-волчьи холодные и безжалостные.

Волчица бросилась вперед. Батраз попытался отбиться от нее ружьем, используя приклад как дубину. Он вложил в удар всю свою силу, но в голову зверя попасть не получилось. Приклад врезался в бок. Треснули ребра, волчица коротко взвизгнула, но не остановилась.

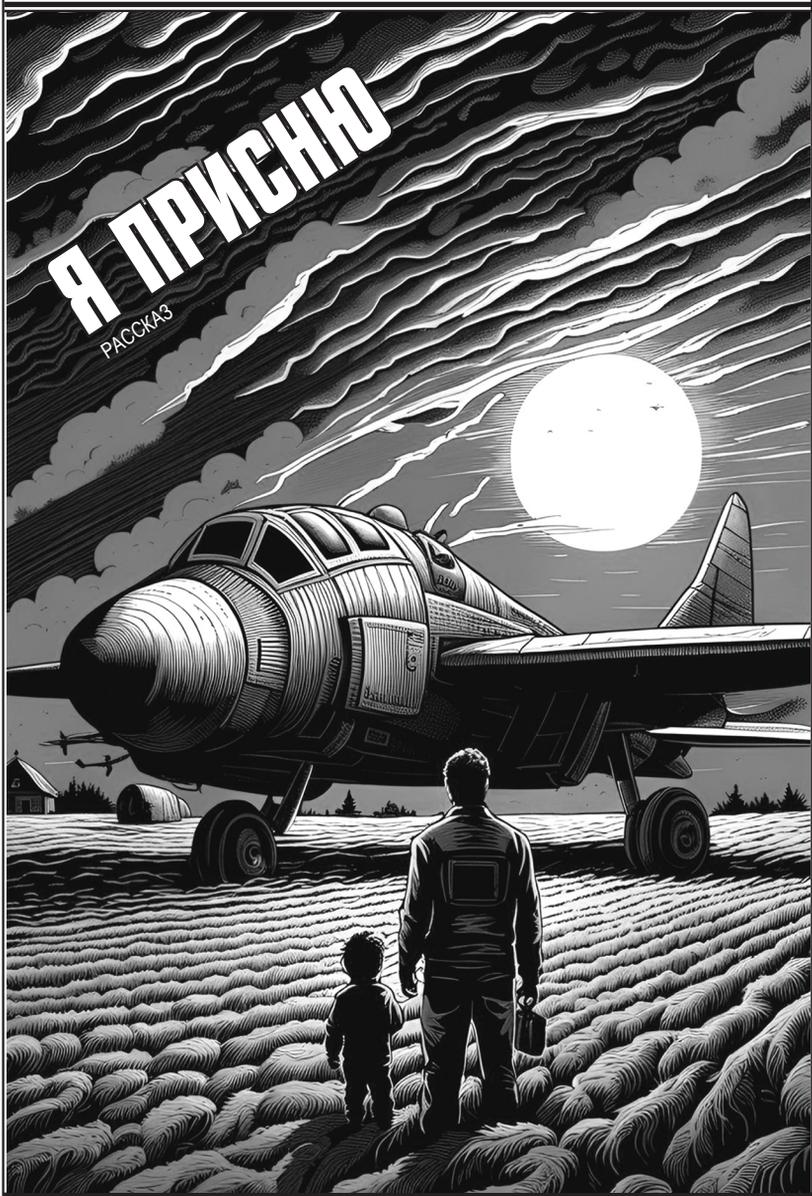
Дикая боль пронзила Батраза в районе бедра. Ружье выпало из рук. Он пытался руками отпихнуть от себя вцепившегося в ногу зверя. Не получалось. Потерял равновесие и упал. Разжать челюсти, рвавшие ногу, не было возможности. Батраз стал просто молотить кулаками по голове волчицы, но с каждым мгновением его удары были все слабее и слабее.

А потом боль куда-то ушла. Он лежал на старых потемневших досках крыльца и видел, как из дома с обнаженным ножом выскочил дед Ахсар. За ним в одних трусах и с лопатой в руках выбежал Сослан. Они пропали из виду, но потом бросились к нему. Звук упавшей на пол лопаты глухо отозвался в ушах. Его начали тормозить, что-то кричать. Кто-то крепко сжал ногу. Потом он увидел испуганного и потерянного Сослана с окровавленными руками. Они что-то кричали ему сверху, но он ничего не слышал. Ахсар и Сос открывали рты совсем как в немом кино, и Батраз невольно улыбнулся. Дед бил его ладонью по щекам, но Батраз не чувствовал ударов, только голова моталась из стороны в сторону, как у китайского болванчика, и стала кружиться. Ахсар склонился над ним, и Батраз почувствовал его дыхание. Потом лицо старика стало терять очертания и совсем пропало в ослепительной вспышке света.

Когда над неподвижным телом Батраза заплакала Зарема, он уже ничего не видел и не слышал.

Филипп КУЗЕН

Я ПРИСНЮ
РАССКАЗ

И где она?

— Под акацией.

— Под акацией! Господи, когда ж ты у меня наконец вырастешь.

Они стояли на крыльце. От дома до акации было десять шагов. Десять ее шагов, его, маленьких, — двадцать. Он высоко поднимал ноги, чтобы не обжечься крапивой.

— Ну показывай.

— Вон, — кивнул Уго и отвернулся.

Она вгляделась в высокую траву и надолго замолчала. Так надолго, что за это время порхавшую бабочку перещелкнула пополам пролетавшая птица. В воздухе повисло золотое облачко.

— И впрямь, — без особого удивления сказала Франс Шарпантье.

— Я не нарочно. — Уго потянул ее за локоть.

Она взяла его ладошку:

— Надеюсь.

Нарочно или нет, дела это не меняло. Длинный черный обтекаемый корпус лежал, примяв траву и цветы, у их ног. Дальше, за забором, было поле, оно колыхалось, как океан.

Печатается по изданию: Кузен Ф. Я присню / пер. с франц. В. Старовойтовой // Ровесник. 1988. № 11, 12.

— Черт возьми, — забавно вздохнула мать Уго. — Один к одному!

— Еще бы! — оживился мальчик.

Мать вдруг расхохоталась, но это был не ее, не мамин смех. Это, скорее, был смех взрослого человека, когда что-то еще больше отдаляет его от детства.

— Так эта штука что, действующая?

Он удивленно смотрел на мать: как же иначе!

— Значит, действующая, — сказала мама и пошла в дом. — Ты иди играй, только не трогай ее.

Он еще постоял, глядя на то, как резвится ветер в люцерне, на разбросанные по полю яблони, похожие на бронзовых львов, и побрел за матерью следом.

У самого края дома, между айвой и яблоней, увитыми диким виноградом, стоял его шалаш, а в шалаше лежали старые трофеи: плюшевый мишка, игрушечная железная дорога, дешевые побрякушки, солдатики, транзистор, сборные модели, исчезновение которых из ближайших магазинов игрушек наделало в свое время шума. Теперь они валялись без дела и потому, что уже надоели, и потому, что ему строго запретили играть всем этим за воротами. Он залез на самую толстую ветку каштана и стал следить за дорогой.

Около полудня со стороны Шарни появилась старенькая машина. Поравнявшись с домом могильщика, она сбавила скорость и, зверски рыча, одолела последние метры, отделявшие ее от фермы «Шпиль».

Из машины выбрался отец, нагруженный покупками. Он шел медленно, сминая траву и крапиву. Высокий, крепкий человек.

Уго увидел, как мать вышла навстречу отцу. Она говорила ему что-то, а он слушал. И его крупное строгое лицо мрачнело. Потом он положил пакеты на траву и стал искать глазами Уго.

Мальчик слез с дерева и нехотя подошел к родителям. Отец приподнял его и поцеловал:

— Здравствуй, сын. — Они сегодня еще не виделись, потому что Жюльен Шарпантье с самого утра уехал в Шарни по своим делам. — Что ты еще сотворил?

Уго завертелся:

— Бомбу...

— Где она?

— Перед домом.

Отец пристально взглянул на него:

— Пойдем посмотрим.

Бомба притаилась в траве, как большая черная рыбина. Снаряд был трех метров в длину и сантиметров восемьдесят в диаметре. Его оперяли четыре ядовито-желтых «плавника», вставленные в стальное кольцо.

— Где ты это взял?

Уго порозовел:

— Увидел в «Окапи».

— «Окапи»? Газета для самых маленьких?

— Да.

— Невероятно, — пробормотал Жюльен. — Франс, ты знала, что он такое читает?

Франс пожала плечами:

— Сегодня все дети знают, как устроена термоядерная бомба.

— И она, конечно же, в точности как настоящая?

— Там были фотографии, — тоненьким голоском сказал Уго.

Он яростно расчесывал свою обстреканную крапивой ногу. — Это тактическая водородная бомба типа «занавес». Применяется для изоляции района радиоактивным кольцом.

Жюльен побледнел:

— И сколько в ней?

— Две мегатонны.

— Что?! — Он повернулся к жене. — Ты представляешь?

Она старалась выглядеть как можно спокойнее:

— Не очень.

— Не очень? — Но так как он собирался сказать что-то неприятное, а Уго был еще здесь, он замолчал.

— Ну и что из этого? — заступилась за сына Франс. — Можно умереть и от удара граблями по голове!

— Есть разница между граблями и бомбой, которая может поднять на воздух весь департамент?!

— Не думаю. В любом случае люди умирают.

Как это бывало прежде, Жюльен рассмеялся. Вспышки гнева у него были шумными, но недолгими, достаточно было дуновения ветра, чтобы загасить их.

— Хорошо. Пусть так. Но он приносит нам такое впервые. Это ведь не плюшевый мишка и не модель ракеты!

— Я не нарочно... — снова заладил Уго.

— Знаю, Уго, знаю, — отец ласково потрепал его по плечу. — Но ты видишь, в какое положение ты нас ставишь.

— Но он не виноват! Она ему приснилась, и все! Он видит во сне то, что ему показывает сегодняшний мир. По-твоему, и читать ему нужно запретить?

Жюльен улыбнулся:

— Конечно, нет. А пока этой бомбы уже где-то хватились. Ты же прекрасно знаешь, что когда ему снится какая-нибудь вещь, эта вещь исчезает со своего места и появляется здесь. Так же и с этой бомбой.

— Это американская бомба, сфотографированная на военно-воздушной базе в Техасе, — сказал мальчик. Оседлав бомбу, он что-то разглядывал на ее черной блестящей спине.

— Они там, наверное, с ума сходят, в Техасе! Что ты еще там нашел?

— Это чтобы прикреплять бомбу к самолету. А тут, — он охотно пояснял свои находки, — предохранители. Два ручных и пять управляемых по радио с самолета. Я прочел это в...

— В «Окапи», знаю. Короче, она не может взорваться?

— В принципе нет. Но два предохранителя сняты.

Жюльен побледнел, а Франс нахмурила брови:

— Как так сняты?

— Вот эти, — показал мальчик. — Они отлетели по дороге. — Он улыбнулся. — Ты не волнуйся, остается пять, хватит.

— Но ведь все, что ты приносил во сне, всегда было в отличном состоянии.

— Такой громадины еще не было, — терпеливо объяснил мальчик. — Наверное, зацепилась за что-то...

— Ага, за угол, — проворчал Жюльен. — Может случиться, что пять предохранителей отключатся одновременно?

— Такого еще не было, — сказал Уго категорически. — Только если...

— Если что?

Он закончил неохотно:

— Ну она управляется по радио. На определенной длине волны. Она никому не известна. Будет глупо, если поблизости окажется той же длины волна, у какого-нибудь телевизора, например, или у пролетающего спутника...

Жюльен, открыв рот, уставился на сына. Уго засмеялся:

— Да я шучу! Все равно должна быть определенная комбинация. Шансы ее найти — один на миллиард!

— А сколько шансов было у нас однажды утром найти в своем саду термоядерную бомбу? — сказал Жюльен тихо. — Надо непременно избавиться от нее, и чем раньше, тем лучше. А пока помогите мне закопать ее. Хорошо еще, что нас не видно с дороги!

И они ее закопали. Для Уго это была еще одна игра. Он орудовал слишком большой для него лопатой, как щенок зонтиком. Через двадцать минут, утрамбовав землю ногами, Жюльен уложил сверху дерн и набросал свежего сена из стога.

Обед был уже на столе.

— О бомбе больше ни слова, — сказал Жюльен, глядя на сына. — Никогда. Если кто-нибудь узнает о ней, тебя у нас заберут. Причин будет достаточно, начиная с государственных интересов...

— О господи! Государственные интересы! — усмехнулась Франс.

Она посмотрела на кудрявого мальчишку, который старательно облизывал пальцы. Семь лет неповторяющегося счастья, семь лет детской любви, игр и купаний в пруду, похожих на морские сражения. Чем может быть интересен государству этот семилетний человечек?.. И вдруг она все поняла.

— А ты представь на минутку, — продолжал Жюльен, накладывая себе телятину в соусе, — что может сделать мальчик, а значит, будущий солдат, который во сне переносит атомные бомбы. Он проникает в тыл врага, минирует города, порты, электростанции и так далее, и все это без особых усилий: засыпает, видит сон — и вот она, бомба.

— Ты действительно думаешь, что они посмеют его забрать?

— Не могут же они оставить такого ребенка, как Уго, на свободе.

— А я не пойду, — сказал Уго.

— Боюсь, что отец прав. Обещай нам ничего никому не говорить.

— А шоколадный мусс есть? — спросил мальчик.

— Нет, на ужин сделаю.

— Тогда обещаю. Честное слово.

Кофе они пили под ивами, у пруда.

Уго убежал к своим приятелям на ферму «Волчья ягода».

Франс подседа к мужу:

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты не в ответе за сны Уго. Ведь это только его дар, настоящий новый дар!

— Мутация, — прошептал он.

— Да, мутация. А почему бы и нет? Все человечество — это племя мутантов. Наш сын материализует сны? Насколько я понимаю, это не является воровством!

Все-таки она была невероятно беспечна. Он и любил ее за это, за то, чем она была, и за то, чего не было у него самого: иронии по отношению к смерти, к судьбе, к силе. А малыш вышел похожим на него: неисправимый мечтатель, сочиняющий свою жизнь.

— Пока нет, но я боюсь, как бы это не кончилось плохо. Представь, что он начнет перемещать живую материю, а не только предметы. В шестнадцать лет он принесет нам кинозвезду, вырванную из своей постели в Лос-Анджелесе или в Голливуде? Вообрази, какой будет скандал.

— Да ну тебя! Ты всегда преувеличиваешь. Зато мы сможем бесплатно путешествовать: за одну ночь он отправит нас на Гапагосские острова или на Луну!

Она собрала со стола скатерть и встряхнула ее. Взлетели крошки хлеба, получился дождик наизнанку. Жюльен улыбался, сам того не желая, соблазнившись мыслью благодаря сыну окатиться на Луне.

К пяти часам мечтатель пришел полдничать. Потом они его увидели только за ужином. Ужинали они на террасе в сумерках.

Был шоколадный мусс.

На следующее утро Франс пришла будить Уго. Лицо у нее было уставшее, она нервно усмехнулась:

— Иди полюбуйся, что ты еще натворил.

Ничего не понимая, он стал неловко одеваться. В этот раз она ему не помогала. Она смотрела в окно. Сквозь ветви ив и японской яблони Уго увидел окутанный утренним туманом силуэт самолета. Отец стоял перед ним, засунув руки в карманы.

Самолет занимал как раз весь огород: его нос, удлиненный анемометром и шестом дозаправки в воздухе, уткнулся в ветки, а задний стабилизатор касался ограды. Шасси раздавили редиску.

— Это «харриер», — сказал Уго. И продолжил, встретив взгляд отца: — Истребитель-бомбардировщик образца семидесятых годов. Английского производства.

— Так, — сухо сказал Жюльен. — На этот раз мы попались. Я эту машину не смогу закопать.

Уго обошел самолет. Все было на месте, даже выдвижные амортизаторы, несущие маленькие колеса на концах крыльев. Корпус был снабжен подвесками для ракет и баков.

— И он, конечно, тоже действующий? — как можно спокойнее спросил отец.

— Да, наверное, — Уго никак не мог прийти в себя: никогда он не думал, что ему удаются такие крупные предметы.

— Вчера бомба, сегодня самолет, а завтра ты нам что сделаешь? Взлетную полосу?

— Она не нужна, это же ВТОЛ.

— ВТОЛ?

— Ну да, «вертикэл тэйк офф энд лэндинг». Самолет вертикального взлета и посадки. Газовые струи направляются из турбин вниз при помощи вот этих щитков, они управляемые. В воздухе пилот разворачивает их и летит вперед. Это было до того, как изобрели стабилизирующие антигравитационные системы, обеспечивающие мягкую посадку.

Франс прижала мальчика к себе:

— Ну что ж, тем лучше. Они смогут забрать его, ничего не скажут. Вот и все.

— Кто это «они»?

— Ну, я не знаю. Военные, летчики, кто захочет. И нам совсем не обязательно говорить им о бомбе.

Жюльен немного подумал:

— Может быть и так. Ведь пилот мог прилететь и куда-то уйти. Сложнее будет объяснить, почему мы ничего не слышали.

— А мы ничего и не должны объяснять, — сказала Франс.

Уго уточнил:

— У него есть специальные глушители. Чтобы приземляться в тылу врага.

— Да, ты неплохо осведомлен. А его ты где видел?

— Он был в Авиационной энциклопедии. Такая толстая книжка, которую мне дядюшка подарил на рождество.

— Понятно, — отрезал Жюльен. — Давай так: мы только что его здесь нашли, договорились?

— Договорились!

— Я поставлю машину на бомбу. Уго, вынь все из своего шалаша и спрячь игрушки у себя в комнате.

Около восьми часов утра на дороге остановились первые машины. Чуть позже появилась машина жандармерии, остановилась в поле, к северу от дома, и из нее вышли три человека в форме.

— Пристегнитесь, начинается, — предупредил Жюльен. И, придав своему лицу соответствующее обстоятельствам выражение, вышел им навстречу.

В четыре часа дня дорога была черна от людей. Жандармы установили заграждения и пропускали только тракторы фермеров. Около дома обочины дороги были заставлены грузовиками префектуры, армии и гражданской обороны. Работал подъемный кран, но он не мог поднять «харриер».

— Завтра утром пришлют другой кран, — сказал бригадир жандармов, — побольше.

— Хорошо, — сказал Жюльен.

Он уже предложил им кофе. Ему ужасно надоело изображать из себя придурковатого фермера, пораженного происшедшим. Кроме того, его угнетала необходимость отвечать на вопросы полицейских, которых он и без того терпеть не мог. Жандармы запросили центральный компьютер, и теперь им было известно, что хозяин фермы неохотно голосует, что он четыре раза отказывался воевать (в Корею в 1992 году и Йемене в 1993-м, в Испании в 1997-м и в Тунисе в 2008-м), что у него масса проблем с банковским счетом, с социальным страхованием и с пенсионной кассой. А теперь еще этот старый военный самолет у него в саду!

Около пяти часов над фермой появился турбореактивный вертолет и сел на дорогу. Прибыли префект и командующий военным округом в сопровождении двух угрюмых людей в штатском. В тот день им, как видно, больше нечего было делать, и они в сотый раз заставили Жюльена рассказывать им всю историю в подробностях.

Жюльен и Франс обошлись тремя фразами: они проснулись около семи утра, нашли в огороде самолет, до этого ничего не слышали. Всё.

— Но как вы объясните, что ветки не поломаны и листья на деревьях целы? — спросил префект, облокотившись на кухонный стол.

— А вы как это объясните? — ехидно ответил вопросом на вопрос Жюльен. Он резко бросил следователю, который от безделья теребил горчицу: — Да оставьте вы ее в покое!

Префект и командующий округом обменялись быстрыми взглядами. Бригадир жандармов наклонился и что-то прошептал в наодеколоненное ухо большого начальства.

— Да-да, — закивал префект.

— Понятно, — сказал командующий округом.

— Продолжим, — продолжил префект. — Вы знаете, что именно находится в вашем саду?

— Понятия не имею, — сказал Жюльен.

— Истребитель-бомбардировщик тридцатилетней давности. Хотя он совсем устарел, некоторые страны еще используют его против повстанцев-революционеров. Он садится и взлетает вертикально...

— Да плевать я хотел, — буркнул Жюльен.

Префект продолжал невозмутимо:

— Тот, что у вас в саду, — индонезийский «харриер». Забавно, не правда ли?

— Что забавно?

— Найти индонезийский «харриер» у себя в огороде.

— Может быть.

— А еще более забавно, что он попал туда, не сломав ни одной ветки, даже грядки не помял.

— Не то что ваши люди, — нетерпеливо вставил Жюльен. — Послушайте: я уже все рассказал жандармам, военным, летчикам, репортерам, мэру и его помощникам. Могу добавить, что я никогда не управлял самолетом, что самолеты меня не интересуют и что я приехал жить сюда, чтобы меня не доставали летчики, военные, полицейские и прочие зануды. Поэтому...

— Позвольте... — один из угрюмых людей в штатском, сопровождавших начальство, поднял руку: — Лично вы не любите самолеты. А ваш сын?

Жюльен почувствовал, как тоненькая струйка холодного пота родилась у него между лопатками и поползла по позвоночнику.

— Что мой сын?

У человека в штатском дернулось лицо. Наверное, это была улыбка.

— Ну да, ваш сын. Он любит самолеты?

— Как все мальчишки.

— Можно на него взглянуть?

Жюльена захлестнула волна страха, ярости и ненависти.

— А зачем? Вы что, думаете, это он украл этот самолет в Индонезии и посадил у нас в саду?

— Я этого не говорил...

— Или он соорудил его за одну ночь из консервных банок и проволоки?

— Могу я взглянуть на вашего сына? — терпеливо переспросил его собеседник.

— Нет. Я не хочу, чтобы он имел дело с такими людьми, как вы. Ребенку не о чем говорить с представителем Бюро расследований.

Тот пожал плечами:

— Невинному нечего бояться.

— Как раз наоборот. Впрочем, он играет с ребятами, а где — я не знаю.

Префект кашлянул.

— Господа, господа, спокойнее. — И, повернувшись к Жюльену, зашептал: — Мы уезжаем. Инженерные службы заберут самолет завтра утром. Попрошу вас соблюдать строжайшую секретность. Не исключено, что речь идет о контрабанде оружием.

— Оставляю вам двух часовых. Их сменяют в два часа ночи, — уточнил командующий военным округом.

Они вышли. Небо розовело, первые звезды зажигались над домом. По дороге проехали патрульные грузовики, за ними машины официальных лиц. Соседи разъехались уже давно, так как им больше не на что было поглазеть. Остались только двое часовых. Они тут же развесили оружие в саду на груше...

Было три часа утра. Жюльен встал, надел халат и вышел в коридор. Дверь в комнату Уго была открыта. Мальчик лежал на спине, сжимая в руках школьную тетрадку. Он что-то старательно писал.

Жюльен сел на край кровати и зевнул:

— Не спишь?

— Переписываю.

— Что ты переписываешь?

Уго поморщился и закрыл глаза:

— Инструкцию по пилотированию «харриера».

— Зачем?

Он открыл глаза и написал: «Система нагрева и предварительного разогрева, об/мин, левый красный индикатор в третьем ряду. Нажать кнопку с черным кружком».

— Это что такое?

— Разогрев двигателя, чтобы подняться в воздух.

— Подняться в воздух?!

— Ну да. Я притащил сюда самолет, я и должен найти способ, как от него избавиться.

— Сын...

— Смотри, па, мы прицепим бомбу к самолету и отгоним его подальше. Одним выстрелом уьем двух зайцев. Все подумают, что пилот вернулся.

— Все подумают, что это мы перегнали самолет!

— Поэтому-то я и не перенес сюда саму инструкцию. Она в единственном экземпляре. В Париже, в музее авиации. Я читаю оттуда. Им никогда не придет в голову, что мы подняли самолет сами.

И он снова закрыл глаза.

Жюльен с ужасом уставился на него. Уго писал, его лицо дергалось и морщилось, он беспокойно двигался во сне. Жюльен нагнулся и прочитал: «Запуск времени 0. Нажать зеленую кнопку: зеленый индикатор. Следить за нарастанием оборотов. Первая ступень: 7 000 об/мин. Вторая ступень: 14 500 об/мин».

Уго открыл глаза и вздохнул:

— Думаю, все будет нормально. Его несложно пилотировать. Рычаг управления вперед, назад. Главное — следить за указателем скорости и авиагоризонтом...

— А потом?

— Потом переходим в горизонтальный полет и потихоньку увеличиваем обороты. Все просто. Дай я посплю еще немножко, мне нужно узнать, как прицепить бомбу.

Жюльен встал и вышел покурить. Потом все-таки разбудил Франс. Она выслушала его, не перебивая:

— А часовые?

— Он уже что-нибудь придумал, — с гордостью ответил Жюльен.

Уго вошел в спальню. Он был уже одет.

— Готово. Два крюка на пусковой установке, под правым крылом. Надо будет заполнить бак под левым крылом для равновесия. Там должна быть система распределения с электрическим насосом или что-нибудь в этом роде...

Господи, восемь лет!

— ...А чтобы усыпить солдат, в аптечке есть снотворное. — Он подмигнул. — Я читал, как это делается, в «Приключениях капитана Карабина».

Спустившись вниз, они зажгли свет, и Франс стала насыпать снотворное в термос с кофе.

— К чему все-таки эта спешка? — ворчала она. — Можно было подождать, пока они заберут самолет, а с бомбой мы бы потом что-нибудь придумали.

— Нет, Уго прав. Эти типы, которые здесь были днем, что-то учуяли. А американцы, должно быть, объявили розыск бомбы по всему миру. И не исключено, что завтра они придут сюда со счетчиком Гейгера.

Франс закрутила крышку термоса и взболтала его:

— Ладно. Больше нам ничего не остается делать.

Часовые второй смены дремали в джипе. Они даже не стали утруждать себя предупредительными окликами.

— Я принесла вам горячий кофе.

— Спасибо, мадам, — они приняли этот жест как должное.

Они пили, а она ждала, любуясь сверкающим под луной стройным силуэтом «харриера». Потом она поболтала с ними, пока у них не начали заплетаться языки. Автомат того, кто сидел за рулем, с шумом упал на дно машины.

Сразу же появились Жюльен и Уго. Прислушавшись к ночной тишине, она пошла за ними:

— Кажется, никого. Сейчас все-таки около четырех утра.

Жюльен прошептал:

— Солнце встает в пять. Я лечу две минуты, точно на север, потом сажусь и возвращаюсь. Ну, скажем, через час или через сорок пять минут, если потороплюсь. Это будет впритык, но все должно быть нормально.

— Сломай что-нибудь на щитке, папа. Надо, чтобы они подумали, что у пилота что-то случилось.

— Ладно.

Уго и Жюльен сходили в сарай, взяли сани и подтащили их к бомбе. Это были трехместные сани с дубовыми полозьями. Жюльен сам сделал их в тот год, когда в их краях выпало неожиданно много снега. Они раскопали бомбу, но положить ее на сани оказалось совсем непросто.

Пришлось подкладывать под бомбу поленья и тянуть ее на веревках. По влажной траве тащить ее было уже легче. Через десять минут бомба была под самолетом. Но до подвесок ее нужно было поднять больше чем на метр.

В отчаянии Жюльен плюхнулся на землю у самолета.

— Нам ее не поднять. Идиотизм!

— Должно же существовать какое-то решение, — проговорила Франс. Уго спрятался в складках ее юбки и молчал.

Через пять минут Жюльен увидел тележку с подъемником. Она появилась под крылом самолета, как раз рядом с бомбой. Уго поморгал и проснулся:

— Такая пойдет?

— Ну ты даешь! — непедагогично воскликнула Франс и крепко обняла мальчишку. Уго рассмеялся.

Когда они наконец прицепили бомбу, Франс пришлось еще убирать тележку в дровяной сарай и заваливать ее поленьями. Тем временем Уго и Жюльен открыли кабину и включили зажигание. Возвращаясь из сарая, Франс услышала в прозрачном воздухе свист турбин. Похоже было, что какая-то огромная кошка шипит в темноте.

— Все в порядке! — крикнул Уго.

Жюльен поколебался и перевалился через край в кабину пилота. Внутри было ужасно тесно. Мальчик помог отцу пристегнуться и стал кричать ему в ухо, что надо делать при взлете.

Вдавленный в сиденье, ослепленный множеством мигающих глаз приборной доски, Жюльен почувствовал, как его охватывает паника. Ему показалось, что двигатель разлетается на куски. С пересохшим ртом он взялся за рычаг управления.

— Не забудь, — кричал Уго, и его возбужденное личико было ярко освещено сигнальными лампами, — вперед — ты пикируешь, назад — поднимаешься! Чтобы развернуть струю...

— Чего?

— Струю воздуха! Чтобы ее развернуть, надо переключить вот эти рукоятки, и главное, держи обороты...

Шум все нарастал, крылья вибрировали до самых кончиков, и казалось, что самолет понемногу разваливается. Красная лампочка зажглась над счетчиком оборотов.

— Давай, готово! — провопил Уго и исчез.

Жюльен увидел, как он прошел под носом самолета, таща за собой стремянку. Поток воздуха из турбины трепал его кудрявые волосы. Со сдавленным сердцем Жюльен прибавил газ.

Плотная стена, как будто сделанная из толстого вибрирующего бетона, отделила его от окружающего мира, мира, залитого лунным светом, где светлые пятна лиц Франс и Уго бешено плясали на границе его поля видимости. Рычаг управления в его руках, скользких от пота, был похож на хрупкую стеклянную трубку.

«Харриер» качнулся, хрустнул. Как зверь, устраивающий ложе в мягкой садовой земле, он стал поворачиваться на месте. Шквал

комьев земли, салата и кабачков протрещал по фюзеляжу. Франс и Уго укрылись у дома.

Они увидели, как истребитель поднялся на струе пыли, поддерживаемый четырьмя столбами газа. Шум спал. На высоте тридцать метров «харриер» застыл.

Голова Жюльена, совсем маленькая, двигалась в кабине.

«Харриер» скользнул влево, снова взял вправо, крутясь, как плотва на крючке. Под большим алюминиевым крестом висела бомба, похожая на черную луковицу. Потом самолет вздрогнул, пронзил чистый воздух, утыканный звездами, и исчез за рощей.

Вернулась тишина, еще более оглушительная, чем унесшийся смерч.

Уго слабо улыбнулся:

— У него хорошо получилось.

«Харриер» был теперь звездочкой среди множества звезд, которые покачивались под легкими дуновениями ветра, как гирлянды лампочек. У Франс в горле стоял комок:

— Где он сядет?

— На просеке, в поле, неважно где. Не волнуйся, мама, самолет как раз для этого и сделан.

Жюльен сказал, что сядет через две минуты. Две минуты со скоростью двести километров в час, это будет семь километров.

Солдаты храпели в джипе. Подходя к дому, Уго сказал:

— Мама, смотри! Две звезды упали!

Настал день.

Жюльен еще не вернулся.

В восемь часов утра перед домом остановилась машина. Из нее вышел человек в штатском, которого они видели накануне. Он позвонил в колокольчик и открыл калитку. Потом постучал в дверь и, не дожидаясь разрешения, вошел. Франс не спала. Она посмотрела на настенные часы и побледнела.

— Я хотел бы видеть вашего мужа, — резко сказал вошедший.

Полицейский из Бюро расследований стоял в ореоле прозрачного утреннего света. Кусок железа в молоке.

Она плотнее запахнула халат.

— Зачем?

Он улыбнулся:

— Я бы предпочел сказать вам это... позже.

— Я... — сказала она и заплакала.

Она плакала с душераздирающим достоинством, скрестив руки на коленях, отвернувшись к окну.

Полицейский вздохнул:

— Самолет был сбит утром в четыре часа двенадцать минут двумя ракетами «земля — воздух». Он разбился в поле, к югу от Куртенея. — Он прочистил горло. — От него ничего не осталось.

— Зачем вы мне это говорите?

— Чтобы вы не думали, что мы вам поверили. Я отдал распоряжение установить поблизости радиолокатор воздушного слежения и привести в боевую готовность два подразделения противовоздушной обороны.

Он замолчал. Есть вещи, которые даже полицейскому трудно произнести.

— Не понимаю.

— А здесь нечего понимать. Одним ударом мы решили две задачи: появление этого самолета в вашем саду и исчезновение термоядерной бомбы с военной базы в Техасе. Мне осталось установить личность пилота.

— Как, а разве самолет...

— Самолет разлетелся на куски, говорю вам. Пожарные тщательно просматривают остатки, но, как бы вам сказать, осталось недостаточно... — он пробормотал что-то и замолчал.

На лестнице послышался звук шагов. Появился Уго. Он надел сандалии отца и теперь спускался очень осторожно, боком, поглощенный тем, чтобы не свернуть себе шею. Похожий на утенка на роликовых коньках, он ступил на кафельный пол и спросил со значением:

— Вы папу ищите?

Полицейский потоптался на месте и кивнул.

— Он там, наверху, — сказал мальчик.

Полицейский нерешительно взглянул на молодую женщину. Она необычайно пристально смотрела на сына.

— Ты уверен в этом, малыш?

Уго посмотрел на него в упор. В глубине его темных глаз затаилось неизмеримое презрение:

— Иди, дурак, — буркнул он.

Франс улыбнулась, и горе исчезло с ее лица, как будто легкий ветерок сдул с него траурную вуаль:

— Вы слышали, что вам сказал сын?

Полицейский из красного сделался белым и шагнул вперед.

— Что же вы больше не плачете, мадам?

— Не плачу, — сказала Франс. Уго взял ее за руку и не сводил глаз с полицейского. — Со мной мои мужчины.

Он пожал плечами:

— Это смешно. Через несколько минут...

— У вас есть ордер на обыск? — спросила его мать.

— Вот, — показал полицейский.

Франс внимательно прочла листок и передала его Уго. Тот тоже его прочел и протянул полицейскому:

— Все по форме.

Полицейский снова стал из белого красным и нервным движением убрал листок в бумажник:

— У меня сын твоего возраста. Уже давно...

— Я запрещаю вам говорить мне «ты», — сказал мальчик.

— Я запрещаю вам говорить ему «ты», — сказала его мать.

Полицейский слабо и безнадежно тявкнул и бросился к лестнице. Уго прошептал:

— Все будет хорошо, мама.

Полицейский уже был в коридоре, куда выходили пять дверей. У него был такой вид, как будто он сейчас сожрет дверные ручки.

— Третья. — И молодая женщина открыла дверь в спальню.

Жюльен лежал на широкой кровати. Его массивное уставшее лицо покоилось на подушке, глаза были закрыты. Дыхание шевелило густые светлые усы.

Полицейского, казалось, пригвоздили к порогу. Франс облокотилась о косяк двери и закрыла глаза. За одну ночь он отправит тебя на Луну...

— Он здесь? — пробормотал за ее спиной человек в штатском.

— Спит, — прошептал Уго.

— Вижу, — злобно отрезал полицейский.

— Он устал, — с нежностью сказал мальчик. — Вы только представьте себе: жена, ребенок, да еще самолет в саду. Это слишком для одного человека.

— Нашли, кому это говорить... — вздохнул полицейский.

— Может быть, не надо вам его будить? — спросил Уго.

— Думаю, не надо, — ответил полицейский и закрыл дверь. — Очень жаль.

— Что жаль? Что папа не был пилотом этого самолета?

— Да, то есть нет. В общем, такое может только присниться.

— Присниться? — Франс грустно улыбнулась. — Это точно сказано.

— Согласитесь, мадам, что я имел основания для подозрений.

— Я ни с чем не соглашусь, — сказала Франс.

Они были на кухне. Полицейский открыл дверь, вышел. Посмотрел на небо:

— Сегодня будет хороший день. До свиданья, мадам. До свиданья, мальчик.

— Прощайте.

Когда он уехал, Франс обняла сына и прошла на террасу. Она села на скамью, позелененную мхом, и они долго молчали. Часовых уже не было. Утренний ветер шевелил ивы.

— Милый мой! — Она очень крепко прижала к себе Уго. — Я была уверена, что ты им не дашься!

Мальчик смотрел на голубое небо, в одну точку. Он проговорил:

— В тот момент... В тот момент, когда папа мне приснился, я увидел его таким, каким он был в прошлом году. Помнишь, когда мы после ужина играли в прятки в пшенице. Я всегда его находил, потому что он сидел и смотрел на Луну.

— Это была его мечта. Побывать на Луне.

— И у него тогда были усы. Может, он там сейчас? Говорят, все летчики туда попадают, когда их сбивают в полете. Летчики с большими руками и большими усами.

Она снова расплакалась.

— Не плачь, мама. Я... я присню его, каждый раз, когда он будет тебе нужен. Он будет сниться мне днем и ночью и в конце концов станет таким настоящим, что будет совсем как папа. И он останется с нами навсегда.

— Да, Уго, навсегда, — она рыдала, ее черные волосы смешались с каштановыми волосами мальчика. — Пускай тебе всегда снится наше счастье.

Геворг Тер-ГАБРИЕЛЯН

СИНДРОМ ЯТАГАНА

РАССКАЗ. ПЕРЕВОД С АРМЯНСКОГО НУНЭ ДИЛАНЯН

— **О** чем вы думаете?

— О своей работе думаю, — сказал пациент.

— Ну а сейчас? — спросил Микаэл, отметив что-то в блокноте и вновь впиваясь глазами в экран логофила.

— А сейчас думаю о том, что, будь я художником, непременно вывел бы кистью силуэт тех ветвей, что за окном.

Микаэл довольно кивнул. Логофил работал исправно. Каждая мысль пациента высвечивалась на экране причудливыми узорами, а стоило пациенту повторить мысль вслух, как появлялся тот же узор. Правда, не абсолютно идентичный, но было понятно, что прозвучала та же мысль.

— Так, а сейчас? Можно узнать, о чем вы сейчас думаете? — сказал Микаэл.

— Можно. Сейчас я думаю о Нвард. Надо же, двадцать лет как женаты, а как подумаю о ней, волна нежности накатывает...

На экране, словно отзываясь на слова пациента, появился иероглиф, напоминающий две сцепленные хвостиками груши — желтую и красную. По предыдущему опросу пациента Микаэл знал, что это знак Нвард, жены пациента, который появлялся всякий раз, как он думал о ней.

— Одевайтесь, — Микаэл поднялся и резко выключил логофил.

— Ну что, доктор, что-то прояснилось?

— Относительно ваших слез? Не волнуйтесь, это всего лишь возрастная реакция. С возрастом, знаете

ли, мужчины становятся сентиментальными. Так что гоните от себя тревожные мысли.

Микаэл стянул с рук резиновые перчатки, скатал в комок, передал молодому ассистенту, чтобы тот бросил их в урну, и вышел из лаборатории.

Он сидел в столовой и пил вишневый сок, когда появился Ятаган Османчи.

— Ну вот, — сказал Ятаган, швырнув на стол цветные диаграммы. — Ясное дело — темпоральный эмотизм левого полушария.

— У Нвард?

— Да. А что с ее мужем? Осмотрел?

— Осмотреть-то осмотрел, да ничего не нашел, — сказал Микаэл, задумчиво разглядывая испещренные разноцветными символами графики. — Темпоральный эмотизм, говоришь? Ладно, не так уж и опасно.

— Угу, — согласился Ятаган. — Я ей энцефалофен назначил.

Разбросанные по столу графики пестрели разнообразием и разноцветьем символов, похожих то ли на незатейливые детские рисунки, то ли на полотна гениального, но никому не известного абстракциониста. Были там и красные моря, и зеленые небеса, и даже какие-то трехглавые существа. В общем, много чего было.

И вдруг... Микаэл чуть было не выронил из рук стакан с вишневым соком. Рука дрогнула, сок пролился на стол.

— Осторожно, — сказал Ятаган, едва успев отгрести графики.

Микаэл не отвечал. Он не отрывал глаз от рисунка с грушевидными изображениями — красным и желтым, — сцепленными хвостиками. Вне сомнений, это была та же картинка. Совсем недавно он видел ее на экране своего логофила. Микаэл принялся судорожно листать стопку. Где-то на десятой странице картинка повторялась. Он перевел взгляд в правый нижний угол, где было обозначено время: 10 часов 32 минуты 40 секунд. Утро.

Микаэл вскочил как ужаленный и помчался в сторону своей лаборатории. Ятаган недоумевающе смотрел, как он несется по коридору, прорываясь сквозь пары бродивших под ручку медсестер.

В лаборатории он включил логофил и нажал кнопку «принт». Хотя мог и не делать этого — и так знал, что увидит.

В 10 часов 32 минуты 40 секунд утра пациент Микаэла мысленно представил себе картинку, которую в то же самое время увидела его жена Нвард, проходившая обследование на втором логофиле в лаборатории Ятагана. Спустя несколько секунд пациент Микаэла сообщил ему, что в тот момент он думал о Нвард.

* * *

Доктору Микаэлу Петросяну было сорок лет, когда он наконец окончил все возможные интернатуры и ординатуры (последнюю в государственной больнице Вашингтона) и стал одним из семи нейрохирургов мира, специализирующихся на операциях по устранению патологического энцефалогоса. Эта врожденная болезнь обнаруживалась у ноль целых трех сотых процента новорожденных. В прошлом люди, страдавшие этой болезнью, едва дотягивали до двадцати семи лет. В последние годы в США было сделано несколько открытий в этой области. Ученые обнаружили, что болезнь все же можно преодолеть, если вовремя прибегнуть к хирургическому вмешательству. Проблема заключалась в том, что оперировать новорожденного можно было лишь до достижения им трехнедельного возраста. Для установления диагноза был создан специальный прибор — логофил, который фиксировал все перепады подкорковых процессов у малышей.

Логофилы были во многих больницах, но мало было хирургов, специализирующихся на сложнейшей операции по устранению энцефалогоса. Ее надлежало проводить сразу же по обнаружении болезни, а точный диагноз можно было поставить лишь спустя две недели после рождения ребенка.

Уже несколько лет Микаэл набирал свои ординаторские часы, оперируя в самолетах. Хирургическая аппаратура для проведения операций по устранению энцефалогоса стоила больших денег, и во многих больницах ее не было. Как только поступала информация о больном ребенке, Микаэл вылетал к нему на медицинском самолете, специально оборудованном для проведения операции. Ребенка доставляли в самолет, и Микаэл сразу же приступал к работе. Он любил свою работу. «Ланцет!» — звучал его уверенный и требовательный голос, обращенный к опытному медбрата. Не глядя, ладонью вверх протягивал он руку в резиновой перчатке. И опытный медбрат, не мешкая, клал ему на ладонь микроскопический электронный ланцет.

Микаэл провел уже несколько десятков операций. Пора было переходить на постоянный график и остановить свой выбор на какой-либо из больниц, предлагавших ему должность профессора. В мире было семь больниц, располагавших медицинскими самолетами с оснащением, предназначенным для оперирования энцефалогоса. Микаэл склонялся к выбору кливлендской.

За двадцать пять лет неустанной учебы и работы ему так и не удалось выкроить для отдыха больше четырех дней сряду. Он подумывал о том, не сорваться ли недельки на две в какое-нибудь приличное место, скажем в Тимбукту, и насладиться отдыхом, прежде чем снова погружаться в работу.

Он пребывал в размышлениях об отпуске, когда раздался телефонный звонок. Звонил дядя Геворг. Из Еревана. Дядя Геворг постоянно претворял в жизнь какие-то проекты, хотя, если честно, ни особого успеха, ни особого достатка они ему не приносили. Дядя сразу перешел к делу. Оказалось, что некий заграничный армянин подарил одной из ереванских больниц два логофила. Подарить-то подарил, вот только специалистов, умеющих пользоваться ими, в Ереване не было. Дядя предлагал Микаэлу приехать в Ереван хотя бы на две недели и показать местным, что делать с этими логофилами. Благодетель брался оплатить расходы Микаэла, но не более того. Работать ему надлежало бесплатно. Дескать, пусть это станет его вкладом в развитие отечественной науки. А еще дядя сказал, что больница приглашала и других специалистов из Штатов и что один из них, некий Ятаган Османчи, вроде турок, уже дал свое согласие, но было бы чудесно, если бы и Микаэл приехал.

Дядя Геворг не знал, что Микаэл отлично управляется с логофилом, однако он имел примерное представление о том, чем занимается племянник, вот и надумал поговорить с ним. На всякий случай. Мало ли? А на поверку оказалось, что очень даже...

Неожиданно для самого себя Микаэл согласился. Когда он думал об отпуске, был, конечно, момент, когда наряду с идеями отправиться в Тимбукту или Гоа мелькнула мысль поехать наконец в Армению, однако мысль эта так и не созрела и тем более не переросла бы в решение, не будь счастливого совпадения — звонка дяди Геворга.

Микаэл согласился, несмотря на то, что ему предстояло работать с человеком по имени Ятаган. Он был наслышан об этом неистовом и талантливом молодом ученом.

Встретились они уже в Ереване. Ятаган оказался на редкость приятным человеком. Он начал знакомство с того, что объявил, что безоговорочно признает вину своих предков в геноциде армян в Османской империи. Затем рассказал, что родился он в Адане и, поскольку в этих краях его семья была пришлой, родители называли его Ятаганом, дабы якобы уберечь от наездов и от сглаза

местных. Предки его были откуда-то из богом забытых задворков Османской империи, и он точно знал, что бабушка его была не турчанкой, хотя так до конца жизни и не призналась, каких она была кровей. «Может, и армянских, — заключал он с печальной улыбкой. — Мы и так, и эдак, а она все отмалчивалась. Так и не раскололась».

Микаэл не особо вникал в эти истории Ятагана. Он знал, что в последнее время в Турции стало модным рассказывать байки про армянских бабушек. Кто-то делал это из желания соответствовать веяниям времени, кто-то из вежливости, а то и просто — чтобы угодить армянам или мировой общественности.

* * *

В Ереване выяснилось, что в Армении почти нет детей, страдающих энцефалогосом. Логофил по большей части бездействовал. Арендванный благодетелем самолет с медицинским оборудованием был вскоре отправлен обратно в Штаты, чтобы не пришлось платить баснословную неустойку. Микаэл же решил задержаться, но ровно на две недели — как обещал дяде Геворгу и себе самому, да и просто потому, что не любил отказываться от принятых решений.

К концу первой недели Микаэл с Ятаганом надумали использовать часы простоя логофила для диагностики состояния мозга взрослых пациентов. Было любопытно понаблюдать, в каких образах выражаются их мысли, и использовать результаты анализа при лечении неврозов и других нервных заболеваний. Более того, на основе задаваемых пациентам вопросов и данных логофила они надеялись создать некий, пусть даже и не очень точный, «словарь» этих самых образов.

Они приступили к обучению молодых армянских врачей. Хотя Микаэлу был вовсе не по душе «простой», вызванный отсутствием новорожденных с диагностированным энцефалогосом, он придавал большое значение придуманному ими инновационному методу лечения взрослых. К тому же взрослых пациентов, которые нуждались в серьезном лечении, было не счесть. Поэтому, когда Нвард и ее муж обратились к ним со своими жалобами, Микаэл с Ятаганом решили ускорить процесс и, воспользовавшись тем, что оба логофила были свободны, провести параллельную логофилию.

* * *

При обследовании Нвард и ее мужа на экранах логофилов одновременно, буквально секунда в секунду, пять раз в течение получаса высветились идентичные узоры, говорившие о том, что, думая друг о друге, они мысленно представляли одни и те же образы. В четырех случаях наблюдалось совсем незначительное временное несовпадение — в одну-две секунды, а в одном случае — именно в том, который первым привлек внимание Микаэла, совпадали даже десятичные доли секунды.

Микаэл сидел, ошеломленно уставившись в графики, когда в комнату вошел Ятаган.

— В чем дело?

— Ну просто немыслимое совпадение.

Микаэл протянул ему графики.

— Да, — сказал Ятаган, — это именно тот момент, когда Нвардханум говорила о своем муже.

Но все же решил удостовериться и позвал на помощь своего ассистента. Он не знал армянского, поэтому задавать вопросы и переводить ответы поручалось ассистенту. Все верно, сказал ассистент.

— Немудрено, — криво улыбнулся Микаэл, — сто лет живут вместе, вот и думают параллельно.

— Возможно, возможно, — пробормотал Ятаган, думая о чем-то своем. — Надо бы проверить.

— Проверить? Что именно?

— А все. Получим ли ту же картинку при повторном эксперименте? В исправности ли оборудование? Может, короткое замыкание произошло? А если нет, то надо проверить, повторится ли этот феномен у других пациентов.

— Ну что ты такое говоришь? — возмутился Микаэл. — Как может повториться совпадение?!

— Совпадение? Как бы не так! Да это же типичный случай параллельного мышления, — сказал Ятаган. — В чистом виде. Не доходит? Да очнись же ты! Протри глаза! Где твоё вдохновение? Такое ж раз в сто лет случается. Надо начинать широкомасштабные исследования.

— Мне через четыре дня в Штаты возвращаться, — сказал Микаэл.

— Какие к черту Штаты! — вскипел Ятаган. — Ты что, спятил? Надо все проверить. Надо пригласить супружеские пары, людей,

которые знакомы друг с другом, тех, кто согласится пройти параллельную логофилию, а потом сверить их графики. Да, еще надо заставить их думать друг о друге. И не забыть проверить те случаи, когда не заставляешь, а они все равно думают друг о друге. И обязательно супругов, сестер, братьев, братьев и сестер, родителей и детей, друзей по жизни, друзей по фейсбуку, знакомых и даже незнакомых, но знающих друг о друге понаслышке. Что еще? Да, разные возрастные группы... разные этнические группы... Надо менять расстояние между логофилами и смотреть, влияет ли это на результаты...

Вечером, сидя с дядей Геворгом в кафе «Централ», Микаэл рассказал ему о странном дневном происшествии. Поговорили и сошлись на том, что он продлит свое пребывание в Армении.

* * *

Прошло две недели. Результаты превзошли все ожидания. За исключением незначительных отклонений, у всех знакомых друг с другом и проходивших параллельное обследование участников эксперимента был обнаружен феномен Нвард и ее мужа — одновременные мысли друг о друге и идентичные образы. У шестидесяти пяти процентов испытуемых синдром проявлялся со всей четкостью. И хотя степень близости играла определенную роль, аналогичные результаты были получены и в тех случаях, когда люди были просто знакомы друг с другом.

— Ну все, Нобелевская премия у нас в кармане! Ай да агрегат! Мощага! — не унимался Ятаган, в перерывах между экспериментами большими шагами вымеривая лабораторию Микаэла и ласково поглаживая сверкающий изгиб логофила.

— Не гони, — говорил Микаэл, — не забывай, что по меньшей мере в двадцати случаях мы не обнаружили никаких совпадений.

— А в более чем ста пятидесяти случаях обнаружили. Скажешь, мало?

У двадцати пар феномен параллельных мысленных образов действительно не был выявлен. Это были специально отобранные иностранцы — американцы, французы, бельгийцы, казахи... И ни у кого из них ничего подобного не наблюдалось. Разве что у одной русской пары.

— Может, это чисто армянское явление? — робко вставил ассистент Ятагана.

— Ну что ты такое несешь? — разозлился Микаэл. — Сколько можно молоть эту чушь о какой-то биологической армянкости?.. Армянские гены они, видите ли, обнаружили... Еще чего?.. Мало тебе неучей от науки, теперь давай и нас в шарлатаны записывай...

— А знаешь, я готов поверить, — дипломатично вмешался Ятаган. — Слушай, а вдруг это и вправду армянский феномен? Назвали бы его «армянским синдромом». А что? Есть же армянская болезнь, так почему же не может быть другого психофизического феномена... Хотя, если подумать, мы ведь и езидов проверяли, и айсоров, и евреев, и даже пару русских... у них он вроде тоже был обнаружен.

— Армянкость, — угрюмо пробурчал Микаэл. — Ну и что это такое? Неопределенное понятие. Что в его основе? Кровь? Или решение человека: я, мол, армянин — и все тут. Давайте представим, что центр нации образуют две группы — «чистокровки» и «добровольцы», а периферию — «полукровки» или «разнокровки» и «неопределившиеся» или «непричастные». А что, если «неопределившийся» — это самый что ни на есть «чистокровка»? Он что, сразу становится армянином? А «непричастный чистокровка»? Стоит ли измерять, в ком сколько армянской крови? А что скажете о наших бабушках?.. О наших таинственных, скрытных, пытливых бабушках?..

— Моя бабушка была чистокровной армянкой, — не выдержал ассистент.

— Может, нам стоит собрать данные об их родителях, близких и далеких предках, — продолжал Микаэл, не слушая его.

— Еще чего! — взорвался Ятаган. — Нет у нас на это времени. Да и с какой стати? С какой стати нам брать именно этот признак? И что мы будем с этого иметь? А почему не цвет глаз? В конце концов наукой доказано, что цвет глаз влияет на характер человека, а точнее — на его психику... и на внутренний мир влияет, и на внешний — на все влияет...

В дверном проеме показалась голова медсестры.

— Простите, что прерываю, но следующая пара уже готова...

— Пошли, пошли, — фыркнул Ятаган и, насвистывая марш «Леблебиджи»¹, направился к своей лаборатории.

Ассистент послушно поплелся за ним.

¹ Марш из популярной оперетты Тиграна Чухаджяна, великого армянского композитора XIX века, основателя оперного жанра в Османской империи.

В лабораторию Микаэла вошла женщина весьма приятной наружности, наверняка славянских кровей.

— Здравствуйте, — сказал Микаэл по-русски. — Ложитесь, пожалуйста.

Женщина послушно легла. Микаэл пристегнул металлические кольца к ее вискам, лодыжкам и запястьям. Включил логофил.

— О чем вы сейчас думаете?..

Полчаса текли в нудном ожидании. Женщина отвечала охотно и непринужденно, а логофил выдавал гениальные картинки. Микаэл был не в духе. Рука чесалась и подрагивала, а все потому, что долгое время не держала ланцета. Он опасался, что столь долгий перерыв скажется на его квалификации.

Микаэл позволил ассистенту проделать большую часть работы. Сам же отрешенно уставился на желтеющие листья за окном. Допустим, в качестве вероятного стимула принимаем родственные отношения... Но почему тогда в одних случаях синдром проявляется весьма отчетливо, в других — смазанно, а порой и вовсе отсутствует? Какая же еще может быть закономерность? Предположим, отчетливость обусловлена родством плюс чем-то еще. В таком случае феномен не проявляется, если это что-то отсутствует или проявляется в смазанном виде, если оно слабо выражено... Что значит слабо выражено?... Ну, скажем, у одного из пациентов оно есть, а у другого — нет...

— Подумайте о чем-нибудь. Хорошо, а сейчас ни о чем не думайте.

— Но я не могу не думать, доктор. В юности получалось, а сейчас я, кажется, потеряла эту способность...

— Попробуйте... сколько получится... Задержите мысль. Еще немного. Еще чуть-чуть. Ну ладно, можете думать. Теперь другой стороной... Когда думаете этой стороной, больно?

Микаэл был недоволен. Он считал, что Ятаган не дает ему думать столько, сколько надо, чтобы во всем разобраться. Вечерами Ятаган пропадал в театрах или на концертах. Он ходил на все ереванские спектакли и, хотя они были на армянском, получал огромное удовольствие. Микаэл за всю свою американскую жизнь так и не побывал ни в театре, ни на концерте. А теперь вот считал своим долгом сопровождать коллегу, чтобы не оставлять его одного, и благодарил судьбу за то, что тот хоть не требует от него перевода. Впрочем, Ятаган вполне мог знать пьесы, которые шли в армянских театрах. В основном это была классика — «Гамлет», «Отелло»...

После спектаклей они долго бродили по ереванским улицам, рассуждая о жанре трагедии. Ятаган, неизменно посещавший в антрактах театральный буфет, чтобы опрокинуть стопку-другую ракии, бывал активным и полным энергии, а непьющий и с трудом скрывающий досаду Микаэл старался отмалчиваться, погружался в собственные мысли. В результате этих походов Микаэл постоянно чувствовал недосып и полагал, что именно по этой причине не может собраться с мыслями.

— Ну все, — сказал ассистент, — закончили.

— Спасибо, — сказал Микаэл. — А вы здесь живете?

— Да, — охотно откликнулась женщина. — Муж работает в посольстве, отвечает за связи со средствами массовой информации. Мне очень нравится ваш Айастан. Конечно, у вас есть свои сложности — не то что в советские годы, когда мы жили одной семьей...

Микаэл мысленно вернулся к почти стершимся из памяти годам своего детства. Мяса не было — это он помнил точно. Отец считал, что он непременно должен есть мясо, да он и сам, если честно, был не прочь. Отец по ночам выстаивал длиннющую очередь, чтобы к утру купить замороженного мяса. В очереди на улице люди сменяли друг друга, чтобы не замерзнуть. Дежурившие разводили костер перед дверью магазина, чтоб согреться — совсем как в праздник Сретения, только вот прыгавших через огонь влюбленных пар не бывало.

— А что, в советские годы было хорошо? — спросил Микаэл.

— Еще бы, — сказала женщина. — Помню, отец возил меня на дачу в Барвиху, так там в обычном сельском магазинчике было все, что душе угодно, начиная с мороженого и кончая черной икрой... О ценах уж не говорю. Да и дед мой... Помню, мы тогда в Новосибирске жили, я совсем крохой была, а дед мой работал в госбезопасности, так он из командировок столько всякой всячины привозил — и куниц привозил, и даже золото... Это когда в Сибири преступников ловил. Представляете, это самое золото в тамошних лесах аж под ногами валялось.

Микаэл вспомнил одного из своих пациентов. Тоже русского. И тот тоже рассказывал о своем деде, которого в тридцать седьмом расстреляли. Микаэл проникся к нему симпатией.

«Надо же, — мелькнула мысль, — дед этой женщины был вертухаем, а того парня — зэком».

— А с кем вы сюда пришли? — спросил он.

— С подругой. Она сейчас у вашего симпатичного коллеги. Ей больше по душе такие, как он, вальяжные южане, ее отец когда-то служил в Грузии. А я вот предпочитаю интеллигентов вроде вас, — кокетливо заключила она.

— Всего доброго, желаю удачи, — вежливо откланялся Микаэл.

Затем порасспросил Ятагана. Данные не совпадали. Впрочем, как и вкусы.

На следующий день, немного поколебавшись, он позвонил ей.

— А-а, это вы? — сказала она. — Слушаю вас. Хотите пригласить на свидание?

— Извините, я спросить хотел. Вы знакомы с господином Орловым?

Орлов был внуком того, расстрелянного.

— Конечно, — сказала она, — ведь он тоже работает в посольстве.

— А не согласились бы вы еще раз поучаствовать в эксперименте, но на этот раз в паре с ним?

— Можно, — в голосе женщины послышались сухие нотки. — Не скажу, что он мне симпатичен, но так и быть, соглашусь. Исключительно ради вас и во имя армянской науки.

На следующий день они с Орловым прошли повторное обследование, на сей раз в паре друг с другом. Эффект высвечивался, однако весьма слабо. Значит, в одном случае у одного и того же человека он в наличии, в другом — нет. Значит, дело не в отдельном человеке. Однако и в нем тоже... Нет, слишком много переменных в этом уравнении.

«Что же это за признак? — ломал голову Микаэл. — В одном случае слабый, в другом — сильный, в третьем — никакой. У отца с дочерью совпадает... у матери с сыном...»

— Неужто гендерный? — выкрикнул он неожиданно для самого себя и тут же начал испуганно озираться по сторонам. В Армении по указу Путина это слово было под запретом. Совсем как слово «геноцид» в Турции. Это было первое, о чем дядя Геворг предупредил Микаэла, едва тот сошел с трапа самолета. А местные традиции следовало уважать, так Микаэла учили в американской школе.

К счастью, в лаборатории никого не было. Ассистент недавно вышел в коридор — ответить на звонок своего шефа из Службы национальной безопасности.

Микаэл понимал, что упускает что-то важное. Ассистент вернулся, и они стали вместе изучать снимки. «Взгляни-ка на это, —

говорил Микаэл, — похоже на ланцет, расцвеченный всеми цветами радуги. Здесь совпадение едва различимо, но все же есть. А здесь вот оно самое слабое... видишь? Видишь этот маленький серебристый ланцетик?» — «Да, и здесь то же самое», — говорил ассистент, рассматривая параллельный снимок.

— Они всегда одни и те же, — сказал Микаэл. — Если они есть, если повторяются, то всегда одни и те же.

— А тут вот явный случай четкого совпадения, — сказал ассистент. — И это уже не ланцет, а целый ятаган. — Ассистент смущенно заулыбался. — Лазурный ятаган. Только давайте не станем говорить об этом нашему турецкому другу.

В этот момент в лабораторию ворвался Ятаган. Вздурораженный и поддатый. Видно, покончил с делами и тут же заправился.

— Ну сколько можно!.. — завопил он. — Ты мне что сказал? Давай еще хоть сотню человек осмотрим, сказал. А я что сделал? Я согласился. Но мы проверили уже три сотни... Все, надо публиковаться. Пойми же ты, не только у нас есть логофилы. Не доходит? Стоит поползти слухам — и все! Пиши пропало! Не мы, так другие опубликуют...

— Как знаешь, дружище, — сказал Микаэл. — Считаешь, что время, — давай, публикуй!..

— Что значит «публикуй»? А ты?

— Я все еще сомневаюсь...

— Да не стану я без тебя.

— Ладно, можешь и мою фамилию вписать под своей.

— Что так? Это ж твое открытие...

— Да, но не будь тебя, не было бы и исследования.

— Ты только представь, что это значит!.. Оказывается, люди мысленно общаются друг с другом... Просто до сих пор никто об этом не догадывался и не проверял... Получается, что, когда я думаю о тебе, в шестидесяти пяти случаях из ста и ты думаешь обо мне... Это же прорыв в истории человечества... А какие перспективы!..

— И где ты собираешься все это публиковать? В «Ярбух фюр психоаналитик»?

— Ну что ты! Там же целый век ждать. Давай в «Нейчур» напишем.

— Ладно, пиши, а я свою подпись добавлю.

— А назовем-то как? «Армянский синдром»?

— Давай попроще, — сказал Микаэл. — «Синдром Нвард».

— Да нет, нельзя, — сказал Ятаган. — Бедняжка понятия не имеет, что мы тут наворотили, может все превратно истолковать... А это еще что такое? — Ятаган склонился над графиками.

— Не узнаешь? Снимки той русской и ее знакомого.

— Узнаю, — сказал Ятаган. — Он же уже приходил к нам. В тот раз ты его принимал.

— Да, — сказал Микаэл.

— А у меня друг его был, — сказал Ятаган. — Армянин. Чудесный старик. Представляешь, по-турецки говорил. Как, спрашиваю, откуда? Дед научил, говорит. Дед, оказывается, родом из Турции был. Потом жил в Ливане, оттуда перебрался в Армению и... угодил в Сибирь. Сослали. Но успел вернуться и даже внука немного обучить турецкому.

— Еще один зэк, — сказал Микаэл.

— А что такое «зэк»?

— Долго объяснять. Ерунда.

— Вот и мы говорим «ерунда»², — сказал Ятаган. — Все вы у нас переняли.

«И снова ерунда», — подумал Микаэл.

— О чем думаешь? — спросил Ятаган.

— О том, что больно много ерунды на этом свете, — сразу и почти автоматически отозвался Микаэл. Он давно уже взял за правило моментально отзываться на этот вопрос. Ему казалось нечестным самому не делать того, что он требовал от пациентов.

— Знать бы, как эта самая «ерунда» себя на логофиле проявит, — мечтательно промурлыкал Ятаган. — Я вижу ее эдаким разлитым пятном с искрящимися золотистыми и красными крапинками. А давай-ка проверим. А что? Ляжем под логофил и посмотрим, что за ерундистика у нас с тобой...

— Уймись, — сказал Микаэл. — Тоже мне фантазер. Пить надо меньше...

Они так и не нашли подходящего названия для своего открытия. В короткой статье, которая через пять дней была опубликована на вебсайте журнала «Нейчур», феномен был назван «Синдромом параллельных мысленных образов». Подписали оба, но Микаэл все же настоял на том, чтобы первой шла фамилия Ятагана — ведь он как-никак был гостем в Армении. Некоторые ученые попытались переименовать эффект в «синдром Османчи-Петросяна», но это название не прижилось. А вот с легкой руки «Экономиста» мир узнал об этом феномене как о «синдроме

² В оригинале *hiç* [hech] — ничто, ноль (по-турецки — *hiç*).

Ятагана». «Если открытие подтвердится, — писал «Экономист», — оно может стать самым крупным прорывом после высадки человека на луну».

Статья вызвала негодование среди армян, считавших, что роль Микаэла принижена. «Их Ятаган обскакал-таки нашего Микаэла, — писала газета «Аравот». — Совсем как их йогурт обскакал наш мацун».

* * *

Прошел год, но коллегам он так и не принес успеха. Сидя в своем кабинете кливлендской больницы, Микаэл то и дело поглядывал на сваленные в углу коробки и свертки. Решением Комиссии США по Научной этике он был отстранен от работы за то, что проводил опыты на людях, не ставя их в известность о цели эксперимента, и использовал медицинское оборудование не по назначению, таким образом грубо нарушая врачебную этику.

«Как же я мог позволить себе такое? — думал Микаэл. — Бедные Нвард с мужем понятия не имели, что мы с ними вытворяли, с какой целью использовали. И Орлов не знал, и та русская не знала. Люди приходили сотнями — и никто не знал. А может, знай они об этом, были бы только рады? Может, им бы все это пригодилось? А что, если в какой-то момент это спасло бы их от смерти? Что с Ятагана взять? — полушутя-полусерьезно продолжал он про себя. — Он ведь турок, они небось генетически предрасположены манипулировать пациентами, ятаганом себе прокладывать путь в науке. Но я-то? Хорош, ничего не скажешь». Как бы то ни было, за использование логофила не по назначению он себя не винил, считая затеянную по этой причине травлю чистой воды бюрократизмом. В конце концов, логофил был частной собственностью, был передан в дар больнице меценатом-армянином, никто от него не пострадал. С какой стати нельзя было использовать его в благих целях? Детей, страдавших энцефалосомом, в тот момент не было, а нуждавшихся в помощи взрослых было хоть отбавляй.

Когда комиссия начала расследование, кливлендская больница первым делом сократила зарплату и штат Микаэла. Он вынужден был отказаться от купленного в рассрочку дома в окрестностях Кливленда, поскольку ежемесячные выплаты были ему уже не по карману. Вещи перенес в кабинет, великодушно оставлен-

ный ему больницей до окончания расследования. Там же и ночевал. К логофилу его больше не подпускали. В операциях тоже отказали. В небе над Штатами парили шесть операционных самолетов с шестью хирургами, доставляя их в разные точки земли — спасать новорожденных, а Микаэл был дисквалифицирован, и самолет, предназначенный для его операций, ржавел, простаивая в аэропорту Кливленда и ежедневно принося больнице убытки в сотни тысяч долларов.

Ятаган, прежде работавший в университете Миссури, собрал манатки и вернулся в родную Турцию, где его с распростертыми объятиями приняли в один из многочисленных университетов. Микаэл знал, что и он может вернуться в Армению, он и гражданство успел получить, но что ему было там делать?

Гражданство ему дали еще в те дни, когда они отправили письмо в «Нейчур». Ереванский ассистент Ятагана был членом правящей республиканской партии. На одном из партийных заседаний он не выдержал и, едва дождавшись перерыва, рассказал об уникальном эксперименте министру образования и науки. Ну а министр, всегда готовый выслужиться перед президентом, на выходе из здания стал тому что-то на ухо нашептывать — к вящей зависти остальных приближенных. Президент, воодушевленный услышанным, распорядился вызвать к себе Микаэла и в торжественной обстановке вручил ему армянский паспорт, от которого Микаэл не стал отказываться. Потом президент начал приглашать Микаэла на всякие мероприятия — вплоть до свадебных церемоний. Но Микаэла подобные сборища быстро утомляли, и он, не желая обидеть президента, вынужден был искать отговорки, в основном объясняя свой отказ тем, что не мог прерывать работу над экспериментом. Его не тянуло на времяпрепровождение с президентом. Уж лучше было ходить с Ятаганом в театр и обсуждать «Гамлета», «Кориолана» и прочую классику.

У президента был свой интерес. Он хотел, чтобы весь мир узнал, что «Нейчур» опубликовал письмо армянина, да еще гражданина Армении, да еще в соавторстве с турком, пусть даже американским. Он искал возможность возобновить печально известные армяно-турецкие переговоры, а заодно и показать закордонному благодетелю, какой фантастической цели послужили подаренные им логофилы — а вдруг тот не поскупится и еще что-нибудь отстегнет Армении от щедрот своих.

Увы, история Микаэла и Ятагана не вдохновила благодетеля, так как он обнаружил, что, за исключением двух логофилов, все,

что им было подарено Армении, бесследно исчезло. Благодетель все бросил и уехал в свою Калифорнию, зарекившись впредь помогать Армении и затребовав обратно свои логофилы. А все свое состояние завещал пустить на борьбу с эболой.

После всего, что случилось, уже не имело смысла удерживать Микаэла и Ятагана в Армении, да и денег на это не было. И они вернулись в США.

После письма, отправленного в «Нейчур», они написали новую, более пространную и подробную статью. К сожалению, вызванные открытием толки делу не помогли.

В разных странах мира ученые приступили к экспериментам, но результаты были либо неопределенными, либо никакими. На презентации в Международной ассоциации неврологов Микаэл получил сокрушительный удар от профессоров Бурляева, Бернштейна, Каменева, Мандельштама и примкнувшего к ним престарелого Арменака Арутюняна — автора советского прототипа логофила. Особо неистовствовал профессор Бернштейн, то и дело отпускавший ехидные шуточки в адрес Микаэла и Ятагана по поводу того, что те во время работы делали пометки от руки. «Это ж надо, — злорадствовал он, — заводить блокноты в век логофила».

«А позвольте полюбопытствовать, чем вы писали? — поддакивал ему профессор Арменак Арутюнян. — Чернилами? А может, по старинке — гусиным пером писали? Вот это была бы классика!»

«Ну а если серьезно, — продолжал профессор, — скажите-ка на милость, а что, если я думаю сразу о трех людях? Что тогда? Эти трое тоже непременно думают обо мне? Одновременно со мной думают?»

Да, повеселилась тогда комиссия. Даже Микаэл не смог сдержать кривую улыбку.

«Вы и новорожденных своих так резали? — не унимался профессор. — А? Вы и ланцет макали в чернила?»

Снова хохот. «А на что ему ланцет, у него свой ятаган есть», — бросила с места какая-то женщина.

И тут комиссия запела в унисон — видно, зрелище пришлось ей по вкусу.

«Я с самого начала почувствовал, что здесь что-то неладно, — сказал главный редактор «Нейчура». — В Японии, знаете ли, ученые вроде вас, если в них остается хоть капля достоинства, совершают харакيري. Тем более у вас, как я слышал, уже и ятаган есть».

Но Микаэлу вовсе не хотелось делать себе харакири, да и Ятаган его был далеко.

После заседания Микаэл подошел к профессору Арутюняну. «Хочу поблагодарить вас за вашу принципиальность», — сказал он с дрожью в голосе, — сегодня я многое осознал».

«Сынок, — сказал профессор, по-отечески похлопывая его по плечу, — наука и научная фантастика — две разные вещи. И хватит трубить о какой-то армянскости. Это вам не зурна с дудуком... Вы хоть осознаете, где находитесь? Вы хоть понимаете, что такие, как вы, позорят нашу многострадальную республику? Ну да ладно... Вы еще молоды, пусть эта история станет для вас уроком на всю жизнь».

«Да... конечно, понимаю... но ведь... нет, ну конечно, не фантастика, не армянскость, не зурна с дудуком... Вот и я говорил об этом», — начал было мямлить Микаэл, но уже не слушавший его профессор стал пробираться сквозь толпу к Нобелевскому лауреату Стивену Брону, с которым еще загодя договорился, пользуясь случаем, посидеть за ланчем в ближайшем «макдональдсе».

В Норвегии за эксперимент взялась группа профессора Экклхарста, но успеха так и не достигла. В Италии — ноль результатов. В Греции — тоже провал. В Испании что-то проклюнулось, но этого было недостаточно. В Соединенных Штатах тоже мало что было обнаружено, разве что несколько случаев на Юге. Во всей Оклахоме был зарегистрирован только один случай, да и то в единственной сохранившейся там индейской резервации. В Израиле, правда, какой-то врач, переехавший туда из Ростова-на-Дону, обнаружил немало случаев с «синдромом Ятагана», причем как среди евреев, так и среди палестинцев. Но его почему-то арестовали. Ходили слухи, что из-за фальшивого диплома врача, много лет назад купленного им в Советском Союзе.

В азербайджанских СМИ, естественно, развернулась кампания против Микаэла и Ятагана. Дескать, все это не что иное, как жалкая попытка раскрутить очередное «армянское открытие». Все, мол, знают, что армяне ловкачи и обманщики — вспомнить хотя бы пресловутую историю с «арменикумом»³. А что до Ятагана, так он точно армянских кровей, но скрывает это. Или просто предатель и продажная шкура.

³ В 1998 году армянские ученые объявили, что нашли средство против СПИДа, которое было названо «арменикум». Правительство и бизнес-круги сильно заинтересовались этим открытием, однако в итоге средство не показало никаких четких результатов, и вскоре заваруха вокруг него заглохла.

В Турции тоже началась травля Ятагана, но приютившему его университету удалось отстоять его, поскольку ректор оказался одноклассником президента.

В России националисты организовали протестное движение в защиту Ятагана и Микаэла, заявив, что имеет место очередной еврейско-масонский заговор, устроенный с целью загубить гениальное открытие. К ним присоединилась известный публицист Юлия Латынина, что вовсе не понравилось международным СМИ.

Примерно через полгода после первой статьи в «Экономисте» появилась еще одна, в которой говорилось, что Путин якобы пригласил опальных ученых жить и работать в Донбассе, так как «синдром Ятагана» проявляется либо в российских колониях, либо в непризнанных криминальных республиках. Под статьей была помещена фотография со стоявшими в обнимку Ятаганом и Депардье, а заглавие статьи гласило: «Число путинских марионеток может пополниться еще одним шутом». Из-за всей этой шумихи на наших героев наскочили российские западники. Мало того, разорвались они, что эти горе-ученые использовали приборы не по назначению, так они еще и не удосуживались ставить своих пациентов в известность об истинной цели опытов. Здесь уже подключилась американская научная и академическая элита. Начались нудные расследования, пространные обсуждения, и в результате Микаэл с Ятаганом подверглись научному остракизму.

...Микаэл не любил вспоминать обо всем этом.

Он подошел к груде коробок в углу кабинета и открыл ту, что была поближе. В ней оказались старые рукописи и какие-то книги. Взгляд Микаэла задержался на одной из них. Это был дневник дед. Когда-то дядя Геворг передал ему этот дневник с просьбой оцифровать его и опубликовать в Штатах. На публикацию в Армении у дяди не было денег, а у Микаэла по сей день не было времени на то, чтобы заняться этим, да и, по правде говоря, он не очень любил всякие воспоминания и мемуары. Он взял в руки толстую тетрадь столетней давности и принялся листать ее. Когда-то очень давно ему с трудом удалось преодолеть этот дневник, написанный от руки, да еще на западно-армянском языке. Дед был родом из Турции и участвовал в героической битве при Аджне⁴. Микаэл наугад открыл рукопись. Дед, чье имя он но-

⁴ Бывшее армянское селение в Турции поблизости от Аданы, где происходили бои в 1918–1919 годах между армянскими жителями и армией младотурков.

сил, рассказывал, как однажды, во время затишья между боями, сидя в окопе, голодный, с пересохшими от жажды губами, он вдруг подумал о своей матери, оглянулся и увидел, что она приближается к нему. Не оглянись он именно в этот миг, его бы убила просвистевшая мимо головы пуля. Поначалу решил было, что мама ему пригрезилась, явилась как призрак, чтобы спасти его, а потом понял — нет, это она живая, во плоти, просто принесла сыну поесть. Дед Микаэл разволновался, даже прикрикнул на нее — куда, мол, тебя несет... а потом обнял. Та поплакала, попричитала, оставила еду и ушла. Домой пошла. Больше они не виделись. Дед не стал провожать ее взглядом. «Огонь!» — прокотал его медный голос, обращенный к горстке его еще оставшихся в живых товарищей...

Нет, не любил Микаэл читать мемуары. Во всем этом была какая-то елейность, азбучность, наивность, плаксивость, душещипательность, разорванность, необъяснимость, все это текло рекой застывающей, свертывающейся крови, чернело рубцом кривого кесарева сечения... В первый раз он прочитал этот дневник много лет назад, еще в Ереване, когда ему было лет десять. Тогда он мало что понял. Не понял, к примеру, почему они не бежали — мать и отец деда, его младший брат и младшая сестра. Один раз их уже погнали из Аджна, и им чудом удалось избежать смерти. Так что же заставило их всего через пару лет, в девятьсот восемнадцатом, снова вернуться туда? Ведь ясно было, что погибнут... Почему, обрывочно описав борьбу и падение Аджна, дед из всей остальной прожитой им жизни вспоминает только вечер, проведенный в одном из открытых ереванских кафе в бессмысленных беседах с несколькими стариками, перекочевавшими в Советский Союз из Османской Турции, как и он? Почему не рассказывает о своей жизни в Советской Армении, о работе, о том, что в 1948 году был арестован, или о том, что его жена — бабушка Микаэла — заболела раком, но чудодейственным образом излечилась и родила маму Микаэла... Микаэл помнил голый живот умершей бабушки с резко проступающим, огромным, словно рассеченным ятаганом, рубцом-полумесяцем от кесарева сечения. Тогда он умаслил-таки дядю Геворга, по семейной традиции бравшего на себя роль организатора похорон, уговорил взять его с собой в морг, показать тело бабушки: «Я ведь врачом собираюсь стать, — канючил девятилетний Микаэл, — мне дед наказал...»

— А почему шрам такой широкий? — спросил Микаэл уже в морге. — Ланцет был толстый, да? Врач так искромсал ее?

— Отсюда твоя мать родилась, — сказал дядя Геворг, приглаживая кончики своих торчащих вверх усов, — а значит, и ты, сынок. И да, это сделал врач. Чтобы ты у нас был. Временами без врачей не обойтись. Нет, сынок, не ланцет был толстый, операция была сложной.

Трагедия — это когда история заканчивается трагедией. «Ромео и Джульетта», «Гамлет»... А история жизни деда началась с трагедии... Каким жанром назвать эту перевернутую трагедию?.. Что получается?.. Комедия?.. Ха-ха...

Эх ты, дед, уж если решился взяться за перо, написал бы хоть что-нибудь стоящее, чтобы и нам стало понятно, что к чему...

Когда дед умер, Микаэл был еще ребенком, не успел, не умел требовать у него ответов на свои вопросы. Это дед ему наказал стать врачом. «Врач — он всегда нужен, — говорил дед. — И людям нужен, и любым властям нужен, в любые времена». Это из-за деда ему пришлось аж до сорока лет учиться. Вот и получается, что из-за деда он оказался в данной ситуации. Когда врач не нужен. Бывают, оказывается, такие ситуации, когда врач не нужен. А ведь могло бы быть так, что... Да все что угодно могло бы быть... Когда до них доходили все новые и новые слухи о том, что синдром обнаруживается лишь изредка, а в основном не подтверждается, Ятаган горячился: «Да неважно, как часто он обнаруживается! Как же они не понимают, что это чудо! Самое настоящее чудо! Разве не чудо, что люди, пусть даже немногие, пусть даже единицы, мысленно общаются друг с другом и понятия не имеют о том, что у них это получается...»

Зазвонил мобильник. Звонил Ятаган. Микаэл был удивлен. Они уже несколько месяцев не общались. Собственно, после фиаско с «синдромом Ятагана» им особенно не о чем было разговаривать. А может, они, сами того не сознавая, избегали друг друга. Нелегкое это дело — пойти наперекор научному сообществу, выдержать его нападки и издевки, выстоять, не сломаться.

— Привет, Микаэл, — сказал Ятаган. — Знаешь, у нас тут молодежь снова на улицы вышла, требует признать ваше двадцать четвертое апреля.

Находясь в Турции, Ятаган избегал произносить слово «геноцид», особенно в телефонных разговорах, хотя в прочих ситуациях это не составляло для него труда.

— Я тут вот о чем подумал, — продолжал между тем Ятаган, — может, и вздор, но вот решил с тобой поделиться — тебе, думаю,

понравится. Послушай, ведь прежде чем случиться трагедии, случается жизнь. Понимаешь? Сначала бывает жизнь, а потом трагедия... «Ромео и Джульетта», «Гамлет»... А у вас, у армян, сначала случилась трагедия, а что сейчас?.. Куда вы идете сейчас? Каким жанром назвать эту перевернутую трагедию?.. Сказки заканчиваются женитьбой героя... Что потом? С неба падают три яблока... и у вас падают... и у нас падают... все остальное неважно. А у вас, армян, с чего начинается сказка? С двадцать четвертого апреля. Скажешь, не так?

Ятаган все болтал и болтал, взволнованно, разгоряченно — видно, опять был под мухой, а Микаэл все стоял и стоял, вперив взгляд в раскрытый в темном углу кабинета ящик, пока голова его не закружилась от внезапно нахлынувших мыслей.

«Признак, который присущ обоим — еврею и палестинцу. Или так: у одного он есть, у другого — нет, как у зэка и вертухая. Или вовсе отсутствует — как у тех, кто живет в Штатах, кроме единиц, к примеру двух индейских женщин из оклахомской резервации». И постепенно у него на глазах темная комната озарялась светом.

— Так ты говоришь, бабушка твоя так и не призналась, каких она была кровей? — прервал он Ятагана изменившимся голосом. Прежним, зычным, командным голосом, который звучал в самолете, когда он требовал: «Ланцет!» — обращаясь к опытному медбратау. Но в следующий миг голос вновь сделался хриплым.

— Ланцет толстый, Ятаган, слишком толстый, — еле слышно пробормотал Микаэл в мобильник.

Диана ГАМИ

ДОЛГАЯ ДОРОГА В ШИР

ЭССЕ

По тому как Средневековье стало «страдающим», войдя в массовую интернет-культуру в качестве известных всем мемов, оно имело репутацию отнюдь не веселую. Зарекомендовав себя для непосвященных эпохой крайне мракобесной, жестокой и чуждой всяческому гуманизму. Казалось, что все, чем занимались люди в эти воистину мрачные времена, это постоянные молитвы, войны за каждый клочок земли, смерть от чумы и борьба с гигантскими улитками.

Однако современные исследования, посвященные Средним векам, разрушают большую часть привычных нам представлений. Эпоха, включающая в себя целых десять веков человеческой истории и именуемая Средневековьем, хоть и оказалась периодом сложным во всех отношениях, но дала нам также немало открытий и имен, а заодно явилась одним из основных столпов современной культуры и цивилизации. Несмотря на то что создается впечатление, будто все массовые литературные течения XX–XXI веков были новаторскими по своей природе, нельзя отрицать огромной роли средневековой литературы и культуры в целом в формировании, например, такого ныне популярного жанра, как фэнтези.

Отцом классического фэнтези, в том виде, каким мы его знаем, общепризнано является Дж. Р. Р. Толкин. И это утверждение совершенно справедливо, но имеет ряд важных уточнений. Толкин — один из выдающихся филологов и литературоведов своего времени, питавший особую любовь и интерес к медиевистике. Благодаря его трудам мир увидел законченный перевод на современный английский язык великого англосаксонского эпоса «Беовульф», явившегося для него неисчерпаемым источником вдохновения на все последующие годы. И здесь самое время подойти к главной визитной карточке практически любого фэнтези-произведения. А именно — средневековому антуражу, так умело воплощенному первыми авторами жанра, благодаря которым и был задан этот непререкаемый критерий. Но поспешу уточнить, что средневековье это весьма условное, лишь вдохновленное реальным историческим периодом и переосмысленное в авторском ключе.

Почему переосмысленное?

Классический фэнтези-сюжет всегда или почти всегда развивается в европейском средневековом сеттинге (это непререкаемый элемент «мира», к которому мы вернемся чуть позже). И с самой первой страницы все кажется нам невероятно знакомым и понятным. По ходу действия мы оказываемся на улочках неких городов, похожих на средневековый Париж, и практически все предметы быта и обихода нам сразу знакомы. Мы знаем, как устроена феодальная структура общества, и знаем, что, стоит нашему герою выехать на дорогу за пределами охраняемых стражниками крепостных стен, он покинет безопасную территорию и с ним тут же начнут происходить самые разнообразные события. Если же в центре повествования фэнтезийная деревня, то мы заранее предполагаем, что где-то там непременно должен появиться трактир или корчма, где герой встретит таинственного незнакомца и будет запущен так называемый квест. В случае же с темным или постмодернистским направлением там же за углом появится и бордель, как представляющаяся нам теперь повсеместной проза жизни средневекового человека. Ведь мы так много раз читали подобное в исторических романах. Впрочем, это лишь внешний каркас и всегда есть одно большое и важное «но». Автор играет с нами знакомыми образами, заставляя поверить, что мы знаем этот мир и все в нем происходящее нам знакомо и так же реально, как казнь, к примеру, легендарной Жанны д'Арк. Но стоит читателю вчитаться в текст, как

Средневековье очень быстро окажется липовым, город никаким не Парижем, а деревня и вовсе давно разрушенной армией орков грудой руин. Кроме того, даже если вы отлично знаете карту средневековой Европы в рамках фэнтезийного произведения, до соседнего города вы по ней вряд ли доберетесь, ведь почти у каждого романа есть своя география, религия и космология. Фэнтези — это почти всегда средневековье, но средневековье, альтернативное нашему, в совершенно альтернативной реальности, на альтернативной планете в альтернативной вселенной, где все словно идет почти так же, но в то же время совсем по-другому. Там есть почти такие же рыцари, короли, прекрасные дамы и величественные замки. Но к нашей истории и нашему историческому опыту это не имеет совершенно никакого отношения.

Но хочется уточнить, что влиял на формирование жанра фэнтези не только средневековый антураж и его внешний каркас. Влияла сама эпоха со своими устоявшимися литературными жанрами и клише. Попробуем разобрать некоторые из них чуть подробнее.

И начнем мы с одного из наиболее ярких средневековых жанров — так называемой литературы путешествий. Здесь необходимо пояснить, что в Средние века сам концепт путешествия зачастую воспринимался через призму религии и чаще всего был связан с таким явлением, как паломничество. Однако паломниками становились далеко не все. Путешествия были также доступны не всем слоям населения, что вызвало в литературе данного направления интересный феномен. Немало произведений того периода стали наделять путешествие скорее аллегорическим характером, нежели реальным, и рассматривать как путь к чему-то недостижимому, светлому и чистому — например, к мифической чаше Грааля.

Путешествие ради прочих мещанских и не столь благородных целей считалось не таким привлекательным в глазах читающей общественности. Кроме того, довольно часто артефакт, ради которого замышлялось путешествие, терял к финалу свою первоначальную значимость, оставаясь лишь маяком на пути героя. Путешествие имело целью очистить персонаж духовно и привести его к неким новым, неведомым ему доселе истинам. И в конечном итоге становился важен не сам факт поиска Грааля, а те морально-этические изменения и открытия, которые происходили с героем. Путешествие же служило связующим звеном в

цепочке приключений, которые вели к внутреннему перерождению. В связи с этим часто в средневековой литературе путешествие могло носить и чисто метафорический характер. Как, к примеру, в записанной монахами в VIII веке знаменитой поэме «Плавание Брана, сына Фебала», где главному герою, Брану, однажды послышалась чудесная музыка, от которой он уснул, а во сне ему явилась женщина и поведала о волшебной стране Эмайн. Проснувшись, Бран решил отправиться на поиски волшебной страны, собрал людей, снарядил ладью и отплыл.

Далее путешествие Брана и его спутников становится похожим на скитания Одиссея. В итоге он находит Остров Женщин, где некоторое время наслаждается жизнью, пока не берет верх тоска по Ирландии. Бран решает вернуться, вот только на родине прошло много лет, и никто не помнит ни героя, ни его спутников. Более того, стоит им коснуться берега, как они обращаются в прах, так как давным-давно мертвы для реального мира. Сюжет поэмы иллюстрирует частый мотив средневековых легенд о заманивании смертного в страну бессмертных, где тот пропадает с концами либо возвращается назад спустя большое количество лет.

Частично схожий с данной поэмой сюжет присутствует и в тексте «Плавание Святого Брендана», относящемся к поджанру «мистическое путешествие». Данная история была записана еще в начале X века в одном из ирландских монастырей. А уже в XII веке «Плавание святого Брендана» было настолько популярно, что его цитировали и переводили на другие языки и активно распространяли за пределами Ирландии. Сохранилось более сотни рукописей и списков разных версий «Плавание», которое совершенно точно можно считать единственным произведением ирландской повествовательной литературы, покорившим воображение буквально всей средневековой Европы.

Сюжет одной из версий этого знаменитого «мистического путешествия» таков. Однажды главный герой, святой Брендан, нашел в библиотеке аббатства книгу, повествующую о монстрах, обитающих в далеких странах и морях. Приняв книгу за собрание вредоносных еретических вымыслов, он с раздражением бросил ее в огонь. Но перед ним тотчас явился ангел, повелевший немедленно отправиться в путешествие, из которого Брендан сможет вернуться, лишь воочию убедившись в достоверности сотворенных Богом чудес. Искренне верующий Брендан по-

корно повиновался. Снарядив корабль, он вместе с двенадцатью братьями отплыл из Ирландии. Девять лет провели они в плавании и увидели многое из описанного в сожженной им таинственной книге. На пути им повстречались сирены и морские чудища, драконы и огненные птицы, люди с телом, поросшим шерстью, со свиными головами, карлики, огромная рыба-остров, которая опустилась в море, когда путники попытались развести на ней костер, приняв за часть суши. Они попали в клейкое море, лишь чудом спасшись из его плена, видели праведника, удалившегося из мира и обитавшего на небольшой скале, возвышавшейся среди морских волн. На другом островке они обнаружили громко стонавшего и каявшегося Иуду, которого отпустили на воскресные дни из ада, чтобы он отдохнул от мучений. Они проплыли мимо чистилища, приблизились к границе ада (охваченному пламенем острову, на берегу которого прыгали закопченные адским огнем черти), проехали мимо райских врат и, наконец, прибыли в землю, подобную земному раю, увенчанную горой с возвышавшимся на ней дивным замком с хрустальными стенами. Лишь увидев все это и преодолев много препятствий, Брендан и его спутники вернулись в Ирландию. После чего герой описал все им пережитое в упомянутом выше произведении.

«Плавание святого Брендана» — первая попытка европейского Средневековья, пусть и воображаемая, расстаться с землей под ногами и отправиться в путешествие в открытое море, к неизведанным странам и краям. Это предание нередко сопоставляют с историей скитаний Синдбада-морехода, и хотя сходство двух повествований весьма отдаленное, некоторые эпизоды (например, высадка на спине огромной рыбы) оказываются универсальной легендой для мореплавателей Запада и Востока. Многие истории этого «мистического путешествия» также нашли свое отражение в европейских сказках.

Еще одним интересным аспектом этого «путешествия» является прочно поселившаяся в умах ирландских монахов того периода мысль, что где-то там, на западе, посреди моря расположена новая Земля Обетованная, которую заселит народ Божий. Представления недавних кельто-язычников об ином мире часто упирались в образы изолированного пространства или острова, окруженного со всех сторон водою, как бы извлеченного из земного мира, закрытого от всех, а значит, неподвластного злу и страданиям. В конце концов эта идея достигает своего апогея и

воплощается в сказочный и известный всему миру остров Авалон из цикла сказаний о короле Артуре.

В жанре фэнтези все вышеизложенное реализуется в идее «квеста», в основе которого почти всегда лежит путешествие за неким артефактом и весьма часто в нездешнюю, а иногда и волшебную страну.

Еще одним интересным средневековым жанром являлась так называемая литература видений, характеризующаяся наличием в тексте некоего ясновидца, которому однажды было видение о загробном, потустороннем мире. Данный жанр включал в себя такие элементы, как сон во сне, общение с представителями загробного мира, великими людьми прошлого и многое другое, и часто сопоставлялся с литературой о чудесном, так как наличие чуда было присуще и литературе видений. Вершиной данного жанра стала «Божественная комедия» Данте, которая собрала и систематизировала все известные клише подобных произведений: и образ ясновидца, и потустороннего проводника-помощника, и внезапно открывшиеся тайны иного, загробного мира. Для такой литературы был крайне важен образ проводника в потустороннем пространстве. Так как именно его устами часто озвучивались важные дидактические выводы (как в указанном выше труде Данте Алигьери или в средневековой поэме «Жемчужина» неизвестного автора). Проводником мог быть известный мудрец прошлого, святая дева либо незнакомый герою персонаж. Например, в «Видениях о Петре Пахаре» Уильяма Ленгланда таким проводником предстает прекрасная дама, а главным ее наставлением является назидание герою служить Правде. Ибо Правда «есть сокровище, самое испытанное на земле». Правда, Совесть и Любовь.

Литература видений была крайне аллегоричной и также носила наставнический характер, побуждала расширить границы восприятия мира, подумать о вечном и допустить мысли о существовании того, что нам неподвластно и неизвестно. Кроме того, именно в литературе видений мы впервые встречаем такое явление, как вторичный мир, получивший после огромное развитие в жанре фэнтези. Уже в средневековой литературе этот мир имеет свои правила, нарушать которые герою крайне не рекомендует его проводник. Часто первичный и вторичный миры имеют разделение в виде реки, пересекает которую герою запрещено. Этот мотив отчетливо прослеживается в «Жемчужине» и ряде других произведений. За нарушение этого правила

следует наказание либо пробуждение от видения и невозможность более попасть или как-то соприкоснуться с «иной страной». Так или иначе, от литературы видений жанр фэнтези получил мечту о волшебном вторичном мире со своими законами и правилами, а также незыблемую истину, что правила эти нарушать не следует.

Еще один популярный средневековый жанр прочно лег в основу фэнтезийной литературы. Это крепко связанный с литературой путешествий жанр под названием «бестиарий» — средневековый вид энциклопедической литературы, состоящий из описаний всевозможных животных, населяющих мир и встречающихся путникам. И что же удивительного в этом жанре, спросите вы? На это я сразу приведу в пример запись из энциклопедии, составленной известным средневековым архиепископом Исидором Севильским:

«Пеликан (pellicanus) — египетская птица, живущая в пустынных местах у реки Нил, который и дал ей имя, ведь Египет по-гречески называется “Каноп” (Canopus). Сообщают, если этому можно верить, что пеликан убивает своих детей и скорбит по ним три дня, затем ранит сам себя и, окропляя своей кровью, оживляет их».

Данное описание пеликана было довольно распространенным в Средние века. Отчего эта птица даже стала одной из наиболее популярных аллегорий жертвенности, любви и милосердия. Ведь, по мнению средневековых авторов, пеликан сперва убивает своих детей от избытка любви, а затем разрывает себе грудь, чтобы оживить своей кровью умерших птенцов. Чем не образец самопожертвования?

Но самыми популярными и узнаваемыми персонажами практически всех бестиариев что в те времена, что в наши являлись совсем не пеликаны, а единороги. Существа для нас совершенно фантастические и вполне реальные для людей прошлого. Единорог прочно закрепился в нашем сознании самым затертым образом фэнтези-литературы, однако изобрели этого чудесного зверя совсем не писатели XX века. Единорог являлся символом непорочности, ведь, как уверяли составители бестиариев, приманить и оседлать этого зверя могла лишь непорочная дева. Едва ли авторы бестиариев могли представить, какую огромную роль будет играть единорог много веков спустя в новом литературном жанре. Авторы переняли и характеристики, и внешний облик дивного создания, сделав его символом литературы о волшебном.

Что касается облика единорога и других обитателей бестиариев, то важно уточнить: иллюстрации играли огромную роль в данной литературе, создавая особую атмосферу и будоража воображение неискушенного читателя. К сожалению, рисовали это все художники, зачастую никогда не видевшие не только единорогов, но и многих совершенно обыденных тварей. Впрочем, едва ли это огорчало читателей того периода. Ну а мы можем только позавидовать воображению живописцев тех давних времен.

Средневековые бестиарии были, по сути, первыми литературными попытками понять этот мир, систематизировать знания о нем и предостеречь от опасностей. Природа считалась главным полем битвы между добром и злом, а бестиарий учил истолковывать мир и те знаки, что он посылал людям.

Волшебные существа занимают в литературе жанра фэнтези огромное место, и сейчас сложно представить фэнтези-произведение, в котором совсем не будет подобных животных. Но многие авторы идут чуть дальше, чем просто включение единорогов и драконов с василисками в основной сюжет, и создают собственные бестиарии, описывающие тварей их вымышленного мира. Как, например, Анджей Сапковский и его «Бестиарий» к циклу романов о ведьмаке, в котором можно подробно ознакомиться со всеми чудищами и монстрами, населяющими вымышленный мир.

От фантастических тварей плавно перейдем к героям, которые часто по воле судьбы с этими тварями боролись.

Одним из самых важных средневековых литературных жанров являлся эпос. Именно эпос заложил прочный фундамент героического фэнтези. Отчего рассматривать героическое или эпическое фэнтези в отрыве от эпоса вряд ли возможно. Однако эпос играл и играет огромную роль не только в литературе, но и в жизни обычного средневекового человека. Этот жанр формировал мышление и ценности целого поколения людей. Эпические сказания прошлого пересказывали из уст в уста, герои этих произведений разрастались до небывалых вершин, превращаясь в литературных богов для стран и народов, а подчас отражали скорби и переживания тяжелых времен, истории о давно забытых битвах и искореженных роком судьбах.

По словам академика Б. А. Грекова, эпос — это история народа, рассказанная самим народом. Именно поэтому этот жанр вызывает особый интерес у читателей по сей день.

И здесь нам потребуется снова вернуться к отцу жанра фэнтези — Толкину, с которого я начинала это эссе, и англосаксонскому эпосу «Беовульф» — величайшему произведению древнеанглийской литературы, переводом которого британский профессор занимался длительное время.

Как и почти вся средневековая литература, «Беовульф» довольно аллегоричное произведение, прославляющее воинские добродетели древнего мира, такие как долг, честь и бесстрашие в бою. Однако эпос — это не история о достижениях. Он всегда трагичен. Ведь в схватке с силами зла и рока, в борьбе с чудовищами герой зачастую обречен.

«Не может быть “истории” без падения — все истории в конечном счете повествуют о падении», — писал Толкин. Но падение необязательно должно быть лишено благородства, смелости и отваги. Зло и прислуживающие ему чудовища для авторов средневековых эпосов, и «Беовульфа» в частности, олицетворяли силы хаоса, стремящегося разрушить добродетельный миропорядок. Герой же символизировал саму жизнь, сражающуюся за все доброе и праведное. Все это в дальнейшем было активно подхвачено фэнтези-писателями XX века и воплощено в попытках изобразить свой собственный средневековый мир, отразить в нем борьбу добра и зла, света и тьмы, порядка и хаоса. Средневековые европейские эпосы, наполненные древними легендами, сказаниями и страхами, по сей день являются неиссякаемым источником вдохновения и идей.

Что касается большой формы эпоса или романа, то самое время перейти к «артурианскому циклу», легшему в основу рыцарского романа — еще одного кирпичика в башне под названием «фэнтези».

Артурианский миф всегда служил кладезем идей и «образцом идеальной истории» для большинства фэнтези-авторов. Многие из них рассуждали об этом явлении в своих литературоведческих статьях. К примеру, Анджей Сапковский в статье «Мир короля Артура» высказал мнение, что фэнтези-литература несостоятельна как жанр без европейской мифологической традиции, которую проще всего черпать из знакомой почти всем с самого детства Артурианы.

Цикл легенд о короле Артуре дал мировой культуре огромный пласт для исследований, сконструировав многие визитные карточки обсуждаемого нами в данном эссе жанра. Именно оттуда были заимствованы классические популярные фэнтези-архетипы,

такие как: благородный рыцарь, истинный король, мудрый волшебник, прекрасная дама, разлученные влюбленные, верный оруженосец и многое другое. Некоторые из этих архетипов были крайне удачно воплощены в классическом фэнтези-романе «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина. Каждый из этих архетипов также присутствует почти во всей фэнтези-литературе. Некоторые писатели и вовсе переосмысливают и видоизменяют сам миф, вплетая его в историю своих вымышленных миров. Но любому знакомому с Артурианой читателю разгадать эти образы будет совсем не сложно.

Резюмируя все вышесказанное, хочу отметить, что сам жанр фэнтези, безусловно, принадлежит исключительно XX веку, и оспаривать это в полной мере бессмысленно, но истоки для его формирования тем не менее уводят нас в глубину веков.

Среди практически всех классиков жанра прослеживается стойкая параллель: почти все именитые авторы в равной степени проявляют интерес к эпосу и артурианскому мифу. Кроме того, многие из них были хорошо знакомы со средневековыми европейскими традициями и историей, являясь специалистами в этих областях. На основании чего и создавали свои произведения. Ведь фэнтези — это не что иное, как мечты о средневековых подвигах и прекрасных дамах, составляющих саму суть множества исторических книг, вдохновивших нас еще в детстве, когда почти все мы воображали себя рыцарями Камелота, взгромоздившись на кучу дворового песка с деревянным мечом наперевес. Это попытка уже во взрослом возрасте пережить приключения в эпохе, давно канувшей в Лету. Почувствовать ее эстетику и дух, не переписывая при этом реальных исторических событий, а создавая альтернативную реальность. Средние века — это огромный путь человеческой истории, культуры и мысли, впитав который классики фэнтези создали совершенно новый литературный жанр.

В завершение хочу разобрать известное всем слово «Средиземье», используемое Толкином для обозначения места действия в своих произведениях. Хотя профессор изобрел несколько языков и выдумал немало совершенно новых слов, именно это было придумано не им, а взято из древнеанглийских средневековых текстов. Его теперь уже популярное и известное всему миру Middle-Earth происходит от древнеанглийского *middan-geard*, а также среднеанглийского *midden-erd* и *middle-erd* — средняя земля или средиземелье.

Мы можем наблюдать данное слово в средневековом английском стихотворении под названием «Блаженная земля» в переводе В. Тихомирова:

*...здесь, в средимирье,
та земля далекая
людям недоступна...*

Когда-то, рассуждая о «Беовульфе» в своей работе «Чудовища и критики», Толкин рассмотрел эпос не как случайное собрание сказочных элементов, восходящих к разным эпохам, а прежде всего как целостное произведение, выстроенное создателем в соответствии с его собственными задачами и смыслами в конкретный исторический момент. Свою идею Толкин проиллюстрировал следующей притчей.

Человек собрал камни, оставшиеся от разрушенных древних зданий, и выстроил из них высокую башню. Те, кто вскоре пришли осмотреть постройку, увидели, что на камнях можно прочесть любопытные древние надписи, и разобрали башню до основания, стремясь изучить камни. Между тем человек строил башню, чтобы с ее вершины увидеть море.

Смею предположить, что, несмотря на то, что столь причудливый жанр, как фэнтези, так же как и древние эпосы, создан из литературных «камней» и опыта прежних эпох, тем не менее, возможно, благодаря этой «башне» кто-то увидит море.

АВТОРЫ НОМЕРА

АГУЗАРОВА Элина родилась в 1996 году в Грозном. Студентка 1-го курса магистратуры факультета русской филологии СОГУ. Документовед кафедры русской и зарубежной литературы. Участница многочисленных научно-практических конференций и лауреат исследовательских конкурсов.

АЛЕКСЕЕВ Александр родился в 1980 году во Владикавказе, где и проживает в настоящий момент. Перепробовал множество профессий, в данное время работает оператором на ГТРК «Алания» и корреспондентом программы «Доброе утро» на Первом канале.

АЛИЕВ Тимур родился в 1973 году в Грозном. За свою жизнь сменил несколько профессиональных поприщ: из сферы IT перешел в журналистику и издательскую деятельность, работал также в общественном секторе, с 2007 года — на государственной службе. Автор нескольких десятков повестей и рассказов, изданных в различных сборниках и журналах.

БЕТРОЗТИ Руслан родился в 1995 году во Владикавказе, большую часть жизни провел в Москве. Юрист. Окончил бакалавриат и магистратуру Финансового университета. С детства увлекался разного рода творчеством, в основном изобразительным. «Тяга к справедливости и юношеский максимализм толкнули меня поступить на юридический факультет в надежде стать судьей. Только проработав в системе, понял, как далеки от нее школьные представления. Сублимирую в творчество».

ВАЛИЕВ Хетаг (псевдоним) родился в 1999 году во Владикавказе. Окончил факультет биотехнологий СОГУ. Занимался предпринимательской деятельностью. Студент магистратуры Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова. «Из увлечений — творчество во всех ипостасях. У меня есть несколько рассказов, сценариев для короткометражек. Снял несколько короткометражек в качестве режиссера, оператора, сценариста, продюсера. Также выпустил музыкальный альбом, который полностью записал сам, написал всю музыку, сделал сведение и мастеринг, но сейчас творчество ушло на второй план».

ГАМИ Диана родилась в 1985 году в Кизляре, Республика Дагестан. В 2008 году окончила филологический факультет СОГУ (отделение МХК). Защитила диплом по теме «Специфика изображения двойничества в современном фэнтези». В

2022 году окончила курсы по повышению квалификации в Литературном институте имени А. М. Горького по фэнтези-литературе. Автор монографии «Теория и практика творчества: как сделана литература фэнтези». Работает в журнале «Международная жизнь» (издание МИД РФ). Живет во Владикавказе.

ГЕЛЯСТАНОВ Мурат родился в 1986 году в Нальчике. В 2008-м окончил биологический факультет КБГУ. Работает преподавателем биологии и химии. Публиковался в журнале «Дарьял». Участник северокавказских форумов молодых писателей.

ДЗИОВ Хасан. «Биографическая справка? Родился 42 года назад во Владикавказе. С тех пор живу, работаю на благо людей и ношу очки. Остальное слышом скучно для упоминания. С уважением».

КУБАТИЕВ Алан (1952–2022) — российский писатель, публицист, переводчик, литературовед, журналист, антологист, преподаватель, кандидат филологических наук. Лауреат АБС-премии (2005). Родился в городе Фрунзе Киргизской ССР. Обучался в аспирантуре МГУ и в 1980 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Британская фантастика 50–70-х годов». Работал преподавателем в Новосибирском государственном университете, Киргизском национальном университете, Американском университете Центральной Азии. Проходил стажировку в США и Великобритании, выпускник знаменитых Стэнфордских профессиональных издательских курсов.

Увлёкся фантастикой в возрасте семи лет, писать фантастические произведения начал в 26 лет. Жил в Кронштадте. Преподавал в Институте специальной психологии и педагогики им. Рауля Валленберга. Активно занимался писательской деятельностью и переводами. Ему принадлежит полная биография Дж. Джойса на русском языке. В 2012 году его «Джойс» вошел в длинный список номинантов премии Большая книга за 2011–2012 годы.

КУЗЕН Филипп родился во Франции в 1947 году. Писатель, художник. Впервые стал известен как иллюстратор французских печатных СМИ. С начала 80-х годов и на протяжении многих лет — штатный иллюстратор газеты Le Monde. Как писатель дебютировал в 1976 году с научно-фантастическими рассказами «Ты любишь меня?» и «Незначительные судьбы». Автор трех романов-триллеров и нескольких сборников

рассказов, выходящих в различных французских издательствах.

ЛАФИШ Лия (псевдоним) родилась в 2005 году в Нальчике. Окончила девять классов гимназии № 29. Студентка колледжа дизайна КБГУ.

ЛИСОВОЙ Никита родился в Нальчике в 1986 году. Окончил лицей № 2. Занимался футболом, выступал за нальчикский «Спартак». В 2003 году переехал в Санкт-Петербург и поступил на факультет журналистики СПбГУ. Параллельно играл во втором составе петербургского «Зенита». С 2004 по 2009 год работал специальным корреспондентом газеты «Комсомольская правда», был ведущим рубрик «Спорт», «Шоу-бизнес» и «Криминал». Отслужил в армии, с 2010 года стал заниматься предпринимательской деятельностью. В 2015 году организовал компанию «Лисса», которая занимается производством коммерческой полиграфии, упаковки, изданием книг. Женат, трое детей. Любимым автором со школьных лет считает писателя-фантаста Юрия Никитина.

ЛЯЛЮЛИН Алексей родился в 1967 году в Москве. Отслужив в армии, окончил химический факультет МГУ. После развала СССР сменил много специальностей и профессий — от научного сотрудника Московского университета до продавца запчастей на рынке «Фаллой» во Владикавказе. Занимался автоспортом, был призером чемпионата России по трофи-рейдам. Увлечение off-road позволило стать внештатным журналистом в изданиях, пишущих об автомобилях, путешествиях и приключениях. Член Русского географического общества. Автор мистических рассказов, где история и реальность тесно переплетены с мифологией и фольклором. Автор романа «Печать Мары».

ОМАРОВ Артур родился в 1988 году во Владикавказе. Сценарист и режиссер, инженер по образованию. Вместе с женой Елизаветой Чухаровой работает над развитием своей студии независимого кино Norragarrop. Также публиковался в журналах «Дарьял» и «Найди лесоруба».

САЛАХАНОВ Адам родился в 1984 году в Грозном. Род деятельности — евроремонты, дизайн помещений, строительные и внутриотделочные работы. Прозу начал писать с 28 лет. Работал над адаптацией своих рассказов «Зов могилы» и «Дереализация» в киносценарии «Ц1япцалг» и «Тускар», по первому независимый режиссер Заур Цугаев снял фильм. С 2019-го — член Союза писателей России. Участвовал в художественном проекте галереи «Гараж» с последующей выставкой экспериментальной трилогии «Де» и графическим романом «Ретроспектр. Таймасха». Ведет литературный телеграм-канал «book{ассенизатор}». Живет в селе Гехи Чеченской Республики.

СОЛТАНОВА Диана родилась во Владикавказе. Окончила МБОУ-лицей, после чего поступила в СОГУ на факультет международных отношений. «Пишу рассказы, читаю книги, работаю в сфере IT и никому не доставляю проблем».

ТЕР-ГАБРИЕЛЯН Геворг родился в 1964 году в Ереване. Прозаик, публицист, общественный деятель. Первый рассказ опубликовал в 1980 году. В числе изданных книг — романы «Грант» (2018), «Великий Астроблик» (2022), «Талинт Пфест» (2023), сборники рассказов, повестей и эссе «Площадь подвал» (2012), «Кино театр безбожник» (2018) и «Проблема низкорослых тополей» (2021). Среди его наград — Первый приз в номинации «Проза» Шестого международного ереванского книжного фестиваля «Букфест» (2023). Жил, работал и учился в шести странах. Также является соавтором и редактором ряда книг и сборников художественной прозы на темы власти, толерантности, критического мышления, насилия, образования и т. д. Публикует видеолекции на те же темы под шапкой Jam Session. Некоторые из произведений, переведенные на русский, можно найти на личной странице: tgergab.com.

ФАРНИЕВА Эльвира родилась в 1980 году во Владикавказе. Писатель, переводчик с английского языка, редактор-корректор, победитель сетевых и официальных литературных конкурсов. В издательствах ЭКСМО и АСТ опубликовано несколько книг переводов и собственной книга «Не так быстро, царевна!»

ХЕТАГУРОВ Сослан родился в 1975 году во Владикавказе. Окончил Северо-Осетинскую государственную медицинскую академию. Кандидат наук, доцент. Публиковался в журнале «Дарьял» и других местных и центральных изданиях. Живет во Владикавказе.

ЦЕРЕКОВ Артур родился в 1965 году в Орджоникидзе. В 1986 году окончил экономический факультет СОГУ. В 2004–2006 годах работал штатным сборком газеты «Труд» по Северному Кавказу. Автор четырех романов в жанре фэнтези и двух иронических детективов. Работает сборком газеты «Слово» во Владикавказе.

ЦХУРБАЕВ Алан родился в 1976 году в Тбилиси. Журналист и публицист, с 2018 года главный редактор литературного журнала «Дарьял». Ранее корреспондент различных российских и зарубежных СМИ. В 2009–2010 годах — автор и ведущий сатирической телепередачи «Перестаньте смеяться» на ГТРК «Алания». Печататься начал в 1997 году в «Дарьяле» с короткими рассказами. Также имеет публикации в журнале «Дружба народов», других периодических изданиях. Организатор Владикавказского книжного клуба Readers on the Storm. Составитель сборника современных писателей Осетии «Здесь были» (на русском языке).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАРЬЯЛ»

ЗА 2023 год (№ 1–6)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЦХУРБАЕВ Алан. Система знаков. № 6
ЦХУРБАЕВ Алан. Газданов. Назад в Осетию. № 4
ЦХУРБАЕВ Алан. Тот самый книжный клуб. № 5

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ГАЛАЗОВ Ахсарбек. Письма внуку. № 1–3
ГИОЕВ Петр. Цыгане, гитары, Пушкин. № 3
ГОБАЕВ Георгий. Беглец. *Роман (окончание)*. № 1
ДАУРОВА Виктория. Неизведанная terra. *Стихи*. № 5
КАРГИНОВ Азамат. Три закона. *Рассказ*. № 5
КОДЗАТИ Ахсар. Глаза души. *Стихи*. № 3
КОСТАНДОГЛО Татьяна. Жизнь. Просто жить. *Стихи*. № 1
МАМУКАЕВ Казбек. Фантазмагория. *Стихи*. № 5
МАРЖОХОВ Тенгиз. Нулёвка. *Повесть*. № 1–2
НАДЕЖДИН Михаил. «Всегда в моей душе живет Владикавказ...» *Стихи*. № 2
ПАРСАНОВА Татьяна. Предтеча возрождения. *Стихи*. № 1
ПЕНКНОВИЧ Илья. Палитра осени дерзка. *Стихи*. № 5
РОЗЕНШТЕЙН Юрий. Memento vita et memento mori. *Стихи*. № 3
РЫБИН Александр. Рембо в Эфиопии. *Рассказы*. № 2
ТАКСИДИ Николай. Уходят герои. *Стихи*. № 2
ХУГАЕВ Ирлан. Урок. *Рассказы*. № 3
ШАОВ Асфар, ШАОВ Ибрагим. Пациент № 132, или Живи здесь и сейчас. *Повесть*. № 2–3

ПРОЗА

ГАЗДАНОВ Гайто. Водяная тюрьма. *Рассказ*. № 4

«СИСТЕМА ЗНАКОВ»

АГУЗАРОВА Элина. Корабль Тесея. *Миниатюра*. № 6
АЛЕКСЕЕВ Александр. Три четверти. *Рассказ*. № 6
АЛИЕВ Тимур. Охота на дракона. *Рассказ*. № 6
БЕТРОЗТИ Руслан. Кнопка. *Рассказ*. № 6
ВАЛИЕВ Хетаг. «Хистар». *Рассказ*. № 6
ГЕЛЯСТАНОВ Мурат. Карбиоратпор. *Рассказ*. № 6
ДЗИОВ Хасан. Кукла ноября. *Рассказ*. № 6
ЛАФИШ Лия. Торговцы хуже блох. *Рассказ*. № 6
ЛИСОВОЙ Никита. Кошара. *Рассказ*. № 6
ОМАРОВ Артур. Предохранитель. *Рассказ*. № 6
САЛАХАНОВ Адам. Презентизм: индексальная трактовка; почему «он им подошел». *Рассказ*. № 6
СОЛТАНОВА Диана. Застолье. *Миниатюра*. № 6
ФАРНИЕВА Эльвира. Требуется помощница повара. *Рассказ*. № 6
ХЕТАГУРОВ Сослан. Парад планет и нейросеть. *Миниатюра*. № 6
ЦЕРЕКОВ Артур. Нельзя умереть дважды... *Рассказ*. № 6

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

ЗАКИР Смарок. Аллеи и закоулки сердца. *Стихи*. *Перевод Е. Данченко*. № 5
ИЙИТС Уильям Батлер. Розе на изломе времен. *Стихи*. *Перевод А. Золоева*. № 5
ТИЛЬШ Ильзе. Похвала странности. *Стихи*. *Перевод А. Золоева*. № 2
ХАУСМАН Альфред. Паренек из Шропшира. *Стихи*. *Перевод А. Золоева*. № 3
ХИКМЕТ Назым. Незаконченное стихотворение о весне. *Стихи*. *Перевод П. Железнова*. № 2

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

ГАМЗАТОВ Расул. Нас двадцать миллионов. *Стихи*. № 3
САЛБИЕВ Тамерлан. «Ушел собирать этнографический материал...» *Очерк (окончание)*. № 1
ТОЛСТОЙ Алексей. Милосердия! *Рассказ*. № 2
ЧИГИР Виктор. Опыты преображения. *Анализ стихотворения Н. А. Заболоцкого «Ночь в Пасанаури»*. № 3

ПАМЯТИ ДРУГА

КАСИЕВ Мурат. Смутное время. *Стихи*. № 2

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА

РЕМАРК Эрих Мария. Тени в раю. *Главы из романа*. № 2
ЧЕХОВ Антон. Гусев. *Рассказ*. № 5

ИЗ МИРОВОГО НАСЛЕДИЯ ФАНТАСТИКИ

КУЗЕН Филипп. Я присню. *Рассказ*. № 6

ИЗ АРМЯНСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Тер-ГАБРИЕЛЯН Геворг. Синдром Ятагана. *Рассказ*. № 6

ИЗ ИНГУШСКОЙ ПОЭЗИИ

ХАШАГУЛЬГОВ Али. А солнце будет светить. *Стихи*. № 5

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ДЖАНИБЕКОВ Ренат. Нотр-Дам горит. *Стихи*. № 5
ДЫМЧЕНКО Денис. Выкидыш. *Рассказ*. № 5
«Наш город». Конкурс книжного клуба. № 5
НИНА К. Про бахилы. *Стихи*. № 5
ХОЛОДНЫЙ Саня. Про летчика. *Рассказ*. № 5
ШИДАКОВ Ахмат. День утокосов. *Рассказ*. № 5
ШОМАХОВА Дарья. Осторожно, двери закрываются. *Стихи*. № 5
ЯНГИЕВА Асват. Матрешка эмиграции. № 5

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ГЕТОЕВА Лариса. Открытие Лазаря Гадаева. № 3
ОСТАЕВА Татьяна. Павел Хасиев. История и судьба. № 5
ОСТАЕВА Татьяна. Скульптор Руслан Тавасиев. № 2
РЕЗНИК Ольга. Шах и мат живописца Сергея Филатова. № 1

ЦИТАТА

АРИСТОТЕЛЬ. № 1
СЕНЕКА. № 2
ХЕТАГУРОВ Коста. № 5

ВКЛЕЙКА

ГАДАЕВ Лазарь. Скульптура. № 3
ГАЗДАНОВ Гайто. Фото. № 4

ТАВАСИЕВ Руслан. Скульптура. № 2
ФИЛАТОВ Сергей. Живопись. № 1
ХАСИЕВ Павел. Живопись. № 5

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

САЛАМОВ Таймураз. Похищение Азау. № 3

ЭХО ВОЙНЫ

ТОРЧИНОВ Хаджи-Мурат. Блокадные дни Ады Чесноковой-Торчиновой. № 1–2

ГАЗДАНОВ И ОСЕТИЯ

АБАЦИЕВА-де НАРП Ольга. Заметки о Гайто Газданове и семье Абациевых. № 4
БЗАРОВ Руслан. Осетинский культурно-исторический контекст детства и юности Гайто Газданова. № 4
ГАЗДАНОВА Валентина. Социализация в традиционном осетинском обществе и биография Гайто Газданова. № 4
САЛБИЕВ Тамерлан. Космогония Гайто Газданова. № 4
ХАДАРЦЕВА Аза. К вопросу о судьбе литературного наследия Гайто Газданова. № 4
ЦОМАЕВА Тамара. Этюды о Гайто Газданове. № 4

ГАЗДАНОВ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БОЯРСКИЙ Вячеслав. «Великие музыканты» у Л. Толстого и Г. Газданова. № 4
КИБАЛЬНИК Сергей. Литературная дуэль Газданова с Набоковым. № 4
НЕЧИПОРЕНКО Юрий. Гоголь и Газданов: «чувственная прелесть мира». № 4

ПОЭТИКА ГАЗДАНОВА

БОНДАРЕВА Алена. Призрак Саломеи. № 4
МОКРОУСОВ Алексей. Между Рогиром ван дер Вейденом и Василием Немировичем-Данченко: к культурной географии Гайто Газданова. № 4
ПРОСКУРИНА Елена. Париж как зеркало vs зазеркалье Петербурга в творчестве Газданова и авторов «незамеченного поколения». № 4
ФЕДЯКИН Сергей. Газданов. Искусство прозы. № 4

ГАЗДАНОВ НА РАДИО «СВОБОДА»*

КИРИЕНКО Александра. «...Все суета сует и всяческая суета» — эпистолярная рефлексия Г. И. Газданова во время его службы на радио «Свобода». (Внесено Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов). № 4
МАТВЕЕВА Юлия. Г. И. Газданов в кругу писателей-эмигрантов второй волны. № 4

ГОСТЕВАЯ КНИГ@

РОЗЕНШТЕЙН Юрий. Пират. Рассказы. № 1
СТОЛЯРОВ Олег. «Вселенную не видят телескопы...» Стихи. № 3
УТКИН Сергей. Вверенное чернилам. Стихи. № 1
УТКИН Сергей. Последний звонок. № 2
ХАТЕНОВСКИЙ Виктор. Колобродит расхристанный клен. Стихи. № 1

ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»

БАТХЕН Ника. Яблочница. Стихи. № 3
ГОЛОМЗИК Сергей. Время старых книг. Стихи. № 3

ДАДАЕВ Камиль. Подумаешь, больно... Стихи. № 1
ЛЯЛЮЛИН Алексей. Волчица. Рассказ. № 6
МАЛАХОВСКИЙ Владимир. Ровно в десять... Стихи. № 5

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН

РЕЗНИК Ольга. Все смешалось в доме Вахтанговых. № 3

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

ТАКАЗОВ Валерий. Об Агубекире Кубатиеве и Агубе Кубати (окончание). № 1

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

КУБАТИЕВ Алан. Фантасты занимаются настоящим. № 6

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

НАДЕЛЬ Гергарт. Второй Иерусалимский храм с пропиской во Владикавказе. № 3

СКИФЫ — САРМАТЫ — АПАНЫ — ОСЕТИНЫ

ГАЙСИНСКИЙ Аркадий. Параллельная история асов-алан и русов. № 3

ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

УАРЗИАТИ Вилен. Чепена. № 5

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЧИБИРОВ Алексей. Гарольд Бейли: черкеска для английского рыцаря. № 2

НАУКА И КУЛЬТУРА

ЧШИЕВ Хасан. Некрополь у святилища Дамбадели / Мады Майрам — новый памятник эпохи раннего средневековья в Мамисонском ущелье РСО-Алания. № 2

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

БУРЦЕВА Мария. Картина мира рядового Гусева. № 5
ГАМИ Диана. Долгая дорога в Шир. Эссе. № 6
ГУРДЖИБЕТИ Фатима. Письма Блашка Гуржибекова. № 3
ХЕТАГУРОВА Дзерасса. «Волчья доля»: тема абречества в осетинской литературе конца XIX – начала XX века. № 3

РЕЦЕНЗИИ

ВАСИЛЬЕВА Мария. Роман «Пробуждение»: утопический проект Гайто Газданова. № 4
ЗАКУРЕНКО Александр. Романы «Возвращение Будды» и «Призрак Александра Вольфа». № 4

ПУБЛИЦИСТИКА

ОРЛОВ Даниэль. Газданов и Владикавказ моей семьи. № 4
ОТРОШЕНКО Владислав. Призрак «Призрака Александра Вольфа». № 4

ДАРЬЯЛ

ИНДЕКС 18668

ВЛАДИКАВКАЗ

2 · 0 · 2 · 3

*Обложка и все без исключения иллюстрации
в этом номере созданы нейронными сетями.
Однако искусственный интеллект на данном этапе
своего развития всего лишь имитирует работу
человеческого мозга (пока, по крайней мере)
и не справляется с творческими задачами
самостоятельно. Поэтому повелителем нейросетей
здесь выступил писатель-фантаст Мурат Гелястанов.
За что редакция выражает ему свою благодарность*

ДАРЬЯЛ-6'2023-ДАРЬЯЛ

www.darial-online.ru